Е.Р.ДАШКОВА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.Р. ДАШКОВА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Москва

2014

МГИ им. Е.Р. Дашковой

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46
Д 21

Редколлегия:

канд. ист. наук, доц. *Л.В. Тычинина* (отв. ред.)
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Бессарабова*

Д 21

Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. – 216 с., [8] с. илл.

ISBN 978-5-89903-183-0

Сборник научных статей подготовлен по материалам докладов, прочитанных в марте 2014 г. на XX Международных Дашковских чтениях. Авторы рассматривают вопросы, связанные с развитием науки, образования, литературы и живописи эпохи Просвещения и последовавшего за ней Золотого века русской культуры. Большое внимание уделяется наследию Е.Р. Дашковой, а также вкладу в историю и культуру семьи Воронцовых и современников княгини.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46

© Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ISBN 978-5-89903-183-0

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....5

Л.В. Тычинина *(канд. ист. наук, доц.)*
Дашковское общество. 2014 год: хроника событий.....6

Л.В. Тычинина *(канд. ист. наук, доц.)*
Княгиня Е.Р. Дашкова и российская культура.....11

М.М. Сафонов *(канд. ист. наук)*
Письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу
о дворцовом перевороте 28 июня 1762 года.....28

Е.Е. Приказчикова *(д-р филол. наук, доц.)*
Два сына императрицы Екатерины II
в педагогическом дискурсе русского Просвещения.....38

В.Н. Алексеев *(канд. ист. наук, канд. биол. наук, доц.)*
Воспитывающая среда в семье канцлера М.И. Воронцова.....51

Т.Л. Лабутина *(д-р ист. наук, проф.)*
Учение Дж. Локка об образовании
в восприятии Е.Р. Дашковой.....58

И.Е. Лопатухина *(канд. физ.-мат. наук)*
К.Г. Разумовский – президент Санкт-Петербургской
Академии наук.....71

А.А. Жиркова
Адмирал С.К. Грейг – друг Е.Р. Дашковой и Воронцовых.....81

Л.А. Старкова
На склоне лет (переписка Е.Р. Дашковой и Н.П. Шереметева
в начале XIX века).....92

Е.Н. Поляхова *(канд. физ.-мат. наук)*
Княгиня Е.Р. Дашкова в кругу гостей на обедах императрицы: принц и принцесса Ольденбургские 98

Т.М. Фадеева *(канд. ист. наук)*
Отношения России и Венеции в конце XVIII века и маркиз П. Маруцци, венецианский «грек» на службе России: материалы к биографии 130

А.Д. Ивинский *(канд. филол. наук)*
К вопросу о статусе русской торжественной оды в 1760–1780-х годах 150

И.И. Лещиловская *(д-р ист. наук)*
Русско-сербские литературные связи во второй половине XIX века 159

Е.В. Пчелов *(канд. ист. наук, доц.)*
Образ княгини Е.Р. Дашковой в русской исторической живописи второй половины XIX века 164

М.П. Пряшникова *(канд. искусствоведения)*
П.И. Бартенев – публикатор материалов архива Воронцовых 173

Е.Н. Фирсова
Пушкины и Е.Р. Дашкова 182

Г.В. Черноголовина, И.Б. Карпова
Отражённая в веках: Е.Р. Дашкова в публицистической и художественной литературе разных периодов российской истории 189

Список сокращений 214

Посвящается Году культуры в России

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник научных статей, выходящий по материалам XX Международных Дашковских чтений, состоявшихся 28 марта 2014 г., продолжает серию ежегодных изданий Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, посвящённых Екатерине Романовне Дашковой и её времени.

В связи с тем, что 2014 год объявлен Годом культуры в России, в сборнике большое внимание уделяется русской культуре XVIII столетия. Особое место занимает в ней наследие Е.Р. Дашковой, которому посвящён ряд статей. Авторы рассматривают вопросы, связанные с развитием науки, образования, литературы и живописи эпохи Просвещения и последовавшего за ней Золотого века русской культуры. Традиционно члены Дашковского общества исследуют различные стороны жизни и деятельности Екатерины Романовны, её родственников и современников, отражая их вклад в историю и культуру России.

Точка зрения отдельных авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Авторы несут ответственность за аутентичность использованного фактического материала и за справочный аппарат.

ДАШКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО. 2014 ГОД: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Л.В. Тычинина
кандидат исторических наук, доцент
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

В 2014 г. продолжалась деятельность Дашковского общества*.

28 марта 2014 г. в Центральном Доме учёных Российской Академии наук состоялись XX Международные научные Дашковские чтения, отмеченные юбилейной датой – 20-летием с начала их проведения.

---

* О Дашковском обществе см.: *Семёнова А.В.* Дашковское общество: история создания, перспективы деятельности // Е.Р. Дашкова и её время: исследования и материалы. М., 1999. С. 32–34; *Она же.* Дашковское общество. 1999 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 9–12; *Она же.* Дашковское общество. 2000 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 10–12; *Она же.* Дашковское общество. 2001 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и её современники. М., 2002. С. 14–18; *Она же.* Дашковское общество. 2002 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 18–21; *Она же.* Дашковское общество. 2003 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 6–10. *Она же.* Дашковское общество. 2004 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005. С. 6–9; *Она же.* Дашковское общество. 2005 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 6–9; *Она же.* Дашковское общество. 2006 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 6–9; *Она же.* Дашковское общество. 2007 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008. С. 6–10, *Тычинина Л.В.* Дашковское общество. 2008 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М., 2009. С. 5–9; *Она же.* Дашковское общество. 2009 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010. С. 8–10; *Мухин Р.Б.*. Дашковское общество. 2010 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 8–12; *Тычинина Л.В., Мухин Р.Б.* Дашковское общество. 2011 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 8–12. *Тычинина Л.В.* Дашковское общество. 2012 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха. М., 2013. С. 9–13; *Тычинина Л.В.* Дашковское общество. 2013 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М., 2014. С. 6–9.

В истории Дашковских чтений с 1994 г. по 2014 г. интересно отметить следующие события:

– первые чтения состоялись в 1994 г. и были приурочены ко дню рождения Е.Р. Дашковой, которая появилась на свет 28 марта 1743 г.;
– в 1997 г. вышел первый сборник научных статей «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра» по материалам Дашковских чтений;
– с 1999 г. издаётся сборник научных трудов «Е.Р. Дашкова и её время» по материалам одноимённой секции конференции;
– в 1999 г. учреждена медаль княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению»;
– с 2001 г. в конференции принимают участие иностранные учёные и преподаватели – таким образом, Дашковские чтения обретают статус международной конференции;
– к настоящему времени по материалам чтений опубликовано 39 сборников научных статей «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра» и 17 сборников, отражающих работу секции «Е.Р. Дашкова и её время».

В конференции за двадцать лет её проведения участвовали тысячи студентов, аспирантов, преподавателей МГИ им. Е.Р. Дашковой, других вузов Москвы и России.

XX Международные научные Дашковские чтения прошли под знаком Года культуры в России по теме «Актуальные проблемы сохранения и развития российской культуры».

В Доме учёных РАН 28 марта 2014 г. собрались преподаватели, студенты и аспиранты МГИ им. Е.Р. Дашковой, других российских и зарубежных вузов, гости из многих городов нашей страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Омска и др.), а также из Румынии и Греции.

Никого не оставило равнодушным выступление депутата Государственной Думы РФ, первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию, члена-корреспондента Российской академии образования, доктора философских наук, профессора Олега Николаевича Смолина на тему «Культура и образовательная политика».

На пленарном заседании были представлены три доклада, вызвавшие большой интерес участников чтений. Сообщение ректора

МГИ им. Е.Р. Дашковой, кандидата исторических наук, доцента Ларисы Викторовны Тычининой «Е.Р. Дашкова и российская культура» освещало многогранную деятельность княгини, направленную на развитие науки, образования, литературы и других сфер отечественной культуры. В докладе президента Лиги профессиональных имиджмейкеров, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Виктора Максимовича Шепеля «Идеология России: пути утверждения в вузе» были затронуты важные вопросы, связанные с развитием современной России. Главный научный сотрудник Военного университета Министерства обороны РФ, доктор исторических наук, профессор Дмитрий Николаевич Филипповых осветил проблему сохранения культурно-исторического наследия в современной России.

Участникам конференции были представлены издания института, увидевшие свет в 2013 г., прежде всего – три сборника научных статей по материалам XIX Международных Дашковских чтений: «Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность», «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Проблемы политики, экономики и права в современном обществе» и «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Актуальные проблемы гуманитарного знания».

По традиции на пленарном заседании состоялось награждением медалью княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению», кавалерами которой стали: депутат Государственной Думы РФ, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук, профессор Олег Николаевич Смолин; ректор Международного юридического института, почётный работник юстиции России, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор Николай Александрович Жильцов; декан факультета экономики, управления и права МГИ им. Е.Р. Дашковой Людмила Григорьевна Пироцкая; проректор по правовой и организационной работе МГИ им. Е.Р. Дашковой Екатерина Викторовна Михайлова; директор музея «Нарвская застава» г. Санкт-Петербурга, заслуженный работник культуры РФ Нина Александровна Дементьева; доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат физико-математических наук

Ирина Евгеньевна Лопатухина; ведущий библиотекарь Центральной библиотечной системы Кировского района г. Санкт-Петербурга Любовь Александровна Старкова.

Медали и дипломы были вручены преподавателям МГИ им. Е.Р. Дашковой, ставшим лауреатами ежегодного конкурса «Лидер в образовании СНВ-2013», организуемого Союзом негосударственных вузов Москвы и Московской области. Золотой медалью Н.Н. Моисеева отмечены: в номинации «Новатор образовательных технологий» – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук Сергей Петрович Бондарь; в номинации «Наставник и друг студентов» – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, профессор Виталий Николаевич Амбаров; в номинации «Куратор учебной практики» – заведующая кафедрой туризма и гостиничного дела Елена Олеговна Черногурских; в номинации «Молодой учёный» – доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент Нина Вячеславовна Бессарабова. Серебряной медалью Н.Н. Моисеева в номинации «Молодой преподаватель» награждена Алина Вячеславовна Колесникова, старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения.

По окончании пленарного заседания участники Дашковских чтений продолжили работу на четырёх секциях: «Е.Р. Дашкова и российская культура»; «Экономико-правовые проблемы культуры управления»; «Психология культуры общения»; «Современная информационная культура. Лингвокультура». Участники конференции отметили своевременность и актуальность тематики XX Международных научных Дашковских чтений, необходимость их дальнейшего проведения в последующие годы, важность скорейшей публикации материалов конференции.

Результаты работы XX Международных Дашковских чтений отражены в настоящем сборнике, а также в двух других изданиях: «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Экономико-правовые проблемы культуры управления» и «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра: Гуманитарное знание и проблемы культуры».

Членами Дашковского общества продолжается изучение жизни и деятельности Екатерины Романовны: они принимают участие в научных конференциях, публикуют работы, посвящённые Е.Р. Даш-

ковой и её эпохе. Так, в июле 2014 г. члены Дашковского общества приняли участие в XXIII Воронцовских чтениях «Воронцовы: два века в истории России», прошедших в г. Санкт-Петербурге. В ноябре 2014 г. председатель Дашковского общества, кандидат исторических наук, доцент Лариса Викторовна Тычинина и член Дашковского общества, кандидат исторических наук, доцент Нина Вячеславовна Бессарабова приняли участие в международной научной конференции ««Россия и Британия: взаимодействие культур и социумов»» в Институте всеобщей истории РАН (Москва). Среди организаторов этой конференции – член Дашковского общества и кавалер медали княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению», доктор исторических наук, профессор Татьяна Леонидовна Лабутина.

Дашковское общество продолжает сотрудничество с другими научными обществами и учреждениями, занимающимися изучением истории XVIII в.: институтами Российской Академии наук, Воронцовским обществом, музеем «Нарвская застава» (г. Санкт-Петербург» и пр.

В январе 2014 г. в МГИ им. Е.Р. Дашковой создано новое структурное подразделение – научно-исследовательская лаборатория проблем историко-культурного развития России, с которым тесно взаимодействует Дашковское общество.

КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Л.В. Тычинина
кандидат исторических наук, доцент
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

XVIII столетие – особый период в развитии русской культуры. Сохраняя свою самобытность, она стала открытой для контактов с культурами европейских стран, благодаря чему был подготовлен духовный взлёт XIX столетия, получивший название Золотого века русской культуры. Это особый период в развитии русского литературного языка (оформление которого завершится в пушкинскую эпоху) и национального самосознания россиян – осознания себя великой европейской нацией с богатейшим и уникальным культурным наследием.

XVIII столетие не без основания называют царством женщин и не только, потому что во главе многих европейских государств, в том числе России, стояли женщины. В эту эпоху мы видим женщин-дворянок в традиционных ролях жены, матери, хозяйки имений, а также в качестве участников политической и культурной жизни общества. Феномен Е.Р. Дашковой – выдающегося деятеля русской истории и культуры, – с одной стороны, вписывается в указанную тенденцию: Екатерина Романовна в течение своей долгой жизни исполняла все указанные роли. С другой стороны, личность княгини уникальна: это не просто участница политической жизни, но первая в русской истории женщина нецарского происхождения, занявшая высокие государственные посты; это не просто деятель культуры, но женщина, руководившая развитием российской науки и культуры в течение двенадцати лет и в значительной степени направлявшая культурные процессы в этот период.

Таким образом, феномен Е.Р. Дашковой – это проявление уникальной для XVIII столетия универсальной женской личности, стремящейся к созиданию и способствующей развитию различных

сфер политической, общественной и культурной жизни России и мирового сообщества эпохи Просвещения[1].

Важнейшими факторами эпохи, повлиявшими на формирование её личности, являлись культура европейского Просвещения, российская действительность и русская культура XVIII в. Несомненно, в условиях абсолютной монархии исключительную роль сыграло высокое происхождение будущей княгини.

Екатерина Романовна Воронцова принадлежала к старинному дворянскому роду, занявшему место в ближайшем окружении императорской семьи за свои заслуги перед троном. Целый ряд выдающихся государственных деятелей рода Воронцовых играли на протяжении двух столетий заметную роль в истории России. Крёстными родителями Екатерины Романовны были императрица Елизавета Петровна и великий князь Пётр Фёдорович (будущий император Пётр III). Рано потеряв мать, Екатерина Воронцова воспитывалась в семье дяди – вице-канцлера, а затем канцлера М.И. Воронцова, видного государственного деятеля и образованнейшего человека, покровителя великого русского учёного М.В. Ломоносова. Вместе с двоюродной сестрой Анной Михайловной она получила блестящее домашнее образование. С детства у девочки проявился незаурядный ум и широта интеллектуальных интересов. Уже в ранней юности она познакомилась с трудами передовых европейских мыслителей пой эпохи: Бейля, Гельвеция, Буало, Монтескьё, Локка, Вольтера – и поражала гостей и родственников глубокими познаниями и смелыми философскими рассуждениями на разные темы.

Огромное влияние на формирование мировоззрения юной Е.Р. Дашковой оказала дружба с женой наследника престола, великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей императрицей Екатериной Великой)[2]. Подруги, увлекаясь трудами философов-просветителей, обсуждали проблемы воспитания совершенного человека, политическое устройство государства на основе справедливого законодательства, вопросы философии и литературы. Предчувствие своей избранности, амбициозные устремления и личная симпатия лежали в основе союза двух Екатерин.

В возрасте девятнадцати лет Е.Р. Дашкова стала активной участницей дворцового переворота 1762 г., приведшего к власти Екатерину II. Княгиня привлекала в ряды её сторонников представи-

телей высшей аристократии и гвардейских офицеров, а также внесла существенный вклад в финансовое обеспечение переворота[3].

Вскоре после переворота в личных отношениях двух Екатерин наступил период охлаждения. Княгиня получила щедрые награды (звание статс-дамы, орден св. Екатерины и крупную денежную сумму), но её разочаровало положение в окружении государыни: она надеялась видеть себя в числе первых советников при просвещённой монархине, но это не входило в планы молодой императрицы. Напряжение в отношениях вызвало демонстративное неприятие Екатериной Романовной фаворитизма. Весной 1763 г. возникли слухи о причастности Е.Р. Дашковой к заговору Хитрово и Рославлева, в 1764 г. – к заговору Мировича, но официальных обвинений ей предъявлен не было.

С весны 1763 г. по первую половину 1782 г. княгиня не принимала непосредственного участия в политической жизни, находясь вдали от двора. Она жила в основном в Москве и своей подмосковной усадьбе Троицкое (ныне – Калужская область). На эти годы приходятся два заграничных путешествия Екатерины Романовны.

Во время первого путешествия (декабрь 1769 – конец 1771) Е.Р. Дашкова интересовалась организацией европейского образования. Наибольшее впечатление произвёл на неё старейший в Великобритании Оксфордский университет с его академической атмосферой и традициями.

Удалось ей познакомиться с кумирами своей юности – философами-просветителями. Будучи в Женеве, княгиня посетила Вольтера. 17 дней Екатерина Романовна провела в Париже, где неоднократно беседовала с Дени Дидро – издателем «Энциклопедии» и выдающимся мыслителем. Они прониклись глубокой взаимной симпатией и уважением, их переписка продолжалась впоследствии долгие годы. Именно в беседе с Дидро звучит, почти как призыв: «Свобода через просвещение».

Свободолюбивая княгиня, конечно, отрицательно относилась к крепостному праву, но считала, что при общей отсталости неграмотного крестьянства его освобождение от власти помещиков не только невозможно, но и губительно, поскольку приведёт к экономическому и политическому хаосу в стране. Е.Р. Дашкова считала, что народ надо сначала «приуготовить», просветить – и только затем дать

ему свободу. Являясь крупным земле- и душевладельцем, Екатерина Романовна понимала свою экономическую выгоду от существования крепостного права, но также осознавала и ответственность за своих крестьян. Она умело и справедливо руководила поместьями, выполняя функции и владелицы крестьян, и лекаря, и судьи, и наставницы. Оброк в её имениях был ниже, чем в целом по стране. По словам Е.Р. Дашковой, она своими яркими аргументами почти убедила Д. Дидро, стоявшего за отмену любых форм рабства[4].

В беседах Екатерины Романовны с Дидро и Вольтером – главными авторитетами эпохи Просвещения – затрагивались животрепещущие проблемы персональной ответственности и свободы личности, политического устройства и законодательств различных государств. Эти встречи имели громкий общественный резонанс, и в результате в Европе за княгиней закрепился авторитет образованнейшей русской женщины с самобытным характером и достаточно объективными взглядами на европейскую культуру и политику.

Выступая подругой и посланницей доброй воли Екатерины II – просвещённой российской монархини – молодая женщина оказала реальное влияние на формирование позитивного образа Российской империи в глазах Европы. Екатерина Романовна, может быть, впервые в истории явила образец гражданской дипломатии и благодаря высокому авторитету весьма преуспела в этом.

Вернувшись в 1772 г. в Россию, Е.Р. Дашкова была милостиво принята при дворе, получила щедрые финансовые пожалования, опубликовала несколько оригинальных статей о своих заграничных впечатлениях, но ввиду близости к Н.И. Панину опять была заподозрена в нелояльности к Екатерине II и в стремлении возвести на престол достигшего совершеннолетия Павла Петровича, воспитанного на идее необходимости расширения прав и свобод дворянской аристократии.

Во второй половине XVIII в. аристократическая фронда, восприняв передовые европейские идеи об ограничении власти монарха, но понимая несбыточность этого при Екатерине II, находилась в тени. Тем не менее, она играла определённую роль в развитии общественного самосознания[5]. Екатерина II, как мудрый правитель, не могла не учитывать стремления либерально настроенной аристократии влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Авторитет непокорной княгини уже после первой заграничной поездки поднялся на ещё большую высоту. Вызвав недовольство сочувствием идеям Н.И. Панина, Е.Р. Дашкова отправилась во второе путешествие по Европе (декабрь 1775 – весна 1782) с целью завершения образования сына. Эдинбургский университет в столице Шотландии Екатерина Романовна выбрала для этого не случайно. Великобритания, бывшая любимой страной княгини, являлась одной из передовых держав того времени: на фоне абсолютистских государств Европы здесь существовала парламентская монархия с ограниченной властью короля. Здесь раньше, чем где бы то ни было, начался промышленный переворот, свидетельствующий о стремительном развитии капиталистических отношений. Уважение к законам и незыблемость частной собственности были близки сердцу и взглядам Екатерины Романовны. Наконец, Эдинбургский университет являлся центром английского Просвещения. Два раза в неделю в своём доме княгиня принимала профессоров этого университета. Она обрела близких друзей и вошла в круг наиболее просвещённых людей своего времени, в который входили: ректор университета В. Робертсон – историк, философ, реформатор образования, социолог и экономист А. Смит, философ А. Фергюсон, профессор риторики и изящной словесности Х. Блэр, профессор химии Дж. Блэк, профессор математики Д. Стюарт и другие известные учёные. Е.Р. Дашкова надеялась познакомиться с гордостью Эдинбургского университета, историком и философом, Д. Юмом, но незадолго до её приезда учёный скончался.

Спустя годы Екатерина Романовна писала: «Я познакомилась с профессорами, достойными уважения за ум, просвещённость и нравственность. Им были чужды самомнение и зависть – удел мелких душ, они жили между собой, как любящие друг друга братья, и было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всём согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний»[6].

В социокультурном аспекте заграничные путешествия Е.Р. Дашковой представляли собой уникальный педагогический опыт не только в российской, но и мировой образовательной культуре. Её сын Павел Михайлович оправдал надежды, блестяще защитив диссертацию на степень магистра искусств и по окончании универ-

ситета получив звание почётного гражданина Эдинбурга. Масштаб личности и уровень притязаний княгини не позволил на этом остановиться: после окончания обучения молодого князя семья Дашковых совершила исключительный по замыслу тур по Европе, встречаясь с государственными деятелями, людьми искусства и науки, предпринимателями, военными и религиозными деятелями. Так, летом 1781 г. на встрече с Папой Пием VI обсуждался вопрос о создании библиотеки в собраниях архива Ватикана. В сентябре 1781 г. в Париже, в резиденции русского посланника во Франции князя Барятинского, произошла встреча Екатерины Романовны с Б. Франклином – выдающимся американским учёным-естествоиспытателем и одним из авторов «Декларации независимости США». Прусский король Фридрих Великий, сделав исключение для женщины, пригласил Е.Р. Дашкову с сыном на военные манёвры. С австрийским канцлером В.А. Кауницем Екатерина Романовна обсуждала вопросы российской истории, в частности – личность и свершения Петра I.

Дашковские европейские турне, её встречи с Вольтером и Дидро без преувеличений можно следует оценивать как «“взрывную волну” в общественном сознании Европы и России… Возник редчайший вариант взаимодействия культур: в лице грандиозной личности Дашковой Европа открыла для себя новую культурно расцветающую Россию, Россия же опосредованно, через Дашкову, получила мощный канал восприятия европейской культуры»[7].

Во время путешествий завершилось формирование мировоззрения княгини, чему способствовали полученные знания и впечатления, общение с выдающимися современниками, чтение трудов передовых мыслителей и собственные размышления.

Весной 1782 г. Е.Р. Дашкова возвратилась в Россию уверенной в себе самодостаточной женщиной с европейским лоском и высоким чувством собственного достоинства. Она была милостиво принята при дворе Екатерины Великой и получила ряд крупных пожалований. Императрице были представлены дети Екатерины Романовны – молодой князь Павел Михайлович Дашков и дочь Анастасия Михайловна Щербинина. Княгиня планировала главные усилия направить на устройство карьеры сына, в чём просила протекции Г.А. Потёмкина, но жизнь распорядилась иначе: будучи гениальным кадровым политиком, Екатерина II умело использовала

талант и кипучую энергию Е.Р. Дашковой в созидательных целях – ей была уготована роль государственного деятеля в области науки, образования и культуры государства Российского.

30 января 1783 г. Екатерина вступила в должность директора Санкт-Петербургской Академии наук, и как отзвуки европейского признания последовали восторженные, полные уважения отзывы зарубежных научных учреждений об этом назначении.

30 сентября 1783 г. по инициативе Екатерины Романовны и под покровительством императрицы была создана Российская Академия, деятельность которой была тесно связана с Академией наук: из 60 академиков Академии наук 47 работали во вновь созданной академии.

С первых шагов по управлению двумя научными учреждениями, предпринятых Е.Р. Дашковой, деятельность академий была строго структурирована и носила инновационный характер. Велись одновременно и тесно переплетались многогранная хозяйственная, финансово-экономическая деятельность, создание инфраструктуры академий и благоприятных условий для жизни и труда учёных, повышение общественного престижа науки и образования, собственно научная деятельность, организация руководства и поддержка научных исследований и экспедиций, активная международная и широкая просветительская деятельность[8].

В финансово-экономической деятельности княгини как руководителя двух академий можно выделить три направления: во-первых, она стремилась установить и поддерживать строгую финансовую дисциплину; во-вторых, ради преумножения экономических сумм Е.Р. Дашкова вела активную предпринимательскую деятельность; в-третьих, она следила за целевым расходованием денежных средств академий, как выделенных на науку и образование государством, так и приобретённых коммерческой деятельностью этих учреждений.

Екатерина Романовна установила порядок, при котором служащие скрупулёзно докладывали рапортами в канцелярию о выполнении её указаний, а также о денежных затратах. Новым правилом были охвачены все сферы академической деятельности – от издания, например, сочинений М.В. Ломоносова до столярных работ.

Решая вопросы укрепления финансовой дисциплины, Е.Р. Дашкова пресекала любые попытки вмешательства чиновников в эконо-

мические дела академии. Финансовая деятельность княгини была абсолютно прозрачной, и вопреки сложившейся практике, исключала коррупцию на всех уровнях управления академиями.

Следует отметить, что финансирование Академии наук осуществлялось из двух источников: существовали «штатные», казённые суммы, выделяемые из государственного бюджета, и «экономические», которые Академия наук получала благодаря своей предпринимательской деятельности. Последней Е.Р. Дашкова уделяла особое внимание.

Княгиня не стеснялась обращаться к состоятельным людям за пожертвованиями на благо российской науки. Так, в сентябре 1786 г. она попросила Г.А. Потёмкина выделить 3 000 руб. для издания книги одного зарубежного автора, месяц спустя последовала просьба о выделении на подобные нужды ещё 4 000 руб. Ради выгоды академических дел Екатерина Романовна не боялась вступать в коммерческие отношения даже с самой императрицей. Екатерине II очень хотелось иметь у себя античную амфору, хранившуюся в Академии наук. Государыня и «госпожа директор» пришли к компромиссу: императрица получала амфору, но взамен выкупала коллекцию естественного кабинета академии, заложенную в ломбард ещё С.Г. Домашневым.

Возглавляя Академию наук, княгиня должна была решать множество самых разнообразных вопросов, требующих финансирования: это и организация научной работы, и издательская деятельность, и обеспечение образовательного процесса, и материальное стимулирование учёных, преподавателей и студентов.

По инициативе Екатерины Романовны Конференция Академии наук утвердила ряд долгосрочных финансовых проектов, имевших целью материальную поддержку сотрудников и учащихся Академии наук. В частности, был сформирован банковский капитал, и на его основе созданы фонды для улучшения оплаты труда российских профессоров, для развития академической гимназии, для поддержки рабочих и ремесленников, проработавших в академии более 30 лет (практически – пенсионный фонд) и фонд для дальнейшего совершенствования всей академической деятельности. «Госпожа директор» лично занималась определением размера стипендии для российских студентов, обучавшихся в Геттингенском университете.

Экономические суммы Академии наук формировались за счёт сдачи в аренду помещений (вплоть до подвалов для хранения дров), книжной торговли, продажи карт, изготовления печатей и штампов. Для получения прибыли Е.Р. Дашковой был открыт даже ломбард. Княгиня с её предпринимательским рациональным складом мышления стояла у истоков капиталистического развития России, значительно опережая своё время. Благодаря принятым ею мерам экономическая казна Академии росла достаточно быстро.

Параллельно шло создание материально-технической базы Академии наук: восстановление и создание новых лабораторий, приобретение отечественных и зарубежных приборов и инструментов для них, ремонт зданий и инвентаря, строительство нового здания академии по проекту Дж. Кваренги, обновление и расширение библиотеки, реконструкция Ботанического сада, модернизация и расширение академической типографии и многое другое.

Финансово-экономическая деятельность Е.Р. Дашковой во главе двух академий, отличаясь высокой эффективностью, всемерно способствовала поступательному развитию науки и образования и дальнейшему просвещению российского общества.

Взгляды и деятельность Екатерины Романовны часто опережали её эпоху и отражали новые тенденции, которые только зарождались в российском и мировом обществе. Ярким примером этого служит отношение княгини к тому, что в наши дни обозначают термином «экономика науки и культуры».

Рачительная, успешная и во многом инновационная хозяйственная деятельность была отличительной чертой семьи Воронцовых, унаследованной Екатериной Романовной. Она была превосходным управляющим своих многочисленных имений, приносивших ей значительные доходы, и что ещё более примечательно – строгой, но заботливой барыней, любимой своими крепостными.

Княгиня была членом Вольного экономического общества – старейшего российского научного общества, целью которого было изучение условий хозяйственной жизни страны и распространение полезных для развития экономики сведений. Как мыслитель она во многом разделяла взгляды английских просветителей, считая, что частная собственность и экономическая самостоятельность делает личность самодостаточной, независимой и счастливой. Во время

заграничных путешествий княгиня посещала предприятия и интересовалась развитием сельского хозяйства европейских стран, прежде всего Великобритании – первой страны, в которой в этот период происходил промышленный переворот развивались капиталистические отношения (уже в начале XIX в. Англию будут называть мастерской мира).

Екатерина Романовна с её предпринимательской жилкой и практическим складом ума мечтала о применении передовых экономических достижений стран Европы на русской почве.

На фоне финансовых и хозяйственных преобразований разворачивается беспрецедентная **просветительская деятельность.**

В первую очередь, княгиней предпринимались крупные издательские и переводческие проекты. Первыми шагами нового директора было издание полного собрания сочинений М.В. Ломоносова в шести томах (1784–1787), что явилось данью уважения великому русскому учёному и проявлением высокого патриотического настроя княгини. Был создан переводческий департамент, который осуществил в 1784–1790 гг. перевод немецкого десятитомного издания «Зрелища природы и художеств», включавшего в себя 480 гравюр. Знаменательное событие в истории науки и просвещения – издание трёхтомного труда Л. Эйлера «Письма о разных физических и философских материях, написанных к некоторой немецкой принцессе». В годы директорства Екатерины Романовны Академия наук выпускала научную, научно-популярную и учебную литературу по различным отраслям знаний, карты Российской империи и других стран, газету «Санкт-Петербургские ведомости» и журналы «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения».

Важнейшей просветительской инициативой Е.Р. Дашковой было чтение публичных академических лекций на русском языке. Два раза в неделю в течении четырёх месяцев (с мая по сентябрь) адъюнкты и академики читали лекции: С.Е. Гурьев – по математике, Н.Я. Озерецковский – по естественной истории, Я.Д. Захаров и П.И. Соколов – по химии, С.К. Котельников – по математике и механике, А.К. Кононов – по физике. Эти лекции пользовались большой популярностью у разных слоёв общества.

Княгиня была знакома со многими достижениями педагогической науки XVIII в., особенно симпатизируя взглядам английского

философа и педагога Дж. Локка. Её воззрения, касающиеся вопросов воспитания, вписываются в духовную атмосферу эпохи Просвещения. Свою педагогическую программу Е.Р. Дашкова наиболее полно отразила в статьях «О смысле слова “воспитание”» и «О истинном благополучии» (опубликованы в журнале «Собеседник любителей российского слова»), «О добродетели» и «Да будут русские русскими» (журнал «Новые ежемесячные сочинения»). Таких же прогрессивных взглядов на воспитание и образование придерживались российские реформаторы И.И. Бецкой и Н.И. Новиков.

Основной тезис педагогической концепции Екатерины Романовны состоит в том, что единственным источником благополучия человека и общества является добродетель, то есть «то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям, полезным нам самим ближним нашим и обществу»[9]. Свою активную гражданскую позицию Е.Р. Дашкова изложила в статьях «Сокращение катехизиса честного человека» (1783, «Собеседник любителей российского слова») и «О патриотизме» (1792, «Новые ежемесячные сочинения»), горячо призывая: «Отечество моё да будет мне всегда драгоценно»[10].

Важнейшей целью академических гимназий и университета княгиня считала воспитание образованных людей для различных сфер государственной и общественной деятельности: учебные заведения в составе Академии наук готовили кадры для многих отраслей управления, для пополнения рядов преподавателей и учёных, медиков, офицеров и чиновников[11], потребность в которых остро ощущалась в связи с губернской реформой Екатерины II.

Важнейшим направлением деятельности княгини было **расширение международных связей российской науки.**

Заграничные путешествия способствовали установлению контактов Екатерины Романовны с ведущими учёными из других стран. В годы её директорства членами Санкт-Петербургской Академии наук стали 47 известных зарубежных учёных, в том числе химик Я. Бернулли, биолог Р. Кёниг, математик А. Кестнер, философ И. Кант, естествоиспытатель Б. Франклин, лично знакомые ей по Эдинбургскому университету историк В. Робертсон и химик Дж. Блэк и многие другие. Это, безусловно, способствовало росту международного авторитета российской науки. Екатерина Рома-

новна была членом нескольких иностранных академий и научных обществ (Римско-императорско-Эрлангенской, Стокгольмской и Дублинской академий, Берлинского общества испытателей природы и Философского общества в Филадельфии), что свидетельствует о международном признании её заслуг. Благодаря своим связям с иностранными учёными и русскими дипломатами при иностранных дворах, Е.Р. Дашкова постоянно была в курсе научных открытий за границей, знала о новых изданиях и изобретениях. Княгиня придавала большое значение осуществлению и изданию переводов европейской научной и учебной литературы, а также пополнению ими библиотек обеих академий[12].

Инновационность деятельности Е.Р. Дашковой заключалась ещё и в том, что она стремилась поставить науку на службу государству и обществу: желая обратить достижения российских учёных прежде всего на нужды страны, Екатерина Романовна требовала от деятелей науки не публиковать за границей свои открытия «пока Академия не извлекла из них славу для себя путём печати и пока государство не воспользовалось ими»[13].

Академическая деятельность княгини способствовала **формированию русского литературного языка и становлению отечественного языкознания.** С одной стороны, интенсивное развитие науки и культуры России диктовали необходимость стилистической регламентации формирующегося русского литературного языка на национальных основах, с другой стороны, Екатерина II и Е.Р. Дашкова понимали важность создания национального нормализованного языка как одного из главных атрибутов европейского государства той поры[14].

Академия наук была прежде всего центром естественнонаучного знания, тогда как Российская Академия, созданная по инициативе Екатерины Романовны, стала центром гуманитарного знания, ориентированным на развитие языковой культуры и имевшим «... предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного»[15]. На церемонии открытия Российской Академии Е.Р. Дашкова, как её первый президент, обратилась к присутствующим: «Государи мои!.. Вам известны обширность и богатства языка нашего... тончайшие философические воображения, многоразличные семейственные свойства и перемены

имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи; однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил... учреждением сей Императорской Российской академии предоставлено усовершить и возвеличить слово наше... сочинение грамматики и словаря, да будут первым нашим упражнением»[16].

Исключительный вклад княгини Е.Р. Дашковой в развитие отечественной культуры – «Словарь Академии Российской» (1789–1794), включавший 43 257 слов – был создан в удивительно короткие сроки: он готовился 11 лет и увидел свет в шести томах, изданных за шесть лет (словарь Флорентийской Академии создавался 39 лет, Французской – 59 лет). Среди его авторов – российские учёные, писатели, общественные и религиозные деятели. Екатерина Романовна распределяла научные задания и организовывала контроль за их исполнением, руководила научными дискуссиями, а также была одним из авторов словаря. Ею лично было собрано более 700 слов на буквы «Ц», «Ш», «Щ» и даны толкования словам, относящимся к морально-нравственной, политической и управленческой сферам[17]. Наконец, княгиня предложила ввести в русский алфавит новую букву по её инициативе появилась буква «Ё»[18].

Несомненны заслуги Екатерины Романовны в развитии **русской литературы, журналистики и театра.**

С января по июнь 1763 г. вместе с Ипполитом Богдановичем Е.Р. Дашкова издавала литературно-публицистический ежемесячный журнал «Невинное упражнение», в нескольких номерах которого были напечатаны переводы Е.Р. Дашковой из сочинения Гельвеция «Об уме» и перевод «Из опыта о епическом стихотворстве» («Essai sur la poésie épique») Вольтера[19]. В 1772 г. Н.И. Новиков опубликовал «Опыт исторического словаря о российских писателях», в который вошли сведения о 317 русских писателях, учёных и переводчиках. В их числе отмечена и княгиня – как автор напечатанных в журнале «Невинное упражнение» стихотворений[20].

Значительного масштаба литературно-издательская деятельность Екатерины Романовны достигла во время управления двумя академиями.

В 1783–1784 гг. под руководством княгини и при её непосредственном участии издавался литературный журнал «Собеседник любителей российского слова». Высоко оценивая его значение,

критик Н.А. Добролюбов отмечал в 1856 г., что создание журнала было для Е.Р. Дашковой «её задушевной мыслью»: она надеялась посредством его действовать на распространение знаний, развитие истинных понятий, на образование самого языка… Более серьёзно, нежели все окружавшие её, проникнута просвещёнными идеями… она стояла гораздо выше современного ей русского общества»[21].

В 1786–1796 гг. по инициативе княгини в Академии наук выходил научно-популярный журнал «Новые ежемесячные сочинения», в названии которого прослеживается преемственность от «Ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих», издаваемых М.В. Ломоносовым с 1755 г.

В 1786–1794 гг. издавался журнал «Российский феатр», публиковавший театральные пьесы.

По примеру Екатерины II Е.Р. Дашкова оставила след в развитии драматургии: она написала две пьесы, наиболее известна из которых «Тоисиоков или Человек бесхарактерный».

В последние годы жизни, уже отойдя от государственной деятельности, княгиня сотрудничала с журналом «Русский вестник», издававшийся с 1808 г. Сергеем Глинкой: она опубликовала здесь стихи, посвящённые памяти Екатерины Великой[22].

Безусловно, самое яркое произведение Е.Р. Дашковой – её «Записки», созданные в начале XIX столетия, ставшие уникальным памятником русской мемуаристики и ценнейшим историческим источником, вот уже два столетия вызывающим неизменный интерес читателей и специалистов.

Екатерину Романовну отличал большой интерес к архитектуре и садово-парковому искусству. Он возник и как результат безупречного художественного вкуса, и под влиянием впечатлений от путешествий, во время которых княгиня имела возможность познакомиться с образцами средневековой и античной архитектуры, а также с произведениями входящего в моду классицизма. Е.Р. Дашкова принимала активное участие в проектировании и возведении храмов и зданий в Троицком Московской губернии (ныне – в составе Калужской области), Кирьянове под Санкт-Петербургом (ныне – в черте города), имении Круглом в Могилёвской губернии и, наконец, здания Академии наук на набережной Невы в Петербурге. Кроме того, княгиня занималась ландшафтным благоустройством: познакомившись во время путешествий с английским пейзажным

парком, она стремилась воплотить его идеи на русской почве, разбив «английские парки» в своём имении Троицкое, в имении брата А.Р. Воронцова Андреевское и других поместьях.

На протяжении всей жизни Е.Р. Дашкова сохраняла значительный интерес к музыке, которую любила и понимала. У неё был прекрасный голос, и она выступала при дворе как певица в любительских концертах, в узком кругу наиболее приближённых к императрице лиц. По свидетельству Д. Дидро, знакомого с её музыкальным талантом, Е.Р. Дашкова была автором романсов и переложений народных песен. Во время второго заграничного путешествия, будучи в 1779 г. в Дублине, княгиня по заказу одного храма сочинила музыку к гимну духовного содержания. Произведения Екатерины Романовны, исполнявшиеся и ею самой, и другими исполнителями не только в России, но также в Англии и Франции, пользовались в своё время достаточной известностью и являлись элементом популяризации культуры России за рубежом[23].

Е.Р. Дашкова была коллекционером и меценатом, живо интересовавшимся достижениями гуманитарных и естественных наук и искусством. Создание домашних библиотек, а также коллекционирование произведений скульптуры и живописи было свойственно многим представителям образованной дворянской элиты. Княгиня не ограничивалась этим и не стремилась сделать свои коллекции исключительно собственным достоянием. В 1807 г. Екатерина Романовна подарила Музею натуральной истории Московского университета свою коллекцию, собиравшуюся более 30 лет и насчитывавшую более 15 тысяч предметов[24].

Среди выдающихся исторических деятелей второй половины XVIII века достойное место занимает Е.Р. Дашкова: яркий представитель эпохи Просвещения, подруга и сподвижница Екатерины Великой, государственный деятель и мыслитель, переводчик и журналист, финансист и менеджер, лексикограф и педагог, писатель и музыкант, коллекционер и меценат.

В течение почти двенадцати лет стояла она рядом с Екатериной II, возглавляя и направляя науку и культуру огромной империи, и своей созидательной энергией обеспечила толчок в её развитии, реализованный в культурном пространстве XIX в.

Уникальна личность Е.Р. Дашковой, уникален её путь. Обладая чувством персональной ответственности и глубоким патриотизмом, несмотря на противодействие придворных недоброжелателей, княгиня внесла существенный вклад в развитие российской цивилизации.

Для масштабной личности Е.Р. Дашковой мир стал глобальным уже в XVIII в. Для неё не существовало национальных границ и тем более – препятствий для общения и сотрудничества между странами и народами. Именно Екатерина Романовна, легко переходя с одного иностранного языка на другой в общении с Вольтером, Дидро, Франклином или Папой Пием VI, заложила основы современной гражданской дипломатии с её гуманистическими устремлениями.

Оценивая вклад княгини в развитие институтов современного общества, можно смело утверждать, что Е.Р. Дашкова стояла у истоков феминизма, хотя идей женского равноправия она официально никогда не отстаивала. Всей своей жизнью Екатерина Романовна доказала, что женщина в своей преобразовательной деятельности может не только стоять рядом с мужчиной, но и по масштабу личности, дерзновенности замыслов и эффективности деяний превосходить многих из них.

Именно такие пассионарные личности, являясь носителями прогресса, и создали новый архетип – архетип женщины – государственного деятеля, который только в XXвеке получил дальнейшее развитие.

Культурное наследие великой россиянки представляет большую историческую и воспитательную ценность для нас – людей, отделённых от княгини двумя столетиями.

Примечания

[1] Исследователи отмечают её стремление стать выдающейся женщиной в мужском мире, например: *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010. С. 30, 292.

[2] *Дашкова Е.Р.* Записки 1743–1810 / Подг. текста, статья и комментарии Г.Н. Моисеевой. Л., 1983. С. 7.

[3] *Елисеева О.И.* Тайна смерти Петра III. М., 2010. С. 175–181; *Сафонов М.М.* Е.Р. Дашкова и Ж.-Д.-Ж. Одар //Е.Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха. М., 2013. С. 31–57.

[4] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 98–99.

[5] Подробно см.: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства первой трети XVIII века. М., 1999.

[6] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 114.
[7] *Гидиринский В.И.* Русская идея и некоторые аспекты творческой деятельности Е.Р. Дашковой // Словарь Академии Российской. 1789–1794. Т. V. Р–С. М., 2005. С. 59.
[8] Подробнее о деятельности Е.Р. Дашковой в сфере науки и образования, а также о её финансово-экономической деятельности см.: *Тычинина Л.В.* Великая Россиянка. Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002. С. 129–193.
[9] Цит. по: *Смагина Г.И.* Дашкова и просветительская деятельность Академии наук // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 105.
[10] *Дашкова Е.Р.* Сокращение катехизиса честного человека //Она же. О смысле слова «воспитание»: Сочинения. Письма. Документы. М., 2001. С. 119.
[11] *Г.А. Тишкин.* «Её светлость мадам директор» (Е.Р. Дашкова и Петербургский университет в 1783-1796 гг.) // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 199с. С. 91-92.
[12] *Сухомлинов М.И.* Княгиня Е.Р. Дашкова // Он же. История Российской Академии. СПб., 1874. Т. 1. С. 37.
[13] Цит. по: *Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий. М., 1983. С. 131.
[14] *Файнштейн М.Ш.* «И славу Франции в России превзойти…» Российская Академия (1783-1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 31.
[15] Краткое начертание (устав) Российской академии // Тычинина Л.В. Указ. соч. Приложение 4. С. 223.
[16] Цит. по: *Лозинская Л.Я.* Указ. соч. С. 83.
[17] *Файнштен М.Ш.* Вознесены на пьедестал. М., 1992. С. 42.
[18] *Пчелов Е.В.* Е.Р. Дашкова и создание буквы Ё // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 200с. С. 23-36.
[19] *Воронцов-Дашков А.И.* Указ. соч. С. 96.
[20] Там же.
[21] Цит. по: *Черноголовина Г.В., Карпова И.Б.* Отражённая в веках: Е.Р. Дашкова в публицистической и художественной литературе разных периодов российской истории (см. с. 201 данного сборника).
[22] *Таёжная Л.Я.* Княгиня Е.Р. Дашкова на страницах «Русского вестника» // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 54-55.
[23] *Пряшникова М.П.* Е.Р. Дашкова и музыка. М., 2001. С. 7-13.
[24] *Бессуднова З.А.* О даре Е.Р. Дашковой 1807 г. в Музей естественной истории Московского университета // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 116.

ПИСЬМО Е.Р. ДАШКОВОЙ Г.К. КЕЙЗЕРЛИНГУ О ДВОРЦОВОМ ПЕРЕВОРОТЕ 28 ИЮНЯ 1762 ГОДА

М.М. Сафонов
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Перефразируя В.В. Маяковского, Е.Р. Дашкова имела все основания сказать: «Когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях, ярчайший где, я вспоминаю одно и тоже – 28-го первый день». В самом деле, в событиях 28 июня 1762 г., когда в России произошёл дворцовый переворот, княгиня сыграла важнейшую роль, и это давало ей право считать его самым замечательным днём своей жизни.

«Вчера была годовщина воцарения императрицы Екатерины, – записала в "Дневнике" Марта Вильмот. – Это был самый замечательный день в жизни княгини Е.Р. Дашковой. Стоит заговорить о нём, как её лицо начинает светиться и она принимается вспоминать подробности этого события с удовольствием и восторгом»[1]. «…княгиня живёт воспоминаниями, она подробно говорит о всём, что видела и слышала и я начинаю воображать себя участницей революции», – делилась своими впечатлениями с Анной Четвуд Кэтрин Вильмот[2]. В имении княгини в Троицком существовал культ 28 июня 1762 г. Гостиную господского дома украшало «замечательное… изображение Екатерины II в полный рост: на серой лошади, одетая в гвардейский мундир – так она выглядела 28 июня 1762 г., в знаменательный день русской революции». Портрет отражался в зеркале, помещённом напротив, и создавал иллюзию движения. Казалось, что императрица скачет прямо на смотрящего[3]. Княгиня очень любила тропинку в саду, которая, петляя среди берёз, вела к холму. На нём возвышался «гранитный монумент, посвящённый восшествию Екатерины на трон!»[4]. Екатерина Романовна подарила Марте «великолепную золотую табакерку. На одной крышке – прекрасный портрет Екатерины в профиль, а на другой – коронация,

вернее, сцена провозглашёния ее императрицей 28 июня с различными аллегорическими фигурами»[5].

В белорусском селе Круглое в честь сорокалетия «революции» Е.Р. Дашкова в 1802 г. освятила церковь Кира и Иоанна[6]. День этих святых приходился на 28 июня. Наконец, сама дача Кирьяново под Петербургом в буквальном смысле слова являлась памятником дворцового переворота 28 июня 1762 г.

Какова была роль Екатерины Романовны в этом событии, которое она считала «самым замечательным» в своей жизни? Ответить на этот вопрос не так-то просто.

И Е.Р. Дашкова, и Екатерина II несколько раз высказывались на этот счёт – и высказывались весьма различно. Противоречили не только друг другу, но и сами себе. Это запутало историков. Можно даже сказать, что подлинная роль княгини в тех событиях до сегодняшнего дня так и не определена. Чтобы отыскать истину, необходимо проследить в хронологической последовательности свидетельства двух Екатерин, Великой и Малой, выяснить, как высказывания одной влияли на интерпретацию другой, восстановить ход войны этих интерпретаций. Начать нужно с анализа самого раннего собственноручного свидетельства Е.Р. Дашковой, составленного под свежим впечатлением только что произошедшего переворота. Это живое и непосредственное описание «революции» 1762 г. было составлено княгиней, без какого-либо «вмешательства извне», при отсутствии посторонних влияний, когда она ещё не была обременена необходимостью выступать с опровержениями построений иностранных публицистов и скрыто полемизировать с Екатериной Великой, позиционируя себя Екатериной Малой. При этом надо иметь в виду, что речь идёт о собственноручном (хотя мы и не располагаем сегодня подлинной рукописью) описании переворота, сделанном его участником, самым раннем среди свидетельств, вышедших из-под пера действующих лиц этого coup d'êtat.

Вскоре после переворота Екатерина Романовна описала эти события в письме к Герману Карлу Кейзерлингу, русскому послу в Варшаве[7]. Об отношениях Е.Р. Дашковой с этим человеком почти ничего неизвестно. В «Записках» княгини, написанных в первом десятилетии XIX столетия, то есть почти полвека спустя после переворота, фамилия «Кейзерлинг» встречается дважды. Впервые

Е.Р. Дашкова упоминает о Кейзерлинге, когда рассказывает о том, что курьер русского посла в Варшаве (an courier de l'ambassadeur de Russie à Varsovie le comte Kaiserling)[8] привёз в Петербург печальное известие о смерти её мужа в Польше[9]. Во второй раз эта фамилия появляется при описании первого заграничного путешествия Екатерины Романовны. По предложению графини Кейзерлинг княгиня осталась в Кёнигсберге на шесть дней: «En arrivant à Koenigsberg j'y trouvai la comtesse de Kaiserling, qui m'engagea à m'y arrêter pendant six jours»[10].

Супруг княгини М.И. Дашков скончался 17 августа 1764 г., русский же посол в Польше Герман Карл Кейзерлинг (1697–1764)[11] умер 19 сентября 1764 г.[12]. Графиня Ш.-А. Кейзерлинг, известная художница-миниатюристка, была женой Генриха Христиана Кейзерлинга (1727–1787)[13], сына русского посла в Варшаве, служившего также по дипломатической части под начальством своего отца. В исторической литературе часто путают обоих Кейзерлингов, отца и сына[14]. Адресатом Е.Р. Дашковой был Кейзерлинг-отец, Герман Карл Кейзерлинг.

В момент переворота Г.К. Кейзерлинга не было в столице. Пётр III послал его на конгресс в Аугсбурге для заключения мира. Конгресс не состоялся. Император назначил его послом в Варшаву, но предварительно вызвал в Петербург. Дипломат не успел приехать в русскую столицу до низвержения Петра. В докладе Коллегии иностранных дел, представленном Екатерине II вскоре после её воцарения, упоминались Кейзерлинг и Чернышёв, «которые теперь оба сюда вскоре пребыть имеют». Всеподданнейший доклад с резолюцией императрицы «Быть по сему» был возвращён в коллегию 2 июля 1762 г.[15]. А 2 августа Екатерина II писала С. Понятовскому: «J'envoie **incessement** (выделено мною. – *М.С.*) le comte Kayserling ambassadeur en Pologne pour vous fair Roy», то есть, «Я отправляю **немедленно** графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королём»[16]. Очевидно, Г.К. Кейзерлинг прибыл в Петербург в июле 1762 г., вскоре после того, как в ней произошёл переворот, возведший на престол Екатерину II. Здесь вместе с Н.И. Паниным он стал главным советником императрицы по внешнеполитическим делам[17]. Тот факт, что Екатерина II отправила Г.К. Кейзерлинга в Варшаву к С. Понятовскому с тем, чтобы выполнить весьма деликатную мис-

сию – возвести бывшего любовника на польский престол и ни в коем случае не допустить приезда поляка в Петербург[18], свидетельствует о высокой степени доверия императрицы к своему конфиденту. Письма Екатерины II к С. Понятовскому это вполне подтверждают[19].

Письмо Е.Р. Дашковой не имеет даты, но написано оно ещё до того, как Г.К. Кейзерлинг приехал в Петербург. В столице дипломат мог узнать все подробности переворота на месте событий от Н.И. Панина и Екатерины II. Поэтому описывать произошедшую «перемену» после того, как дипломат вновь покинул Петербург, едва ли имело смысл. Оно написано ещё до того, как сама Екатерина II описала переворот в письме к С. Понятовскому 2 августа 1762 г.[20]. Стало быть, письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу – это один из самых ранних текстов о перевороте, вышедших из-под пера его участника.

В 1887 г. издатель «Русского архива» П.И. Бартенев опубликовал отрывок этого письма, содержащий описание переворота 1762 г.[21]. В момент публикации подлинник хранился в Пруссии близ Тильзита, в Раутенбурге, поместье графов Кейзерлингов. П.И. Бартенев получил его от А. Кейзерлинга, гофмейстера двора. В настоящее время местонахождение подлинного текста неизвестно. Хотя мы не располагаем подлинником письма Е.Р. Дашковой, подлинность опубликованного текста никаких сомнений не вызывает. В.А. Бильбасову, автору наиболее обстоятельного исследования по истории переворота 1762 г., этот текст остался неизвестным, хотя в момент выхода его книги текст был уже опубликован тринадцать лет назад. Непонятно, почему этот важный текст ускользнул от внимания биографа Екатерины II. Во всяком случае, в перечне источников о «революции» 1762 г., помещённом во втором томе труда В.А. Бильбасова, упоминаний о письме Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу нет[22]. На фундаментальном труде В.А. Бильбасова вплоть до сегодняшнего дня основываются чуть ли не все биографы Екатерины II, писавшие о её восшествии на престол. Видимо, по этой причине важнейший документ, имеющий первостепенное значение для исследователей дворцового переворота 28 июня 1762 г. – письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу – почти «затерялось» среди других источников. Между тем в этом раннем тексте, написанном ещё раньше, чем императрица высказалась публично о перевороте, и возникшем задолго

до публикаций иностранных публицистов о «революции» 1762 г.[23], представлена чрезвычайно оригинальная интерпретация событий.

Точнее говоря, письмо Е.Р. Дашковой учёные читали, исходя из привычных представлений о событиях 28 июня 1762 г., не замечая очень существенных отличий, носящих принципиальный характер[24]. А в них-то и заключается ключ к верному пониманию того, что произошло в действительности в этот памятный день. Более того, собственноручно изложенная Е.Р. Дашковой версия позволяет понять и объяснить те неясности и недосказанности, которые находились в других источниках о перевороте и не раз заставляли исследователей почувствовать недостаточность их объяснений. То есть, почему замышляли одно, а поступали совсем по-другому.

Отрывок начинается с упоминания о том, что около 11 часов вечера (очевидно, 27 июня 1762 г.) офицер (имя его не названо) принёс известие об аресте капитана Преображенского полка П.Б. Пассека. «Он был одним из главных наших, – замечает Е.Р. Дашкова, – и только что ушёл от меня»[25]. Последняя фраза указывает: арест П.Б. Пассека как заговорщика сразу выводил следователей на Екатерину Романовну.

Далее княгиня описывает замешательство среди участников заговора, вызванное предчувствием близкой опасности. Н.И. Панин из деликатности постарался скрыть от Е.Р. Дашковой всю силу этой опасности, сделав вид, что нисколько не взволнован случившимся и предложив отложить до завтрашнего утра решение относительно того, какие меры следует принять на основании более точных сведений. Екатерина Романовна думала иначе. «Бывают мгновения, – патетически писала она Г.К. Кейзерлингу, – когда превосходишь самого себя! Поэтому не удивляйтесь, милостивый государь, тому, что я поняла опасность, не испугавшись её. Я нашла, что обстоятельства столь щекотливы, что не стоит терять время на то, чтобы переубедить Панина – оно слишком дорого. Промедление лишь увеличит зло и создаст больше препятствий». В силу этого княгиня предпочла сделать вид, что она должна отдохнуть, пока Орловы соберут более точные сведения[26].

Когда все ушли, Е.Р. Дашкова отправилась пешком к Синему мосту на Мойке в надежде встретить там кого-нибудь из своих единомышленников. Вскоре там появился Алексей Орлов. По его сло-

вам, он прибыл сюда, чтобы обсудить с ней, что они должны делать. Княгиня посоветовала ему отправиться к Н.И. Рославлеву («Je lui conseillai d'aller chez le major Roslawleff)», майору Измайловского полка, побудить его идти к гетману К.Г. Разумовскому, стоявшему во главе полка, и рассказать ему о тех критических обстоятельствах, в которых они оказались. Затем Орлову предстояло совершить поездку в Петергоф и доставить императрицу Екатерину в Измайловский полк. В скобках Е.Р. Дашкова поместила важнейшее разъяснение: почему именно было необходимо сделать это. «Car nous avons pris des mesurés qu'en cas que le moindre de nous fut pris, les soldats fussent en etat d'être rassembler en deligence». То есть: «Потому что между нами было решено: в том случае, если даже самый незначительный из нас будет схвачен, собрать солдат сейчас же»[27]. Схвачена могла быть и императрица Екатерина Алексеевна.

Эта реплика Е.Р. Дашковой объясняет суть дела. Императрице Екатерине угрожала опасность. Е.Р. Дашкова решила: чтобы её спасти, следовало во что бы то ни стало доставить её в Измайловский полк и отдать под охрану измайловцев. А.Г. Орлов с ней согласился. Чрезвычайно важно: речь не шла о том, чтобы её провозгласить регентшей при малолетнем сыне, великом князе Павле, или возвести на престол как государыню. Пока что дело заключалось лишь в том, чтобы уберечь Екатерину от грозившей ей опасности с помощью Измайловского полка. Никаких других решений в этом совещании на Синеем мосту принято не было. Сделать её недосягаемой для Петра III, а дальше видно будет.

После того, как совет Е.Р. Дашковой был принят Алексеем Орловым, Екатерина Романовна вернулась домой. Чтобы не вызвать подозрений прислуги, она сразу отправилась в постель. Не успела княгиня лечь, как явился младший из Орловых («le cadet des Orloffs»), то есть Фёдор). Он пришёл спросить, считает ли она совершенно необходимым предупредить Екатерину об опасности, и не потревожат ли её совершенно напрасно. Е.Р. Дашкова убедила Ф.Г. Орлова, и он отправился к брату Алексею сообщить, чтобы тот ехал в Петергоф. Далее княгиня написала следующие слова: «Tout fut en consequence de cet arrangement». – «Все прочие было сделано вследствие этого распоряжения»[28].

Совершенно очевидно, Е.Р. Дашкова свою роль в перевороте видела в том, что она первая подала мысль: для спасения Екатерины

необходимо привезти её из Петергофа в Измайловский полк, а затем настояла, чтобы это было приведено в действие. Всё, что произошло после, явилось лишь следствием её инициативы.

Екатерина прибыла в расположение Измайловского полка. Там её провозгласили государыней («ou elle fut proclamée souveraine»). Все полки принесли ей присягу. Императрица заехала в Казанскую церковь. Затем она направилась в новый Зимний дворец на Неве. Туда же явилась и Е.Р. Дашкова. Перед дворцом не присягнувшие ещё части принесли присягу. После этого Екатерина со своим двором отправилась в старый Зимний дворец на Мойке. Здесь ей пропели «Тебе Бога хвалим» (Thédeum). После этой церемонии княгиня имела счастье возложить на Екатерину ленту ордена св. Андрея Первозванного. После заседания Сената Екатерина с войсками направилась в Петергоф. Е.Р. Дашкова также верхом сопровождала её[29]. Своё описание княгиня завершила такой красноречивой фразой: «Простите меня, если моё писание и мои действия не соответствовали вашему ожиданию, приняв во внимание, что **в пределах способностей моих, я не пренебрегала ничем. Если я не сумела больше, то по-человечески не имела возможности»** (выделено мною. – *М.С.*) (Je vous supplie de me pardonner, si mon écrit et mes actions, n'ont point répondus à votre attente, en considération de ce, que **j'ai empoyé toutes les ressources de mes facultes et que si je n'ai point fait plus, il m'a été humainement possible de faire davantage»)[30].**

Замечу сразу, что никакой кареты для Екатерины, как об этом рассказывалось потом в «Записках» Е.Р. Дашковой, Екатерина Романовна в Петергоф не посылала[31]. Равно как она не отдавала никакого приказания Алексею Орлову («j'avais prescrit à Alexis Orloff»[32] передать на словах от её имени, чтобы Екатерина «воспользовалась наёмной каретой и не теряя времени отправилась в Измайловский полк, где она будет настоятельно объявлена монархиней» («que sa majesté fasse usage de la voiture de louage et que sans perte de tems elle se rende au regiment d'Ismailovsky, où elle sera proclamée souveraine instamment»)[33].

Из незатейливого изложения Е.Р. Дашковой, посланного Г.К. Кейзерлингу, ясно видно: её роль сводилась к тому, что она дала первый толчок, тем событиям, которые в итоге произошли. Несомненно, настояв на том, чтобы обожаемая ею Екатерина была

увезена из Петергофа, княгиня вполне удовлетворилась этим. Далее события развивались без неё. Той ночью княгиня вовсе и не предполагала, что утром в Измайловской слободе Екатерину провозгласят самодержавной императрицей, как впоследствии мемуаристка утверждала в своих «Записках».

Это оказалось делом рук Орловых. Они умело воспользовались благоприятной для них ситуацией и сделали своё дело. Орловы вовсе не исполняли приказания Е.Р. Дашковой провозгласить императрицу самодержицей, потому что такого распоряжения из уст княгини и не исходило вовсе. Это была их личная инициатива. Хотя ряд источников свидетельствует о том, что в планы части заговорщиков входило сделать Екатерину только правительницей. Это подтвердила Екатерина, да и сама Е.Р. Дашкова в своих замечаниях на книгу К.-К. Рюльера оставила недвусмысленное свидетельство этого.

Из письма Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу становится понятно, почему княгиня ничего не предприняла лично, когда Екатерина была привезена в Петербург из Петергофа. По мысли Екатерины Романовны, императрицу должны были доставить под прикрытие преданной ей военной силы. Это было дело Орловых. Княгиня в этой операции не отводилось никакой роли, и это вполне естественно. Так оно и произошло. Когда застигнутые врасплох конспираторы совещались возле Синего моста, ещё не было принято никакого решения относительно того, что заговорщики собирались делать, когда Екатерина прибудет в Измайловский полк и окажется под защитой измайловских штыков. Орловы действовали на свой страх и риск и добились всего, чего хотели.

Относительно того, какова была в действительности роль каждого из главных участников переворота, в первые месяцы после воцарения Екатерины II развернулась настоящая война, в которой и Г.К. Кейзерлинг сыграл свою далеко не последнюю роль. Борьба же трактовок оставила существенный, но до сих пор недостаточно оценённый след в истории российско-французских отношений второй половины XVIII в., даже можно сказать, в истории взаимовлиянии культур этих двух стран. Она послужила первотолчком к возникновению такого ценного памятника, как «Voltaire Catherine II: Correspondance 1763–1778». Но это уже совершенно особый сюжет[34].

Примечания

[1] *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. М., 1991 (далее: Дашкова, 1991). С. 471.

[2] Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 460.

[3] Там же; Дашкова, 1991, 351–352;

[4] Там же. С. 352.

[5] Там же. С. 321.

[6] *Фирсова Е.Н.* История некоторых находок и открытий при изучении жизни княгини Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012. С. 334.

[7] Герман Карл Кейзерлинг (1697–1764), граф, действительный тайный советник, президент Академии наук (1733 г.), вице президент Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел, полномочный министр в Польше. (Кейзерлинг Герман Карл // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. СПб., 1897. С. 601–604).

[8] Mon Histoire // Архив князя Воронцова. Т. XXI. М., 1881. С. 119.

[9] Екатерина Дашкова. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 69 (далее: Дашкова, 1985).

[10] Mon Histoire. С. 127; Дашкова, 1985. С. 74.

[11] Кейзерлинг Генрих Христиан // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 604–605.

[12] Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1878. С. 325–589.

[13] Генрих Христиан Кейзерлинг// Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 604–605.

[14] Так В.А. Бильбасов называет екатерининского дипломата Германа Кейзерлинга Генрихом, а даты его жизни указывает: 1727–1794. (*Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин. 1900. С. 812). Эта ошибка повторена в суворинском издании «Записок» Екатерины II (Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 732) В именном указателе «Архива князя Воронцова» «comte Kaiserling» никак не идентифицирован (Mon Histoire. С. 119, 474.) В комментариях Г.Н. Моисеевой к изданию русского перевода «Записок» Е.Р. Дашковой, выпушенного Пушкинским домом (Дашкова, 1985. С. 69.), это имя никак не прокомментировано. В издании Московского университета публикаторы назвали «графа Кейзерлинга» русским послом в Пруссии, Австрии и Польше Карлом Генрихом (?) фон Кейзерлингом и указали даты его жизни 1727–1794. (?) (*Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 90,445 (далее: Дашкова, 1987).

[15] Сб. РИО. Т. 48. СПб., 1885. С. 10.

[16] Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 562. Проект рескрипта послу, подписанный императрицей датирован 6 августа 1762 г. (Сб. РИО. Т. 48. С. 59).

[17] Автор статьи о Кейзерлинге, подписаной «Н.Ч.» (Н.Д. Чечулин?), отметил, что Екатерина II высоко ценила дипломатическую опытность Кейзерлинга, уважала его мнения и переписывалась с ним чаще, чем с кем либо другим из своих сотрудников, находившихся вне Петербурга (Кейзерлинг Герман Карл // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарёв. С. 602).

[18] *Бильбасов В.А.* Указ. соч. Т. 1. Берлин. 1900. С. 468–469.
[19] «У вас будет Кейзерлинг, который будет служить вам как нельзя лучше, – писала Екатерина II 9 августа 1762 г. В письме 11 ноября 1762 г. императрица особо отметила, что только Кейзерлинг знает о её намерениях, потому что она поведала их лишь ему. «Он пользуется всем моим доверием, – подчеркнула государыня, – и моими инструкциями, написанными собственною моей рукой». 27 апреля (без означения года) Екатерина II выговаривает С. Понятовскому за то, что он пишет ей, несмотря на её категорические просьбы этого не делать, и рекомендует попросту передавать Кейзерлингу всё, что бывший фаворит считает нужным сообщить ей. Наконец, 5 января (год не обозначен) императрица уверяет С. Понятовского в том, что Кейзерлинг посвящён ею «в самую большую… тайну», и если не открывает её ему, то только потому что ещё недостаточно хорошо его знает (Записки императрицы Екатерины Второй. С. 572, 577, 580, 581).
[20] Там же. С. 562–571.
[21] Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. № 10. С. 185–191.
[22] *Бильбасов В.А.* Указ. соч. Т. 2.
[23] *Rulhier C.-C.* Histoire ou Anecdotes sur la révolition de Russie en 1762. Paris, 1797; *Castéra J.* Vie de Catherine II. T. 1–2. Paris, 1797.
[24] Так, например, А.И. Воронцов-Дашков утверждал, что текст письма к Кейзерлингу и текст «Записок» Е.Р. Дашковой почти идентичны (*Princess Dashkowa.* Mon Histoire:Mémoires d'une femme de lettres russe à l'Epokque de lumièrès. Paris, 1999. P. 260).
[25] Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой. С. 185.
[26] Там же.
[27] Там же. С. 186.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 191.
[31] Mon Histoire. С. 70,71.
[32] Ibid. С. 72.
[33] Ibid. С. 71.
[34] См. подробно: *Сафонов М.М.* Вольтер, Е.Р. Дашкова, Екатерина II // Вольтеровские чтения (В печати).

ДВА СЫНА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Е.Е. Приказчикова
доктор филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Воспитание идеального человека было одной из основных задач европейского и русского Просвещения. Педагогические утопии, утопии эвпсихии, то есть проекты создания образцовой личности, должны были стать альтернативой по отношению к бытию современных несовершенных людей, далёких от антропологического идеала эпохи, Подобная установка закладывалась уже в знаменитой «Энциклопедии», где Ж.-Ж. Руссо в статье «О политической экономии» (V том, 1755) так выразил данную мысль: **«Если это хорошо – уметь использовать людей такими, каковы они, – то ещё много лучше – сделать их такими, какими нужно, чтобы они были** (выделено мной. – *Е.П.*); самая неограниченная власть – эта та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки»[1]. Мечтания Ж.-Ж. Руссо вполне соответствовали настроениям 1760-х гг. – началу правления Екатерины II, когда в России впервые появилась государственная программа воспитания и образования человека. Как писала Т.В. Артемьева, «Екатерина полагала, что именно воспитание лежит в основании совершенствования общества. С помощью воспитательных институтов можно не только создать “идеального человека” и “идеального гражданина”, но даже и “идеального правителя”»[2].

В 1764 г. Екатериной II было утверждено разработанное И. И. Бецким «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», которое ставило перед собой грандиозные задачи: «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение», так как «корень всему злу и добру – воспитание»[3]. Основная задача «Генерального учреждения»

формулировалась буквально так: «произвести сперва способом воспитания… новую породу, или новых отцов и матерей»[4]. Воспитание идеальной дворянской девушки брал на себя Смольный институт, в котором французский философ Д. Дидро видел «самую чудесную и самую полезную из химер» (то есть утопий. – *Е.П.*), которая должна изменить лицо империи «менее чем в двадцать лет, ибо женщины повелевают мужчинами»[5].

Не менее важной задачей было воспитание идеального мужчины. Эту функцию брал на себя Кадетский корпус в Петербурге, который под руководством родственника императрицы графа Ф. Ангальта, должен был способствовать тому, чтобы российские провинциальные «недоросли» жили здесь в обстановке героической античности. Будущий известный журналист эпохи 1812 г., издатель «Русского вестника» С.Н. Глинка так вспоминал об этой античной, в духе Плутарха, эвпсихии: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душой римлян. <…> Исполинский призрак древнего Рима заслонял от нас родную страну»[6]. Учителем словесности в корпусе в годы его расцвета был трагедиограф Я.Б. Княжнин, автор необыкновенно популярной в XVIII в. трагедии «Росслав», в которой создавался национальный образ российского патриота, являющего собой античные доблести.

Наконец, самой важной задачей, которая должна была быть реализована в рамках просветительского «проекта модерн», была задача воспитания идеального правителя. Применительно к русской действительности это воспитание наследника престола Павла Петровича – проект, получивший у европейского исследователя данной проблемы Р. Уортмана название «Минерва и Телемак: воспитание принца»[7].

Диапазон оценок Павла Петровича в русской литературе XVIII в. очень широк: от «Великого Павла» масонской литературы, которому М.М. Херасков посвятил свою поэму «Владимир Возрождённый», до пушкинского «Калигулы» из оды «Вольность» и «курносого злодея» в агитационных песнях К.Ф. Рылеева. При этом неизменным оставалось представление, будто императрица Екатерина II так не любила своего сына, что не дала ему образования, достойного «века философов». Подобная точка зрения внушалась

и посещавшим Россию иностранцам, что находит отражение в их воспоминаниях. Например, баварец де Брэ в своих «Записках» явно с чужих слов писал о Павле I: «Для него учёный – человек подозрительный. Император читает мало и не любит, чтобы читали; большего не нужно для того, чтобы вся Россия осталась невежественной»[8].

На самом деле утверждение о невежестве Павла Петровича совершенно не соответствует действительности. Т.И. Маркова справедливо пишет, что Екатерина II, придя к власти в 1762 г., «постаралась дать ребёнку хорошее европейское образование, в чём весьма преуспела. Многие современники оставили восторженные отзывы об уме, образованности, светскости, прекрасных манерах и остроумии великого князя Павла Петровича»[9]. Многочисленные источники («Инструкции» императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II обергофмейстеру генерал-поручику и кавалеру графу Никите Ивановичу Панину, записки современников) свидетельствуют о том, что Павел получил не просто хорошее, но блестящее для своего времени образование. Проблема заключалась в том, что оно также было своеобразным педагогическим экспериментом, ставящим своей целью вложить в ребёнка всю мудрость веков, чтобы он был достойным правителем эпохи Просвещения.

Ещё в 1760 г., когда будущему императору было всего 6 лет, императрица Елизавета Петровна приказала напечатать специально для него учебник по естествознанию с характерным названием: «Краткое понятие по физике для употребления Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича». Екатерина II приглашала в качестве воспитателя к Павлу французского философа и издателя «Энциклопедии» д'Аламбера и с детства приучала сына к серьёзному и систематическому чтению, подарив ему библиотеку в 36 000 томов, состоящую исключительно из серьёзной литературы – римских классиков, произведений Вольтера, Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, К.А. Гельвеция, д'Аламбера, М. Монтеня. Произведённый в 8 лет в генерал-адмиралы, Павел стал посещать Морской кадетский корпус, где слушал лекции по морской тактике и корабельной архитектуре. С 14 лет он стал получать знания, необходимые для управления страной, – коммерцию, юриспруденцию, историю и основы ведения внутренней и внешней политики. Осуществлял образовательную программу наследника престола граф Н.И. Панин,

чья репутация талантливого и честного государственного деятеля не подвергается сомнению, и в русской литературе подтверждена авторитетом Д.И. Фонвизина. Достаточно вспомнить знаменитое «Завещание Панина».

Европейские философы, видевшие Павла в юности, восхищались его способностями. Так, Д. Дидро, посетивший Россию в 1773 г., писал о нём: «…все те, кто имел честь бывать с ним, восхищаются его проницательностью, разносторонними способностями, мягкостью его сердца и его умом»[10]. До своей женитьбы цесаревич «вёл жизнь, заполненную учением, полезную и деятельную»[11].

В этом контексте превращение Павла после его воцарения в «сумасшедшего тирана» кажется не совсем понятным.

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к одному из самых таинственных свидетельств педагогической утопии «русского Телемака» – запискам воспитателя юного Павла, уроженца Кунгура Семёна Андреевича Порошина, занимавшегося с наследником престола точными науками, например арифметикой и геометрией. С.А. Порошин был не просто хороший педагог, образованный человек, но и писатель. Например, вместе с академиком Г.Ф. Миллером он принимал деятельное участие в издании журнала «Ежемесячные сочинения», где печатал не только переводные статьи, но и оригинальные («Письма о порядке и обучении наук»).

В своих записках, представляющих по сути дела дневник, то есть текст синхронный, не подверженный аберрации личной точки зрения (в отличие от мемуаров), он методично и скрупулёзно записывал всё, что касалось жизни, занятий и увлечений юного Павла, которому к началу записей исполнилось всего 10 лет. Дневник был начат 20 сентября 1764 г. и прервался 31 декабря 1765 г. О существовании этого произведения узнал Н.И. Панин и потребовал у С.А. Порошина дать ему текст для прочтения. После этого записи Семёна Андреевича были фактически конфискованы, а сам он подвергся опале: лишился своей должности при наследнике престола и был выслан из Петербурга. Через два года С.А. Порошин был назначен командиром Старооскольского пехотного полка, а уже через год скончался в возрасте всего 28 лет. При этом, судя по его запискам, Н.И. Панин сделал всё возможное, чтобы рассорить воспитателя со своим царственным учеником, внушив Павлу, что записи

Семёна Андреевича «со временем будут только служить к его стыду и посрамлению» (запись от 28 декабря 1765 г.)[12]. Дневник С.А. Порошина был напечатан впервые только в 1844 г. Через 25 лет, в 1869 г., в «Русском архиве» была напечатана ещё одна неизданная тетрадь записок под названием «Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича».

Какую же «страшную тайну самодержавия», говоря словами Н.Я. Эйдельмана, раскрыли эти дневниковые записи? На наш взгляд, в них произошло резкое столкновение обычной для автодокументальной литературы» «правды голого факта», то есть реальности, с виртуальным пространством педагогической утопии, утопии-эвпсихии.

При этом, на первый взгляд, «реальность» альтернативной литературы в плане достижения «блестящего» образования наследника престола мало чем отличается от «виртуальной» правды утопии. Самое употребляемое и часто встречающееся в записках С.А. Порошина слово по отношению к Павлу – учился. Вот записи за несколько дней апреля 1765 г.: 28 – «Вставши и одевшись, учился Астрономии… Учился у меня изрядно»[13], 29 – «Одевшись, учился», 30 – «Одевшись, обыкновенно учился»[14]. При этом вставал наследник престола очень рано, как и воспитанники кадетских корпусов, обычно в седьмом часу утра. 15 июня 1765 г. следует запись: «Встал, было десять минут девятого. Сердился, что поздно, торопился»[15].

Торопился, потому что занятий у 9-летнего мальчика было более чем достаточно. Павел то ходил с С.А. Порошиным «портреты смотреть»[16], то «после обеда у електрической машины попрыгивал»[17], то слушал рассказы Н.И. Панина «о паралаксисе. На чём земля стоит. О Фонтенеле, о Даламберте, о Лейбнице»[18], то «Естампы смотрел. Танцевал»[19], то «на токарном станке планеты устанавливал»[20]. Не забытым оказывается и чтение, причём самое взрослое. Так, 19 апреля поэт И.Ф. Богданович поднёс великому князю свою масонскую поэму «Сугубое блаженство». С.А. Порошин помечал: «Читали после обеда Богдановича поэму. Очень хвалил Никита Иванович»[21]. 30 апреля Павел читал с С.А. Порошиным «Волтеровы сентенции», за ужином «говорили о Бенуа и о Руссо со мною»[22]. 9 мая Семён Андреевич читал Павлу «Кандида» Вольтера и т.д. Не забытым оказывается и физическое воспитание наследника престола, который не только

танцевал, но и фехтовал, ездил верхом в манеже. За обедом, на котором обычно присутствовали высшие сановники и генералы, речь часто заходила о сражениях Семилетней войны, и наследник престола мечтал о великих подвигах в соответствии с проектом Н.И. Панина «Понятие и мнение о воспитании… Павла Петровича», в котором тот ставил перед собой цель привить наследнику престола идею долга и гражданские добродетели, основывающиеся на «примерах великих дел его освещённых предков».

Что же насторожило Н.И. Панина в тексте С.А. Порошина?

Во-первых, явные свидетельства того, что столь плотный график обучения пагубно сказывался на здоровье наследника престола. У него бывали частые головные боли, и сам Павел различал четыре вида их вида (боль круглая, плоская, простая и ломовая). Он так уставал за день, что мечтал дождаться времени, когда можно будет идти спать. Сну он предпочитал даже поездку в комедию, одно из самых любимых развлечений знати тех лет.

Во-вторых, он страдал от одиночества. По воспитательной методике 1760-х гг. он был фактически лишён детских игр со сверстниками и всегда находился в окружении взрослых, но главное – Павел был лишён материнского внимания, материнской ласки, видя Екатерину II только на куртагах, парадах, морских манёврах, где она могла сказать ему 2–3 ласковых слова, обычно «ты, батюшка»[23]. Только однажды мать тихо подозвала сына и спросила его о причине плохого настроения Н.И. Панина, прося Павла не огорчать своим поведением наставника. Мальчик был необыкновенно тронут таким вниманием. Обычное же «развлечение» Павла – наблюдать за движением туч и слушать под окном вой ветра (записи от октября 1765 г.). Так, формировалась мистическая, совсем не в духе классического Просвещения, душа «русского Гамлета», как станут называть Павла ещё при жизни. Это произойдёт после того, как наследник престола во время своего путешествия за границу будет рассказывать окружающим о встрече с призраком императора Петра Великого в Петербурге. Воспоминания об этом сохранилось в мемуарах баронессы Г. Л. Оберкирк. Призрак предсказывает ему скорую смерть, называет «бедным Павлом», но завещает жить по законам справедливости[24].

Наконец, в-третьих (думается, это больше всего разозлило Н.И. Панина), записи С.А. Порошина свидетельствовали о яв-

ном недостатке в воспитании наследника престола нравственно-религиозного аспекта, составляющего основу как педагогической утопии Ф. Фенелона о воспитании Телемака, так и трактата Дж. Локка «Некоторые мысли о воспитании», ставшего известным широким читателям благодаря VII сатире А.Д. Кантемира «О воспитании», изданной в России вместе с другими сатирами поэта в начале царствования Екатерины II.

В записях С.А. Порошина встречаются очень любопытные «дневниковые проговорки», из которых становится ясно, что юный Павел часто становился свидетелем сцен, совсем не предназначенных для глаз «новоявленого Телемака». Например, 26 апреля за обедом началась «брань у Елагина с Сумароковым. Никита Иванович (Панин. – *Е.П.*) насилу прекратил»[25]. На Святой неделе накануне Пасхи, вернувшись из церкви с Павлом, сановники империи, среди которых брат Н.И. Панина генерал П.И. Панин, граф Талызин и граф Строганов, устроили забаву: «Куракина валяли и на бутылку сажали, в бильбокет»[26]. После этого «говорили о ядах разных, потом о французском министерстве. Встали, опять валяли Куракина»[27]. Подобные двусмысленные игры часто сопровождались и весьма двусмысленными разговорами, характерными для эпохи вольтерьянского либертинажа. Скоро и сам Павел стал принимать участие в подобных «розыгрышах», например, «приказал из фейерверочных своих машинок фонтанную свечку вставить в обыкновенную восковую свечу так, чтобы ее было не видно», чтобы напугать кн. Куракина. С.А. Порошин свидетельствует (запись от 27 ноября 1765 г.): «Как догорело до свечки, …вверх ударил весьма высоко огненной фонтан… Куракин завизжал, бросился от стола и насилу опамятовался. Великий князь запрыгал, мы все хохотали»[28]. В другой раз Павел «шпынством своим довёл до того, что Куракин заплакал. Государю Великому Князю пуще сие смешно ещё стало и хохотал он изо всей мочи»[29]. Между тем, ещё императрица Елизавета Петровна в 1761 г. за несколько месяцев до своей смерти подготовила «Инструкцию обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче господину генералу-поручику и кавалеру Никите Ивановичу Панину»[30] относительно воспитания наследника престола, где на первом месте стояло «познание Бога» и развитие нравственных качеств. Причём развитие нравственных

качеств включало в себя исключение из окружения юного великого князя «несправедливых похвал», «ласкательств» и «непристойных шуток», то есть всего, что «может подать повод к повреждению нрава»[31]. Виновные в этом должны были немедленно удаляться от наследника престола. В «Фелице» Г.Р. Державин поздравлял своих современников с тем, что в эпоху Екатерины II «…князья наседками не квохчут, // Любимцы въявь им не хохочут // И сажей не марают рож»[32]. Альтернативная литература свидетельствует, что не всё было так просто, как хотелось видеть Г.Р. Державину. Точно так же создать роман-утопию вроде фенелоновского «Телемака» порой оказывается проще, чем на деле предостеречь «Телемаков эпохи Просвещения» от искушений Эрота и Самовластия, о чём писал Ф. Фенелон.

В отличие от Павла Петровича, внебрачного сына Екатерины II от Григория Орлова, вошедшего в историю под именем Алексея Григорьевича Бобринского, воспитывали в Кадетском корпусе, желая сделать из него образцового российского дворянина-джентльмена, который должен был достойно представлять Россию в Европе. Свидетельство этого – дневниковые записки умного и наблюдательного французского дипломата М.-Д. Корберона. 23 марта 1776 г. появляется запись: «На его образование обращено тщательное внимание. Мне показали его учебные тетради. Он изучает языки, геометрию, историю, музыку и естественную историю… Мы, несомненно, увидим этого молодого человека во Франции, так как путешествие входит в программу его воспитания. Из него может выработаться прекрасный гражданин. Ему теперь 13 лет, его фамилия Бобринский»[33].

Будущий «прекрасный гражданин», А.Г. Бобринский с 1779 по 1782 г. (год выхода из корпуса) вёл дневник, который наглядно показывает, что действительные интересы сына Екатерины II, жившего в отдельных покоях Кадетского корпуса и обедавшего с директором корпуса И. де Рибасом, были достаточно далеки от той насыщенной программы, которая была представлена Корберону. В основном юный граф фиксировал светские развлечения (итальянская опера, охота на волков, катание в санях) и редкие встречи с матерью в Эрмитаже, которую он называл (даже в дневнике) Её Величеством, а своего отца – граф (или князем) Орловым. Например, запись от 15 ноября 1779 г.: «Ничего не было, кроме того, что, по словам Рибаса, князь Орлов сказывал Ея Величеству о том, что я ничего не учусь и что г.

Бецкий очень на то сердился»; 17 ноября: «Я обедал у Бецкого. Я имел честь видеть Ея Величество в Эрмитаже… Ея Величество повидимому в довольно хорошем расположении духа… 18 ноября. Ничего не было, кроме того, что я опять начал мои классы. Хорошо было кататься в санях»[34].

В последние годы своего пребывания в Кадетском корпусе А.Г. Бобринский регулярно бывал на придворных балах, маскарадах, конских бегах, обедал и ужинал с петербургскими вельможами, поэтому его жизнь никак нельзя считать типичной жизнью кадета екатерининской эпохи. Хотя из дневника мы узнаём, что у А.Г. Бобринского были артистические способности (он играл на скрипке и хорошо танцевал), в нём практически не упоминается чтение книг или занятие науками. Даже о выпускных экзаменах в корпусе он говорил как о чём-то отстранённом от себя. Например, 14 февраля. 1782 г. «Сегодня утром в половине десятого начались у кадетов экзамены. Бецкий не приезжал». 16 февраля 1782 г.: «Были в Корпусе экзамены. Я почти не помню, что происходило»[35]. Тем не менее, при выпуске А.Г. Бобринский получил золотую медаль и чин поручика.

Сразу же после окончания корпуса Алексей Григорьевич отправился в путешествие по России, посетив, между прочим, Екатеринбург. В своих «Путевых записках» он написал: «Приехали в Екатериненбург втораго Сентября 1782 г. в Пятницу и пристали в доме г. Алексея Фёдоровича Турченинова»[36]. Самое большое впечатление на него произвела городская плотина: «Плотина, которая реку Исеть запирает, имеет 98 саж. длины, 3 саж. вышины и 30 саж. поперечнику, способом, которым все махины в действие приводятся»[37]. 17 октября 1782 г. А.Г. Бобринский очень здраво рассуждал о хорошем местоположении г. Симбирска, ездил смотреть укрепления, сделанные «для обороны от Татарских набегов при царе Алексее Михайловиче»[38]. В духе гуманистических традиций эпохи Просвещения он не обходил своим вниманием симбирскую богадельню и работный дом, где содержались люди, в первый раз попавшиеся на воровстве денег и имущества стоимостью до 20 рублей. После того, как они отрабатывали эти сумму, им давалась свобода. Если они попадались вторично, но сумма была такой же, то дополнительным наказанием для них становились побои при входе и выходе из работного дома.

После поездки по России началось заграничное путешествие молодого человека, открывшего величайшую страсть его жизни – страсть к карточной игре, которая особенно обострилась после того, как с 1785 г. он стал жить в Париже. Не случайно его перу кроме дневниковых записей и путевых заметок принадлежит «Записка… о карточной игре», написанная со знанием дела. Проигрывая все деньги, которые давала ему императрица, А.Г. Бобринский быстро вызвал её неудовольствие, и она потребовала его возвращения в Россию. Вернувшись в Россию в 1788 г., Алексей Григорьевич получил запрет на проживание в столицах, проведя всё оставшееся правление своей матери в Ревеле.

Дальше начинается сюжет в духе «слёзной комедии» В. Лукина «Мот, любовью исправленный». После женитьбы на баронессе Унгерн-Штернберг А.Г. Бобринский добился частичного прощения у Екатерины II, позволившей ему вместе с женой приехать в Петербург, где он был ласково принят. После воцарения своего единоутробного брата Павла Петровича А.Г. Бобринский оказался осыпанным милостями. Павел I дал ему чин генерал-майора, возвёл его и его потомков в графское достоинство, подарил ему огромный дом Г.Г. Орлова. После убийства Павла I граф А.Г. Бобринский удалился в своё поместье Богородицк Тульской губернии, прекрасный парк и сад в котором был создан усилиями знаменитого русского просветителя, писателя и мемуариста А.Т. Болотова. Кстати, последний в своих мемуарах «Жизнь и приключения А.Т. Болотова, им самим описанные» рассказывает о попытке Г.А. Потёмкина выдать замуж за молодого А.Г. Бобринского, только что окончившего корпус, одну из своих племянниц «госпожу Энгельгардшу»[39], как называет её А.Т. Болотов, возмущаясь коварством Светлейшего. О самом же А.Г. Бобринском мемуарист говорит как о «знаменитом юноше», «к распутствам и весёлостям очень склонном»[40]. При этом абзац, в котором А.Т. Болотовым раскрывается тайна происхождения А.Г. Бобринского, был удалён из текста записок при их издании в XIX в. редактором М.М. Семевским и до сих пор не восстановлен.

В Богородицке начался новый этап жизни графа А.Г. Бобринского, связанный уже не с эвпсихией юных лет, но с эвтопией – садово-парковой утопией. Граф начал заниматься сельским

хозяйством, минералогией и астрономией, проводя большую часть времени в своей обсерватории. Он умер в 1813 г., в возрасте 51 года, став не лучшим, но и не худшим представителем своего времени.

В целом же, если говорить о педагогической утопии Просвещения, то её нельзя рассматривать как однозначно неудавшийся эксперимент «сделать из детей Простаковых и Скотининых просвещённых и добродетельных граждан, благородных рыцарей и учтивых кавалеров» (по словам О.С. Муравьёвой)[41]. По мнению Э. Юровской, дворянская педагогическая утопия навсегда вошла в историю русской культуры (да и литературы, добавим мы) «во всём блеске своего безумия»[42]. Тем не менее, люди «новой породы» в России всё же появились, хотя и не в таком большом количестве, как этого хотелось создателям утопии-эвпсихии. Можно сослаться на мнение критика XIX в. К.Д. Кавелина, утверждавшего, что поколение людей александровской эпохи «всегда будет служить ярким образцом того, какие люди могут вырабатываться в России при благоприятных обстоятельствах»[43]. В конечном счёте, русское дворянство сумело воспитать совершенно особый тип человека, который Ю.М. Лотман считал «вершинным достижением русской культуры»[44].

Примечания

[1] *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 30.

[2] *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 139.

[3] Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 150.

[4] Там же. С. 150.

[5] *Дидро Д.* Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря // Дидро Д. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1947. С. 107.

[6] *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. С. 79–80.

[7] *Уортман Р.* С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: от Петра Великого до смерти Николая I: в 2 т. Т. 1. М., 2002.

[8] *Брэ де.* Записки баварца о России времени императора Павла // Русская старина. 1889. Т. 100. № 10. С. 62.

[9] *Маркова Т.И.* Образовательные модели в России в XVIII – начале XIX вв.: приоритет воспитательных установок // Философия образования: сборник материалов конференции. Вып 23. СПб., 2002. С. 429.

[10] *Дидро Д.* Указ. соч. С. 107.

[11] Там же. С. 107.

[12] *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича // Песков А.М. Павел I. М., 2003. С. 240.
[13] *Он же*. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). 1765 г. / Сообщ. С.Н. Абразанцевым // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стб. 26.
[14] Там же. Стб. 27.
[15] Там же.
[16] Там же. Стб. 4.
[17] Там же.
[18] Там же. Стб. 5.
[19] Там же. Стб. 22.
[20] Там же. Стб. 29.
[21] Там же. Стб. 22.
[22] Там же. Стб. 27.
[23] *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. С. 234.
[24] *Оберкирх Г.Л.* Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I // Русский архив. 1869. Вып. 3. С. 517–526.
[25] *Порошин С.А.* Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича. Стб. 26.
[26] Там же. Стб. 10.
[27] Там же. Стб. 10.
[28] *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. С. 234.
[29] Там же. С. 233.
[30] *Елизавета I.* Инструкция обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину. 1761 / Сообщ. Л.Н. Трефолёв // Русский архив. 1881. Кн. 1. Вып. 1. С. 17–21.
[31] Там же. С. 19.
[32] *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 1. СПБ., 1864. С. 144.
[33] *Корберон М.-Д.* Из записок // Екатерина. Путь к власти / Якоб Штелин. Мизере. Томас Димсдейл. Мари-Даниэль Корберон. М., 2003 С. 110.
[34] *Бобринский А.Г.* Дневник графа Бобринского, ведённый в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею (извлечение) // Русский архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116– 117.
[35] Там же. С. 133.
[36] Там же. С. 143.
[37] Там же. С. 133.
[38] Там же. С. 144.
[39] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Болотова: в 3 т., Т. 3. М., 1993. С. 270.
[40] Там же. С. 272.
[41] *Муравьёва О.С.* Во всём блеске безумия» (Утопия дворянского воспитания) // Русские утопии. Альманах «Канун». СПб., 1995. Вып. 1. С. 156.

[42] *Юровская Э.П.* Утопические черты организации Императорского воспитательного общества благородных девиц // Екатерина Великая: эпоха российской истории. Материалы международной конференции. СПб., 1996. URL: http://www.ekaterina 2.com/konf/konf– 039. shtml (дата обращения 20.04.2014).

[43] *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в.: мемуары современников. М., 1989. С. 147.

[44] *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 334–335.

ВОСПИТЫВАЮЩАЯ СРЕДА В СЕМЬЕ КАНЦЛЕРА М.И. ВОРОНЦОВА

В.Н. Алексеев
кандидат исторических наук,
кандидат биологических наук, доцент
Московский государственный областной гуманитарный институт

Исследователям рода графов Воронцовых хорошо известно, какую большую роль в воспитании юношей играла присущая нескольким поколениям Воронцовых традиция отеческого наставничества. Сохранившиеся письма Михаила и Романа Илларионовичей, а также их детей и внуков показывают, насколько часто эти люди прибегали к эпистолярному увещеванию подрастающих поколений. Вряд ли стоит сомневаться, что устные наставления были ещё многочисленнее, но судить о них нам не дано.

Можно ли что-то сказать о том, в каком духе воспитывались девицы семейства Воронцовых? Ведь многие из них были весьма неординарными личностями, и их имена остались на страницах отечественной истории.

В первую очередь это касается Екатерины Романовны Воронцовой, будущей княгини Е.Р. Дашковой. Из мемуаров княгини известно, что она воспитывалась в доме дяди, будущего канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, вместе со своей кузиной Анной Михайловной. У девочек были хорошие учителя, и они получили хорошие знания в области гуманитарных наук. С точки зрения Екатерины Романовны, «…дядя ничего не жалел, чтобы дать нам лучших учителей, и по тому времени мы были воспитаны превосходно. Нас учили четырём языкам, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавал нам итальянский язык, а Бехтеев давал уроки русского, как плохо мы ни занимались им. В танцах мы показали большие успехи, и несколько умели рисовать.

С такими претензиями и наружным светским лоском кто мог упрекнуть наше воспитание в недостатках? Но что было сделано для

образования характера и умственного развития? Ровно ничего. Дядя не имел времени, а тётка – ни способности, ни призвания…»[1].

По прошествии двух с половиной столетий эти слова кажутся неоспоримыми, однако существуют опубликованные письма графа М.И. Воронцова к его дочери Анне Михайловне Строгановой во время путешествия последней по Европе. Отдельные нравоучительные мысли этих писем удивительным образом сходны с таковыми в письмах канцлера к своему племяннику Александру Романовичу Воронцову.

В 1761 г. зять Михаила Илларионовича барон А.С. Строганов был отправлен императрицей Елизаветой Петровной в Вену для поздравления Марии Терезии с бракосочетанием её сына, будущего императора Священной Римской империи Иосифа II. Вместе с посланником отправилась в Австрию и его супруга.

Хотя путешествие длилось относительно недолго, между Анной Михайловной и её родителями существовала переписка, настолько частая, насколько позволяли оказии. По их письмам можно хотя бы отчасти представить нравственные устои, на которых покоилась семья канцлера.

В письмах Анны Карловны содержатся преимущественно сведения о новостях петербургского света и о событиях в жизни ближайших родственников, однако она время от времени даёт дочери мудрые житейские советы и наставления. Конечно, мать любит дочь иначе, чем отец, что видно на примере Анны Карловны, признававшейся дочери: «Я много пустого к тебе пишу. Мне кажется, когда к тебе начну писать, будто я с тобою говорю. Сегодня посылаю к тебе любимое твоё кушанье, вялую рыбу, и я думаю, что она не испортится, а на другой почте пошлю я рыжиков...»[2]. Тем не менее, христианские мысли явны и у графини Воронцовой, например: «Посылаю тебе, матушка, маленькую Французскую библию»[3], или «… пост великой приходит, и мы будем за вас молиться»[4].

Гораздо более серьёзны письма Михаила Илларионовича. Уже в одном из первых своих писем от 30 января 1761 г. он писал из Петербурга: «Посылаю нарочно для тебя переведённую оперу, которая может быть по приезде вашем в Вену паки представлена будет, дабы ты знала содержание оной, а паче нравоучение для поступков молодого человека, к добродетели хорошие мысли имела; я

нарочно выдуманные имена прямыми словами переменил. Пожалуй с примечанием несколько раз прочти и Александру Сергеевичу для его наставления отдай…»[5].

В примечании издатель «Архива князя Воронцова» П.И. Бартенев сообщает, что к письму «приложена тетрадка писарской руки, содержащая следующий перевод: “Алцид или Геркулес при двух путях, опера Итальянская, представленная на брачное торжество в Вене Октября 8 дня 1760. Стихотворство игумена Метастазия”. Перемены, собственноручно сделанные графом Михаилом Илларионовичем, состоят в том, что вместо Алцид поставлено “молодой человек”, вместо Фроним – “разум”, вместо Эдонида – “роскошь”, вместо Аретея – “добродетель”»[6].

Речь шла об опере прославленного итальянского либреттиста и драматурга аббата Пьетро Метастазио (1698–1782) «Алцид на распутье», которая шла в Вене в октябре 1760 г. Нам неизвестно, каким образом Михаил Илларионович познакомился с этим произведением Метастазио (в России опера была представлена в придворном театре по случаю тезоименитства императрицы Екатерины II только в 1780 г.)[7]. Тем не менее, будучи человеком весьма начитанным, он, несомненно, хорошо знал сложившийся в Европе ещё со времён Петрарки образ христианизированного Геракла (Алкида), стоящего перед выбором между добродетелью и пороком.

Очевидно, что отец считал нравоучительную оперу итальянского аббата весьма полезной для дочери и зятя и не только рекомендовал им её прослушать, но считал своим долгом заранее растолковать детям образы сценических персонажей.

В другом письме Анна Карловна поучала дочь: «Я надеюсь на Всещедрого милость, что Он во всю продолжающую дорогу будет предводитель и в опасных случаях защита и помощь. А более меня то радует, что ты к Богу и Его храму всегда прибежище имеешь, и ещё ни одной церкви не проезжала. Поверь, друг мой, что ты нам своим усердием к Создателю твоему и благодарностью, которую ты должна Ему иметь, больше милее становишься, и Бог тебя утешит, и от всех любима будешь; а нам только остаётся радость и благодарить Бога, что дочь такую нам Он дал, которая помнит наставление родительское и советы их, а они тебе худы не могут быть»[8].

В приписке к этому письму отец писал: «Ежели вы первую неделю великого поста не говели в Кенигсберхе, то надлежит вам по приезде в Варшаву должную девоцию учинитъ, которая не помешает пользоваться бытностыо вашею в оном городе»[9].

Интересны и следующие письма Анны Карловны: «Марья Романовна (кузина Анны Михайловны. – *В.А.*) поехала с свекровью в Новгород молиться…»[10] или «Друг мой, прошу: перенимай всё хорошее и что пристойное для тебя, чтобы здесь все увидели, как ты в молодых своих летах стараешься быть образцом добродетели. Я не сумневаюсь об тебе и тому радуюсь, что ты так счастлива, что тебя старые женщины любят. Ищи их любви и дружбы»[11].

В мае 1761 г. кузен Анны Михайловны Строгановой граф Александр Романович Воронцов был назначен императрицей Елизаветой Петровной поверенным в делах России при венском дворе. Естественно, что он не мог не встретиться со своей двоюродной сестрой, чему мать последней была чрезвычайно довольна: «Я радуюсь, друг мой, что ты удовольствие имеешь Александра Романовича видеть. И ты можешь быть уверена, что как он тебя любит, что точно для тебя приехал! Пожалуй, друг мои, поклонись ему от меня и скажи ему, что он меня оного одолжил, что для тебя он приехал, и что я тому более радуюсь, что моё сердце всегда предсказывало об нём»[12].

Трогательна и забота родителей о здоровье единственной дочери, тем более, что в поездке та приболела. В конце мая Анна Карловна писала: «Я слышала, что ты, друг мой, не очень здорова, и что тебе кровь пускали от простуды. Пожалуй, берегися и не рискуй своё здоровье: ты знаешь, каково нам оно дорого. Ежели необходимо надо, чтобы ты ехала в Карлсбад, то отец тебе позволяет. Однако притом чтоб надо беречься, а то ежели не будешь беречь себя, то минеральные воды место здоровья ещё могут умножить более болезней, и притом как, возвратяся сюда, и не будешь здорова, то к вечному попрёку служить будет. А ежели нужды нет, то лучше ехать сюда и дорогу порядочную расположить, чтоб с покоем дорогу иметь.

Пожалуй, друг мой, Фансвитеновы советы[13] почитай и поступай по ним, как по отцовым повелениям: они для тебя полезны. Мы по сих пор, друг мой, поведением твоим довольны, и что ты себя, подлинно, как надо дочери в послушании быть, ведёшь; и мы Бога благодарим, что Он нам такую дочь пожаловал, что она нам в утешение»[14].

Особенно следует остановиться на приписке к последнему письму, сделанной рукою Михаила Илларионовича: «Александру Сергеевичу скажи мой поклон, и что я сегодня посылал к секретарю его, чтоб телескоп ко мне прислал. Только мне он ответствовал, что будто несколько телескопов в доме были и оные розданы, а кому – не ведает. Я требовал телескоп для смотрения завтрешнего числа проходящей планеты Венуса мимо солнца; токмо я, имея свой телескоп, буду завтра сию Феномену смотреть и его потом уведомлю[15].

Речь шла об одном из самых редких среди предсказуемых астрономических явлений – прохождении Венеры на фоне солнечного диска («явлении Венеры на Солнце»). Это событие повторяется каждые 243 года и выпадает на декабрь или июнь.

1761 г. был одним из таких случаев, и «явление Венеры» должно было состояться 6 июня, то есть через 10 дней после письма Михаила Илларионовича. В России, как и в Европе, астрономы ожидали небесного феномена ещё и потому, что его наблюдение позволяло определить параллакс, и следовательно, уточнить расстояние от Земли до Солнца. Для этого требовались усилия как можно большего количества наблюдателей в разных географических точках.

Организатором наблюдений в Российской империи стал М.В. Ломоносов. Еще в марте он обратился в Сенат, доказывая необходимость астрономических наблюдений в Сибири. В результате были организованы специальные экспедиции в Иркутск и в Селенгинск, а также наблюдения в самом Петербурге. Знаменательно, что наблюдение контакта краёв дисков Венеры и Солнца позволило М.В. Ломоносову сделать предположение о наличии у Венеры атмосферы (см. *приложение*). Позднее феномен рассеяния света при скользящем падении получил название «явление Ломоносова».

Приведённое в вышеии письмо Михаила Илларионовича позволяет предположить, что канцлер также собирался наблюдать за «явлением Венеры». Таким образом, к уже известным именам астрономов, наблюдавшим небо 6 июня 1761 г., можно добавить и имя графа М.И. Воронцова. Заметим, что следующее прохождение Венеры по диску Солнца, происходившее в 1769 г., наблюдала императрица Екатерина II.

Участие в судьбе дочери канцлера принимала и императрица, о чём незамедлительно упомянула графиня Анна Карловна: «Ея Императорскому Величеству очень приятно было слышать, что ты с нетерпением желаешь скорее возвратиться в своё отечество, и изволила тебя милостиво хвалить, что ты к тамошним весельям не привязана, а желаешь скорее в отечество»[16].

Завершая анализ семейной переписки Воронцовых, можно утверждать, что Михаил Илларионович и Анна Карловна трогательно заботились о духовном воспитании дочери, продолжая наставлять её даже в замужестве. Вероятно, с тем же участием они относились и к проживавшей в доме племяннице Екатерине Романовне, так что сожаления последней об отсутствии мер по «образованию характера» имеют оттенок субъективности.

Приложение

Отчёт М.В. Ломоносова о наблюдении прохождения Венеры по диску Солнца

Сиятельнейший рейх-граф, Милостивый государь Михайло Ларионовичь!

Всеуниженно и всеусердно поздравляя ваше сиятельство, милостивого государя, с сим великим торжественным праздником, желаю вам совершенного здравия и беспрерывного благополучия по мере вашего доброхотного сердца, чтоб оныя всегда употреблять в пользу почитателей и истинных рачителей вашего сиятельства. При сём доношу вам, милостивый государь, приятную ведомость, что господин надворный советник Попов прислал свои наблюдения из Иркутска, весьма обстоятельно написанные. Им примечены все важные и желаемые пункты во время прохождения Венеры и сверх того все надобные метеорологические наблюдения барометрами и термометрами, при часах на обсерватории, которую он с 22 Апреля строил по 23 Мая, имея на работе по 40 и больше человек на день. Инструменты его привезены на место в целости и к наблюдению расположены были во всякой исправности. Атмосферу так же он некоим образом приметил. Наблюдения господина Шапа имею честь прислать при сём обратно, с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего сиятельства, милостиваго государя, всеуниженный и всеусердный слуга Михайло Ломоносов.

Сентября 5 дня,
1761 года.

P.S. Адъюнкт Румовской был весьма несчастлив:

1) Что лутчие инструменты его повредились, хотя здесь г. Епинасом и почти всею кунсткамерою укладены были.

2) Что выбрал себе самое дурное место, Селенгинск, окружённое снежными горами, где всегдашние почти облака и дожди. И для того Венеры не мог видеть, как на весьма краткое время проходящую по серёдке солнца, а наблюдений тогда никаких не сделал[17].

Примечания

[1] *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 38.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. 4. М. 1872. С. 461. Письмо от 20 февраля.
[3] Там же. С. 460. Письмо от 15 февраля.
[4] Там же. С. 461. Письмо от 20 февраля.
[5] Там же. С. 459. Письмо от 30 января.
[6] Там же. С. 459.
[7] *Геннади Г.* О русских писателях и учёных умерших в XVII и XIX столетия и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 2. Берлин, 1880. С. 314.
[8] Архив князя Воронцова. Кн. 4. С. 462. Письмо от 25 февраля. Бочонок рыжиков в уксусе вскоре действительно был послан.
[9] Там же. С. 463. Письмо от 27 февраля.
[10] Там же. Письмо от 6 марта
[11] Там же. С. 467. Письмо от 5 мая.
[12] Там же. С. 468. Письмо от 15 мая.
[13] Речь идёт о придворном враче Марии Терезии бароне Герарде ван Свитене (1700–1772), врачевавшем Анну Строганову.
[14] Архив князя Воронцова. С. 470. Письмо от 25 мая.
[15] Там же. С. 470
[16] Там же. С. 472–473. Письмо от 12 июня.
[17] Там же. С. 487.

УЧЕНИЕ ДЖ. ЛОККА ОБ ОБРАЗОВАНИИ В ВОСПРИЯТИИ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Т.Л. Лабутина
доктор исторических наук, профессор
Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)

Одной из составляющих идеологии просветительского движения XVIII в. являлась образовательная программа. Просветители придавали большое значение необходимости образования подрастающего поколения, поскольку были убеждены, что от должного воспитания детей зависит благополучие и процветание нации. Наиболее полно программа воспитания и образования юношей представлена в книге английского философа Джона Локка «Мысли о воспитании» (1690). Написанная на основе собственных педагогических наблюдений в бытность Дж. Локка гувернёром в семье графа Шефтсбери, книга имела неоценимое значение для современников. Во многом указанный труд сохранил свою актуальность до сего дня.

Хотя просветитель в своём произведении рассматривал вопросы, как воспитания, так и образования, однако явное предпочтение он отдавал воспитанию (об этом говорит и само название книги). Учение необходимо, считал Дж. Локк, но оно стоит на втором плане. Первоочередной же целью процесса обучения должно стать воспитание ребёнка, формирование в нём личности. Для этого необходимо позаботиться о физическом и нравственном здоровье воспитанника. Наиболее важным Дж. Локку представлялось признание и уважение в каждом ребенке личности. «Мы должны видеть в наших детях, когда они вырастут, – писал он, – существа, подобные нам самим, с теми же страстями и желаниями», для чего необходимо с самого начала разработать тактику поведения воспитателя с воспитанником[1]. Дж. Локк указывал на влияние среды на подрастающее поколение и подчёркивал силу примера в воспитательном процессе. На его взгляд, дети руководствуются в большинстве своём примером, они лучше понимают «то, что видят, чем то, что слышат». В воспитательном процессе Дж. Локк считал необходимой систему наказа-

ний и поощрений. Он был убеждён, что очень строгие наказания не только не приносят пользу, но, напротив, наносят большой вред воспитанию.

В целом программа нравственного воспитания Дж. Локка исходила из конкретных задач формирования личности джентльмена, крепкого телом и сильного духом, наделённого всеми необходимыми качествами для будущей предпринимательской и коммерческой деятельности[2]. Особую ценность представляли в программе просветителя предложения, направленные на воспитание в ребёнке высоких моральных качеств: честности, справедливости, искренности, добропорядочности, вежливости.

Как уже отмечалось, процессу образования подрастающего поколения Дж. Локк отводил второстепенное место. В своей образовательной программе он давал ряд конкретных советов, когда и как начинать обучение детей. Навыкам чтения, считал он, следует обучать как можно раньше, сразу же, как только малыш научится говорить. Дж. Локк предостерегал воспитателей от принуждения детей к чтению, полагая, что этим можно только вызвать у них отвращение к процессу образования. Обучение чтению желательно превратить в игру, сделав развлечением для ребёнка. После того, как ребёнок научится читать, можно переходить к обучению письму и рисованию. Иностранные языки также лучше всего изучать в ранние годы. Курс предметов, предложенный Дж. Локком, включал арифметику, геометрию, географию, хронологию, латынь, греческий и французский языки, историю, скоропись. Кроме того, предлагалось обучение этике, гражданскому праву, натуральной философии, риторике и логике, изучение законов и конституции Англии.

Судя по перечисленным предметам, просветитель задавался целью предоставить воспитанникам самое широкое образование, которое включало бы в себя реальные практические знания, а также подготавливало молодых людей к общественной и научной деятельности. Этой же цели служили рекомендации просветителя в отношении того, какие книги следует читать молодым людям. Поскольку главное предназначение джентльмена Дж. Локк усматривал в его «служении обществу», то потому считал, что юноша обязан изучать «нравственные и политические» вопросы. Для этого следует штудировать книги древних и современных философов, а также

Новый завет, содержащий сведения об «истинной морали». Чтобы подготовить себя должным образом к политической карьере, надо помнить, что «политика состоит из двух весьма различных частей: первая касается возникновения общества, происхождения и пределов политической власти, вторая – искусства управления людьми в обществе»[3]. Знания об этих предметах можно почерпнуть из исторических книг. Особенно полезны джентльмену книги по отечественной истории, считал Дж. Локк. Кроме того, он рекомендовал произведения «юристов прошлого». Обращает на себя внимание тот факт, что среди перечисленных авторов книг, рекомендуемых к чтению просветителем, наряду с именами таких мыслителей, как Ливий, Туллий, Гукер, Пуфендорф, Дж. Локк называл своих современников, в том числе тех, кто прославился республиканскими взглядами (О. Сидней, Дж. Тиррел).

Большое значение в подготовке молодых людей к политической деятельности просветитель придавал тому, чтобы, прежде всего, научить их «управлять собой». Для этого необходимо знание людей и умение разбираться в их характерах, привычках, поведении, что, бесспорно, приходит со временем, по мере приобретения житейского опыта. Вместе с тем, большую пользу в этом могут сыграть книги, «помогающие проникнуть в человеческую природу». К таковым Дж. Локк причислял книги «о страстях и о том, что вызывает их» (произведения Аристотеля, Горация), сатирические произведения, поэзию и художественную прозу. Примечательно, что в список рекомендуемой литературы, необходимой джентльмену «для познания человеческой природы», просветитель включал наряду с произведениями, обличающими пороки людей, также книги, чтение которых доставляло положительные эмоции, «развлечение и удовольствие». К последним Дж. Локк, к примеру, причислял «Дон-Кихота» Сервантеса. Наконец, завершало список рекомендуемой для чтения литературы перечисление различных словарей, сведения из которых, как считал просветитель, всегда могли пригодиться в практической деятельности молодого джентльмена, какую бы её сферу он для себя ни избрал.

Как видно, образовательная программа, представленная Дж. Локком, отличалась прагматическим характером. Главной целью обучения просветитель считал не столько обучение молодёжи

«всему познаваемому», сколько стремление разбудить в молодых людях любовь и уважение к знаниям, поставив их «на верный путь к приобретению знаний и самосовершенствованию»[4].

Большое значение в образовательном процессе Дж. Локк придавал развитию в детях так называемых «внешних талантов». Он считал необходимым обучать их танцам, музыке, верховой езде и фехтованию, живописи. Особую ценность в программе Дж. Локка представляли, на наш взгляд, его предложения об обучении детей каким-либо ремёслам. Дж. Локк считал, что тем, кому придётся вести «сидячую или кабинетную жизнь» (то есть вести государственную, общественно-политическую или коммерческую деятельность), необходимо такое упражнение, «которое в одно и то же время давало бы развлечение их душам и занятие их телу»[5]. К подобному типу «упражнений» просветитель относил садоводство или иные сельскохозяйственные работы, считая это наиболее пригодным для сельского джентльмена, а также различные работы по дереву (плотничество, столярные и токарные работы). Допуская, что родителей-аристократов могут привести в шок одни лишь слова «ремесло» и «ручной труд», если их применить в отношении к их чадам, Дж. Локк предлагал их детей обучать столь необходимому для всех видов деятельности занятию, как счетоводство. Как видно, просветитель придавал большое значение в деле формирования гармонично развитой личности сочетанию умственного и физического труда.

Завершаться процесс образования должен в заграничных путешествиях. Дж. Локк считал, что во время таких путешествий юноша сможет не только ознакомиться с достопримечательностями той или иной страны, усовершенствовать свои познания в языках, но и сравнить законы и обычаи этих стран с теми, которые существуют у него на родине. Это, в свою очередь, позволит ему выявить как «естественные и моральные преимущества», так и «изъяны» в государственном устройстве Англии, а также предоставит возможность обменяться с иностранцами мнением, извлекая из подобных бесед полезные сведения.

Предложенная Дж. Локком образовательная программа предусматривала по преимуществу индивидуальный процесс обучения. Просветитель отдавал явное предпочтение домашнему, а не школьно-

му образованию. Главной фигурой в воспитательно-образовательном процессе, по мнению Дж. Локка, становился не школьный учитель, а гувернёр. Естественно, содержать воспитателя для своих детей могли только состоятельные люди, представители имущих слоёв Англии. Потому вся образовательная программа Дж. Локка отличалась ярко выраженной классовой направленностью. Просветитель являлся сторонником строгой иерархии в отношении к тем, кому предоставлялось образование. «Я думаю, – писал он в своём трактате о воспитании, – что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны получать различное воспитание»[6]. Что же касается детей из неимущих слоёв населения, то их просветитель попросту исключал из своей программы. Впрочем, подобной социальной ограниченностью отличались образовательные проекты всех просветителей.

Дидактическое произведение Дж. Локка в России впервые было издано в переводе в 1759 г. под заглавием «О воспитании детей господина Локка». В 1787 г. локковский труд был переиздан Н.И. Новиковым. Как предполагает современная исследовательница Е.П. Зыкова, к моменту написания своей статьи «О смысле слова “воспитание”» (1783) Е.Р. Дашкова «вероятно, уже имела это сочинение Локка в оригинале»[7]. В действительности с трудом Дж. Локка во французском издании Екатерина Романовна познакомилась много раньше. Так, в письме к К. Вильмот «с размышлениями о вопросах воспитания» от 15 ноября 1805 г. она вспоминала, что озадачилась проблемами воспитания, когда стала в 16 лет матерью, и именно тогда принялась читать всё, «что о воспитании было писано»[8]. Следовательно, «Мысли о воспитании» Дж. Локка были изучены ею ещё в юном возрасте, свои же взгляды на данный предмет Е.Р. Дашкова высказала значительно позже, в упомянутой выше статье, а также в ряде писем к сыну и другим корреспондентам.

В какой мере учение Дж. Локка о воспитании и образовании оказалось созвучным дидактической концепции княгини? Что было общего, и чем различались рассуждения по данному предмету в трактовке двух просветителей? Прежде всего, попытаемся выявить схожие черты в их образовательных программах. Из переписки с Вильямом Робертсоном, ректором Эдинбургского университета, в котором обучался сын Екатерины Романовны, выясняется, что

Е.Р. Дашкова, как и Дж. Локк, отдавала воспитанию предпочтение перед образованием. Так, в письме от 9 октября 1776 г. она утверждала, что «более озабочена нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний»[9]. Подобно Дж. Локку, Е.Р. Дашкова делит воспитание на физическое, нравственное и школьное или классическое, подробно останавливаясь в своей статье «О смысле слова "воспитание"» на характеристике каждого из них. Говоря о физическом воспитании, она, как и Дж. Локк, упоминает «простую пищу», «простое и покойное платье», движение, пребывание на свежем воздухе и труд. Одним словом, это те компоненты, которые сделают детей «телом крепкими и здоровыми». «Польза оного ощущительна не только относительно долголетию, – писала Е.Р. Дашкова, – но таковое воспитание служит соделывать… людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твёрдости в предпринятом»[10]. К нравственному воспитанию, на её взгляд, следует приучать, когда дети «к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению» приучены.

Что же, на взгляд Е.Р. Дашковой, включало в себя нравственное воспитание детей? «Любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и гражданским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму», а также человеколюбие, добродетель, храбрость – вот те основные критерии, которые положены в основу нравственного воспитания сограждан. В основании же всех добродетелей покоится справедливость[11].

Обращаясь к третьему виду воспитания – школьному или классическому, Е.Р. Дашкова перечисляет те предметы, которые необходимы для освоения юношам. И здесь мы находим схожие с локковским предметы: латынь, греческий, немецкий, английский и французский языки. Е.Р. Дашкова добавляет ещё «совершенное познание природного языка». В перечень предметов обоих просветителей входят: логика, риторика, история, география, высшая математика, нравственная философия, юриспруденция, химия, физика[12]. Вместе с тем, Е.Р. Дашкова, в отличие от Дж. Локка, не просто перечисляла предметы, которые следовало изучать юношам, но и отмечает, в какой последовательности это лучше всего делать[13]. При всей схожести трактовки классического образования в работах Дж. Локка

и княгини выявляется существенное различие, заключающееся в том, что английский просветитель ратовал за домашнее, а Е.Р. Дашкова отдавала предпочтение школьному образованию. Вместе с тем, она, как и Дж. Локк, не исключала из воспитательного процесса наличие гувернёра, «сведущего в науках» и «строго честных правил»[14].

Подобно Дж. Локку, Е.Р. Дашкова полагала, что «воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподаётся», и что оно «ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают»[15]. Так же, как и английский просветитель, Екатерина Романовна была убеждена в необходимости завершения образования в путешествиях за границей. Причём в отличие от Дж. Локка она очень подробно останавливалась на данном сюжете. В одном из писем к сыну она давала свои рекомендации, с какой целью следует посещать зарубежные государства, что необходимо в них посмотреть, как вести себя среди иностранцев. «Не забудь, – напоминала княгиня сыну, – что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени… Всё, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом и таким образом из юношеского возраста вступить на поприще мужа»[16]. Е.Р. Дашкова советовала сыну общаться с людьми образованными, при этом «не столько самому толковать, сколько слушать и расспрашивать других». На её взгляд, «у путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши», чтобы узнать как можно больше о стране пребывания.

Екатерина Романовна давала сыну конкретные советы по поводу того, на что ему следовало обратить внимание. Свойство и форма правления, законы, нравы, народонаселение, торговля, географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, «действительные и мнимые средства общественного кредита», подати, пошлины и «различные условия различных сословий» – вот те предметы, которыми ни один путешественник не должен пренебрегать, «если только он не хочет остаться тупым и бессмысленным зрителем… не способным ни к умственному, ни к нравственному совершенству»[17].

Важным для путешественника Е.Р. Дашковой представлялось его собственное поведение в чужой стране. Она была убеждена

в том, что вступив «в период юношеской жизни», молодому человеку более всего «надобно дорожить общественным мнением, то есть внимательно следить за своими поступками, словами и действиями». Поэтому княгиня советовала сыну в сношениях с иностранцами «воздерживаться от оскорбительных сравнений», полагая, что «если хвалить или осуждать отдельного человека насчёт другого чрезвычайно обидно, то непростительно грубо и несправедливо судить об одном народе по мерке другого». В этой связи Екатерина Романовна рекомендовала сыну «воздерживаться от слишком резкой критики чужих нравов, обычаев и в особенности религий». Примечательно, что особое внимание Е.Р. Дашкова уделяла отношению юноши к религиозным пристрастиям иностранцев. «Относительно религиозных мнений, где бы ты ни соприкасался с ними, должен уважать их, – советовала она сыну. – Серьёзное или шуточное опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе самое горькое и оскорбительное впечатление на человеке и никогда не забывается»[18].

Как видно, в образовательных концепциях просветителей двух стран было немало общего. В то же время вряд ли можно говорить о полной рецепции локковского учения в работах Е.Р. Дашковой. В её дидактической программе можно найти немало отличий от педагогических постулатов Дж. Локка. Е.П. Зыкова обращает внимание на два важных момента. Во-первых, в мышлении княгини появилось новое, историческое измерение, которое, во-вторых, соединилось с попыткой осознать, что же реально дали русской культуре контакты с Европой[19]. В известной статье «О смысле слова “воспитание”» Е.Р. Дашкова обращается к предыстории понятий о воспитании, которые существовали в Росси на протяжении нескольких поколений. Прадеды наши, писала Екатерина Романовна, считали воспитанием обучение своих детей Псалтырю, счёту, а также верности царю и «закону повиновению». На взгляд княгини, подобное воспитание «едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно». Кроме того, на заграничные путешествия «с намерением просвещаться, перенимать хорошее», был наложен запрет. Деды наши, продолжала Е.Р. Дашкова, воспитание понимали уже несколько иначе. Детей учили уложению, артикулу со сказкой Бовы королевича. Некоторые обучали арифметике. Хотя это, по мнению автора статьи, и нельзя

было считать воспитанием, были в образовательном процессе той поры и свои положительные черты: «воспитанники тогдашние не стыдились ещё быть русскими». Всё переменилось к худшему, когда в России начали перенимать европейские обычаи. «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян, – с горечью констатировала Екатерина Романовна. – Тогда танцмейстеры, французские учители или мадамы, по их мнению, всё воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своём наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали»[20]. Е.Р. Дашкова выступала с резкой критикой подобного воспитания детей, считая его вредным. «Воспитание, которое мы детям своим даём, ещё более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали, – признавала она. – Мы ещё более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове воспитание, прибавя к разврату, который учители и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, кроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощённым телом, с истощённым смыслом и кошельком домой беспоправочны возвращаются». Княгиня приходила к заключению, что получив такое воспитание, молодые люди «не в поле, не в совете или служении Отечеству… себя отличить и посвятить хотят». Танцы, клавикорды, разговоры о театре – вот «благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают», – делала неутешительный вывод Екатерина Романовна[21]. Она не сомневалась в том, что подобное воспитание самым пагубным образом сказывалось на нравственном состоянии молодёжи. Свои наглость и надменность, ветреность и ничтожество молодые люди не стесняются демонстрировать в обществе. Для них главный аргумент в спорах – это апелляция к полученному опыту пребывания в Париже.

Ещё одно отличие в дидактических трудах просветителей заключалось в подходе к женскому воспитанию и образованию. Заметим, что Джон Локк в труде «Мысли о воспитании» не затрагивал женскую тему, полагая, что его педагогические советы, за малым ис-

ключением, годятся для девочек. «Я считаю, – писал философ, – что различий в умственных способностях между полами не существует, и потому не вижу смысла что-то менять в своих инструкциях»[22]. В то же время он дал несколько советов относительно женского воспитания в письмах к другу Э. Кларку и его супруге, у которых росла маленькая дочь. Дж. Локк предлагал обучать девочку, прежде всего, чтению. Он советовал отцу обратить учение в игру и ни в коем случае не торопиться, но продвигаться вперёд только по мере достижения определённых результатов. На взгляд философа, необходимо развивать ум ребёнка, давая простые, доступные и исчерпывающие ответы на вопросы, которые он задаёт. Обучаться чтению лучше всего по книгам с незатейливым сюжетом, а не по Священному Писанию. Дж. Локк сомневался в том, что ребёнок получит удовольствие от чтения книги, «в которой ничего не понимает». После того, как девочка научится бегло читать и освоит родной язык, следует обучить её латыни. Изучать латынь надлежит со всем старанием, «чтобы не испытывать никаких затруднений в правилах и грамматике языка». Попутно ребёнка можно просвещать в различных областях знаний, знакомить с такими предметами, как география, астрономия, анатомия, история.

Дж. Локк считал, что девочкам полезно заняться танцами. Обучать танцам следует с раннего возраста, под руководством хороших учителей. Танцы позволят улучшить осанку, обучат хорошим манерам. Всем детям Дж. Локк настоятельно рекомендовал соблюдать правила личной гигиены, заниматься физическими упражнениями, а также чаще бывать на свежем воздухе, больше двигаться, ходить пешком на дальние расстояния.

Дж. Локк не делал особых различий в воспитании мальчиков и девочек. Он считал, что пища, одежда у всех учеников должны быть одинаковыми. На его взгляд, любой мужчина желал бы иметь здоровую жену, поэтому девочек надо готовить не только к приёму обычной пищи, но и к непогоде, ветру и солнцу, чтобы они не росли «слабыми, хныкающими, болезненными созданиями, боящимися сквозняков». Небольшое исключение для девочек, которое допускал Дж. Локк, касалось их пребывания на свежем воздухе. Он считал, что в жаркую погоду их лучше держать в тени или дома, но не на солнцепёке, чтобы не навредить здоровью и красоте будущих женщин. Кро-

ме того, Дж. Локк предостерегал отцов от рукоприкладства и грубой брани по отношению к дочерям и вообще считал, что воспитанием девочек должна заниматься по преимуществу их мать[23].

В произведениях Е.Р. Дашковой мы не найдём конкретной программы женского воспитания. Вместе с тем в её образовательной концепции содержится критика существующей в России системы женского образования, во многом заимствованной у Западной Европы. Россию наводнили «парижские лакеи» и «мадамы», которые стали заниматься воспитанием детей из зажиточных семей. От таких воспитателей девушка может научиться только «чепчики шить, кружева мыть и по-французски болтать». И с этим ещё можно было бы смириться, если бы не гнусные «чувствования», которые «подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает». Между тем, девушка могла бы стать лучшей женой, матерью и госпожой, «если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была, и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзелюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветреность и небрежение в себе показывала; тогда бы можно было заключить, что родители её правильнее о слове воспитание понятие имели», – заключала княгиня[24]. Она возмущалась тем, что девушки «стараются мотовством своим прославиться». Их занятия сводятся к чтению романов, «бренчанию» на клавикордах и арфе. Подобное воспитание и образование юных дам приводит, по её мнению, к тому, что «мало браков совершаются или, что совершившиеся скоро разрываются», поскольку «основательно мыслящий молодой человек» опасается связать брачные узы с такой девушкой.

Между тем, сама Екатерина Романовна получила прекрасное образование. Как уже отмечалось, в письме к К. Вильмонт она вспоминала, что в 16 лет став матерью, когда её дочь «не могла пролепетать ещё ни единого слова», она уже помышляла дать ей совершенное воспитание. Зная четыре языка, Е.Р. Дашкова прочитала всё то, что о воспитании было написано, однако этого ей показалось недостаточно. Продолжая размышлять, она, наконец, пришла к выводу о необходимости формулирования некоторых правил, пригодных для всех детей, которые станут «твёрдым основанием фундамента»: время, место и мера. Как утверждала княгиня, «знать

всегда и во всём меру, время и место – есть лучший ключ загадки, что есть совершенное воспитание, а притом и вернейший способ преуспевать во всём»[25].

Итак, как показал анализ дидактических взглядов просветителей двух стран, в их концепциях было немало общего. Поскольку Е.Р. Дашкова была знакома с трудами Дж. Локка, неудивительно, что основные положения его учения о воспитании и образовании оказались созвучными её собственным рассуждениям. Между тем, вряд ли справедливо говорить о полной рецепции теории Дж. Локка в произведении Екатерины Романовны. Знакомство не только с сочинением Дж. Локка, но и трудами других авторов, а также собственный педагогический опыт, связанный с воспитанием детей, позволили княгине представить социальную критику существующей в России системы образования, и высказать предложение о необходимости учёта особенностей национальной жизни в образовательном процессе. И в этом заключалась оригинальность и особая значимость просветительской концепции образования Е.Р. Дашковой.

Примечания

[1] *Локк Дж.* Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913. С. 87.

[2] Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Джон Локк и его «Мысли о воспитании» // Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 159–164.

[3] *Локк Дж.* Мысли о том, что читать и изучать джентльмену // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 611.

[4] Там же. С. 613–614.

[5] *Локк Дж.* Мысли о воспитании и о воспитании разума. С. 245.

[6] Там же. С. 253.

[7] *Зыкова Е.П.* Англофильство Е.Р. Дашковой в контексте русской культуры XVIII века // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 100.

[8] Письмо к К. Вильмонт с размышлениями о вопросах воспитания. 15 ноября 1805 г. // Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание»: Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 219.

[9] Письмо Вильяму Робертсону с программой образования для сына. 9 октября 1776 г. // Там же. С. 236.

[10] *Дашкова Е.Р.* О смысле слова «воспитание» // Там же. С. 125.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 126.

[13] Письмо Вильяму Робертсону с программой образования для сына. 9 октября 1776 г. // Там же. С. 237–238.

[14] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 232.

[15] Там же. С. 124.
[16] Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий // Там же. С. 242.
[17] Там же. С. 242–243.
[18] Там же. С. 243–245.
[19] *Зыкова Е.П.* Указ. соч. С. 100.
[20] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 120–121.
[21] Там же. С. 122–123.
[22] The Correspondence of John Locke. Vol. 2. Oxford, 1976. P. 687–688.
[23] См. подробнее: Советы Джона Локка «маленькой госпоже» // Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 126–129.
[24] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 122.
[25] Письмо к К. Вильмот с размышлениями о вопросах воспитания. 15 ноября 1805 г. С. 219–221.

К.Г. РАЗУМОВСКИЙ – ПРЕЗИДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

И.Е. Лопатухина
кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Русская наука XVIII в. была представлена прежде всего Императорской Санкт-Петербургской Академией наук. Это было довольно замкнутое учреждение, и все важные вопросы его существования входили в компетенцию руководителей – президентов. От них во многом зависели и главные результаты работы Академии наук.

Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) был президентом Санкт-Петербургской Академии наук более полувека – с 1746 г. по 1798 г. Весь этот долгий период можно разделить на два основных этапа: 1746–1765 гг. – это время реального президентства; 1765–1798 гг. – когда он продолжал только формально числиться главой Академии наук, но вся конкретная работа по руководству ею была возложена на директоров, одним из которых была Е.Р. Дашкова.

На заседании академической конференции 23 мая 1746 г. был зачитан указ Правительствующего Сената, который гласил, что повелением императрицы Елизаветы Петровны в Академию наук назначен президент – действительный камергер двора, граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Пятым президентом Академии наук стал не имеющий никакого учёного звания восемнадцатилетний граф, чуть более трёх лет назад приехавший из малороссийской глуши. Как же это получилось? Что за случай привёл Кирилла Григорьевича на этот пост?

«Случай» рода Разумовских, как рассказывал биограф рода Разумовских А.А. Васильчиков, заключался в том, что реестровый казак Григорий Розум застиг однажды среднего из своих сыновей, Алексея, за чтением книги и под пьяную руку выгнал его из дома. Алексей поселился у дьячка соседнего села Чемер, где его заметил бывший там проездом полковник Ф.С. Вишневский. Будучи поражён голосом мальчика, он в январе 1731 г. увёз Алексея в столицу и устро-

ил в придворный хор, где тот, в свою очередь, привлёк внимание цесаревны Елизаветы Петровны. Через десять лет с небольшим он и стал первым графом Разумовским.

Родина Разумовских – хутор Лемеши Козелецкого повета Черниговской губернии. Младший из братьев, Кирилл Григорьевич, родился 18 марта 1728 г. Отец, Григорий Яковлевич Розум, скончался вскоре после ухода из дома Алексея. Мать братьев Разумовских, Наталья Демьяновна, была женщиной рассудительной, умной и уважаемой в округе. Пока Алексей Григорьевич не начал помогать родным, став фаворитом цесаревны, семья крайне бедствовала.

После восшествия Елизаветы на престол в ноябре 1741 г. А.Г. Разумовский был пожалован в действительные камергеры, получил чин генерал-поручика и имения в Великороссии и Малороссии. Сразу же после коронации Елизаветы Наталья Демьяновна приехала в столицу с младшим сыном. Столичная жизнь ей не понравилась, и она уехала обратно в Малороссию. Кирилл Григорьевич, которому было 13 лет, остался при дворе.

Алексей Григорьевич сам выбрал воспитателей и наставников младшему брату. Один из них – Василий Евдокимович Ададуров (1709–1780) – математик, литератор, переводчик, автор первой русской грамматики, первый адъюнкт Петербургской Академии наук русского происхождения (избран в 1733 г.), который преподавал русский язык великой княгине Екатерине Алексеевне, а при А.Г. Разумовском исполнял обязанности секретаря. Другой наставник – Григорий Николаевич Теплов (1717–1779), получивший прекрасное образование сначала в России, а затем завершил в Германии (где занимался изучением древних и новых языков). После возвращения из-за границы он работал переводчиком в Академии наук, а в 1741 г. стал адъюнктом.

В течение первого года пребывания в Петербурге К.Г. Разумовский постигал как науки, так и новый образ жизни, а в марте 1743 г. брат отправил его для дальнейшего обучения за границу (инкогнито, под именем Ивана Ивановича Обидовского) в сопровождении Г.Н. Теплова. Кирилл Григорьевич отправился в Германию, сначала в Кёнигсберг, где изучал немецкий и латинский языки, географию, универсальную историю, а также занимался музыкой и танцами. Через год он переехал в Берлин, учился у знаменитого Леонарда

Эйлера (некоторое время даже жил у него в доме) и у Ф.Г. Штрубе де Пирмона, известного юриста. В Берлине молодой граф изучил французский язык.

Во время пребывания К.Г. Разумовского в Германии Елизавета Петровна издала указ о пожаловании его камер-юнкером (1743), а в июне 1744 г. оба брата Разумовские были возведены в графское достоинство Российской империи. Посетив после Берлина Гёттинген, Кирилл Григорьевич объехал Францию и Италию и весной 1745 г. вернулся в Петербург, где был произведён в действительные камергеры.

Вернёмся к Академии наук. К.Г. Разумовский был назначен её президентом указом Сената от 21 мая 1746 г., через год после своего возвращения из-за границы.

Академия наук существовала без президента с 15 апреля 1741 г., когда после падения Э.И. Бирона был уволен Карл фон Бреверн. Фактически главой академии все эти пять лет являлся советник академической Канцелярии И.Д. Шумахер, на которого профессора постоянно и безуспешно жаловались в Сенат.

При тогдашней ситуации в стране во главе высшего учёного учреждения лучше было иметь не иностранца, но образованных русских людей, способных занять этот пост и имевших высокое социальное положение, было не так уж много. Кирилл Григорьевич вернулся из-за границы с хорошими отзывами о своих способностях. Наукой граф не занимался, да и этого не требовалось в те времена от президента Академии наук: была должность чиновника высокого ранга.

В мае К.Г. Разумовский был болен, поэтому впервые посетил заседание Академии наук 11 июня 1746 г. Он выступил с речью, выслушал ответ профессора астрономии Ж.Н. Делиля и выступление В.К. Тредиаковского. Речь президента была краткой. Он остановился на роли Академии наук для славы и пользы государства, обещал учёному собранию «наблюдать и приводить в исполнение точнейшим образом всё то, что из вашего прилежания и усердия может быть извлечено на пользу нашего Отечества», а также пользоваться «добрыми советами» академиков и считать своей главной обязанностью «достижение благоденствия этого учреждения и удовольствование каждого из её членов». По окончании заседания президент осмотрел

все помещения академии и мастерские, а днём позже императорскую библиотеку, Кунсткамеру, астрономическую обсерваторию и академическую гимназию.

В течение июня К.Г. Разумовский ещё дважды посетил заседания. На одном из них обсуждался вопрос о чтении М.В. Ломоносовым публичных лекций на русском языке по экспериментальной физике. Кирилл Григорьевич придавал им большое значение и сообщил, что хочет на них присутствовать. После этого до конца июля он на заседаниях не появлялся, но на заседании 4 июля 1746 г. был зачитан указ императрицы о назначении адъюнкта Г.Н. Теплова асессором канцелярии.

Работы для нового президента было много: за пятилетие накопилась масса вопросов, требовавших решения. Президент повелел, чтобы ему каждую субботу письменно докладывали, что делается в академии. Указом Елизаветы Петровны все жалобы академиков и служащих Академии наук в Сенат за истёкшее пятилетие были переданы президенту. К.Г. Разумовский вместе с Г.Н. Тепловым почти два года разбирали их (в основном на И.Д. Шумахера, возглавлявшего Канцелярию, несмотря на эти жалобы, до самой смерти в 1761 г.).

Следующий 1747 г. знаменателен для Академии наук утверждением Регламента – первого в её истории. Это явилось большим успехом в деле организации академической науки, кроме того, в два раза были увеличены бюджетные ассигнования для этих целей. Именно в эти годы достиг своего расцвета талант М.В. Ломоносова, чьи труды принесли мировую известность российской науке. К названию Академии наук было впервые прибавлено слово «Императорская». Официальным языком помимо латинского признавался и русский, отмечалась необходимость «стараться, чтобы все адъюнкты были из русских». В то же время Регламент провозглашал нахождение академии под протекцией Её Императорского Величества и под президентским правлением. Когда президент отсутствовал, вся власть принадлежала Канцелярии. Академики должны были заниматься только наукой.

Следует отметить, что Академия наук способствовала успешному развитию просвещения в России. М.В. Ломоносов читал публичные лекции на русском языке. При К.Г. Разумовском была начата работа по переводу на русский язык иностранных книг самого

разного содержания. Для этих целей была предпринята модернизация академической типографии. Многие из переводчиков являлись воспитанниками академических гимназии и университета. Издания, рассчитанные на все сословия, хорошо расходились. В конце 1748 г. Елизавета Петровна со всем двором собралась в Москву и объявила, что и президент Академии наук должен следовать за двором и быть в Москве, для чего было решено создать в Москве отделение академической Канцелярии. Распоряжением К.Г. Разумовского на время его пребывания в Москве основную Канцелярию полагалось именовать «Санкт-Петербургской», а находящуюся при нём (во главе с Г.Н. Тепловым) – «Главной московской канцелярией». Президент оставил в Петербурге инструкцию, по которой не следовало ничего без него предпринимать, и еженедельно присылать письменные отчёты о делах в Академии наук и ведомости о состоянии её денежной казны, что И.Д. Шумахер аккуратно и делал.

5 июня 1750 г. Елизавета подписала указ о назначении Кирилла Григорьевича гетманом. К его официальному титулу прибавилось «гетман всея Малыя России, обеих сторон Днепра и войск Запорожских».

Поскольку К.Г. Разумовский был теперь вынужден уехать из столицы на длительный срок, он обратился к императрице с докладом о невозможности совмещать назначение гетманом с работой в Академии наук. Он просил или назначить другого президента, или ввести должность «вице-президента». На это высочайшей воли не последовало, и Кирилл Григорьевич уехал в Малороссию попрежнему президентом Академии наук.

Несколько слов об отношении К.Г. Разумовского к М.В. Ломоносову. Так получилось, что тот период в истории Академии наук, когда там работал М.В. Ломоносов, практически совпал с президентством Кирилла Григорьевича. Михаил Васильевич стал профессором за год до его назначения и скончался незадолго до отъезда графа за границу. К учёному К.Г. Разумовский относился хорошо, не раз выручал его из трудных ситуаций, предоставил ему казённую квартиру, представил к чину коллежского советника, что было непросто из-за противодействия большинства членов Академии наук. Кирилл Григорьевич лично подносил императрице сочинённые М.В. Ломоносовым оды, тем самым создавая ему популярность при дворе.

Весной 1754 г. двор вернулся в Петербург, и К.Г. Разумовский со всем семейством тоже. В этот раз он оставался в столице три года. Граф жил в своём дворце на Мойке. Императрица весьма жаловала Кирилла Григорьевича и нередко посещала устраиваемые им балы и маскарады.

24 августа 1754 г. Сенат издал указ о необходимости всем учреждениям, коллегиям и канцеляриям представить проекты уставов их деятельности. В комиссию по пересмотру устава Академии наук вошёл и М.В. Ломоносов. Он предлагал ввести должность вице-президента, но Г.Н. Теплов был против этого, считая, что М.В. Ломоносов хочет отнять у президента власть – и академический устав остался прежним.

Эти же годы знаменательны в истории Академии наук выходом в свет первого научно-литературного популярного журнала на русском языке – «Санкт-Петербургских ежемесячных примечаний». Его издание было поручено академику Герарду Фридриху Миллеру (1705–1783). М.В. Ломоносов настаивал на уточнении заголовка; в результате первая книжка журнала, просуществовавшего 10 лет, называлась «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755). В нём печатались труды членов Академии наук, других учёных, поэтические произведения, переводы. Редактором и автором многих статей был Г.Ф. Миллер. Издание журнала не обходилось без проблем, и, когда учёный уехал в Москву, то журнал перестал выходить, поскольку желающих взять на себя это нелёгкое дело, не нашлось.

В конце февраля 1757 г. К.Г. Разумовский уехал в Малороссию, где в связи с приготовлениями к войне с Турцией у него было много забот. Перед отъездом он издал указ о назначении М.В. Ломоносова и Трауберга советниками Канцелярии и оставил Академии наук очередную инструкцию, которой следовало руководствоваться во время его отсутствия. На этом поприще Михаил Васильевич сделал очень много полезного для Академии наук, но общая обстановка с приходом его в Канцелярию не улучшилась. Слишком уж трудно было Ломоносову, Траубергу и Шумахеру работать вместе.

В августе 1757 г. гетман просил у Елизаветы Петровны разрешения вернуться обратно в Петербург. В конце декабря он вернулся в столицу, где провёл следующие два года.

В этот приезд Кирилл Григорьевич много занимался делами Академии наук благодаря такому советнику Канцелярии, как М.В. Ломоносов. Уже в январе 1758 г. Михаил Васильевич предъявил президенту в письменном виде итог своих размышлений за 10 месяцев пребывания советником канцелярии «Излишества, недостатки и замешательства в Академии».

К.Г. Разумовский одобрил проект М.В. Ломоносова о постройке одного обширного здания для размещения раскиданных по всему Васильевскому острову академических учебных заведений, мастерских, квартир для профессоров и учеников, приказал составить смету расходов. 24 марта 1758 г. вышел указ президента о распределении полномочий между тремя советниками Канцелярии, причём Михаилу Васильевичу поручалось надзирать за академическим, историческим и географическим собраниями, а также за университетом и гимназией. Практически под контроль М.В. Ломоносова была отдана вся научная и учебная деятельность Академии наук.

Более того, в 1759 г. К.Г. Разумовский поручил Михаилу Васильевичу составить новый штат и Регламент для университета и гимназии и утвердил их, несмотря на противодействие некоторых академиков. В том же году М.В. Ломоносов по согласованию с Кириллом Григорьевичем приступил к составлению «Большого атласа Российской империи».

Президент учредил новую категорию сотрудников Академии наук – члены-корреспонденты. Первым из них (и в течение 17 лет единственным) был Пётр Иванович Рычков (1712–1777), которого современники называли «Колумбом Оренбургского края». Он родился в Вологде, в бедной купеческой семье, получил домашнее образование. У голландского купца И.П. Тамеса, директора полотняных фабрик, Н.И. Рычков овладел теорией и практикой бухгалтерской записи и балансового учёта. Благодаря этим знаниям он был приглашён на место управляющего заводами к англичанину В. Эльмесу. Приняв участие в экспедиции в Сибирь, П.И. Рычков более 40 лет жизни посвятил Оренбургу.

В январе 1759 г. коллежский советник П.И. Рычков по предложению М.В. Ломоносова был принят в учреждённый класс корреспондентов Академии наук за свой труд «Топография Оренбургской губернии». Это было историческое, географическое и экономическое

описание, включавшее и статистические данные. Главной задачей экономической политики, как в Оренбургском крае, так и во всей России, Пётр Иванович считал «размножить всякие заводы, мануфактуры и промыслы; сочинить компании и договоры».

П.И. Рычков – автор около 60 научных трудов. Перечислим некоторые из них: «Топография Оренбургская» (1755), «Опыт Казанской истории» (1767), «Введение к Астраханской топографии» (1774), «Описание города Оренбурга» (1744), «Краткое известие о татарах…» (1745). В «Ежемесячных сочинениях» появились его «Письма о коммерции» (1755 и 1757) и «Письма к издателю о титуле Белого Царя» (1763). В «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» были напечатаны следующие произведения П.И. Рычкова: «Письма о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» (1758) и «История Оренбургская» (1759), переизданная в 1896 г. Были изданы и другие его сочинения: «Опыт казанской истории древних и средних времён» (СПб.,1767), «Введение к астраханской топографии» (СПб.,1774), «Описание илецкой соли, с подробным планом Илецкой защиты» (ч. XX, 1772 – первое описание илецкого соляного промысла), «Записки о Пугачёвском бунте» (напечатаны в «Истории Пугачёвского бунта» А.С. Пушкина).

Девиз П.И. Рычкова, в конце жизни получившего дворянство и ставшего заводовладельцем, был таким: «Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить».

Вернёмся к Кириллу Григорьевичу. Очередной отъезд гетмана в Малороссию состоялся в конце 1759 г., но уже в октябре 1761 г. К.Г. Разумовский выехал из Глухова, поскольку заболела Елизавета Петровна. 25 декабря она скончалась. На престол взошёл Пётр III. Кратковременное его царствование никак не сказалось на делах Академии наук, да и самому К.Г. Разумовскому было не до неё. Он имел воинский чин и должен был по указу императора изучать прусскую экзерцицию. С Екатериной Алексеевной граф был в хороших отношениях и в июне 1762 г. при содействии Е.Р. Дашковой оказался в числе заговорщиков. Его Измайловский полк первым присягнул новой императрице, а манифест о восшествии на престол Екатерины II печатался в типографии Академии наук.

В августе 1762 г. императрица отправилась в Москву на коронацию. К.Г. Разумовский находился при ней. Государыня назначила

его председателем Комиссии о русском дворянстве, и Кириллу Григорьевичу в этот год было не до Академии наук.

В очередной раз гетман отправился в Малороссию 18 июня 1763 г., а 2 июля Екатерина II вместе с наследником первый раз после своего воцарения посетила конференцию Академии наук. Она провела там полтора часа, прослушала учёные речи и обещала академии высочайшее покровительство. Следующий, 1764 г. оказался последним годом гетманства К.Г. Разумовского (и последним годом существования гетманства в Малороссии вообще). Этому предшествовала попытка установления наследственного гетманства, к которой Екатерина II отнеслась крайне отрицательно. К.Г. Разумовский был вызван в Петербург и после долгих уговоров подписал прошение об освобождении от звания гетмана. Обижен он не был: гетманское содержание за ним сохранилось. В день выхода указа об упразднении гетманства (10 ноября 1764) К.Г. Разумовский был произведён в генерал-фельдмаршалы.

В это пребывание в Петербурге работы у президента было много. Он поручил Траубергу и Ломоносову составить новый академический устав. К сожалению эти проекты рассмотрены не были, поскольку Трауберг не занимался уставом, а Михаил Васильевич в апреле 1765 г. скончался.

15 апреля 1765 г., через 11 дней после смерти М.В. Ломоносова, Кирилл Григорьевич уехал за границу. Перед отъездом он обратился к Екатерине II с очередной просьбой освободить его от обязанностей президента Академии наук, но его просьба и в этот раз осталась невыполненной. В письме к Леонарду Эйлеру императрица объяснила это тем, что трудно найти кандидата на это место. Она ввела в Академии наук новую должность – директора, назначив на неё 5 октября 1766 г. графа Владимира Григорьевича Орлова. 30 октября была учреждена особая комиссия из академиков для управления делами Академии наук, в которую вошли Л. Эйлер, С.К. Котельников, С.Я. Румовский и др.

Кирилл Григорьевич продолжал числиться главой Академии наук до 19 апреля 1798 г., но никакого участия в её делах уже не принимал. Выехав за границу, он некоторое время жил в Германии, посетил Францию, Швейцарию, затем посетил Италию и через Париж вернулся в Россию. Граф вновь поселился в Петербурге в своём

дворце на Мойке. С 1768 г. по 1771 г. он был членом Государственного Совета, отношения с императрицей у него были прекрасные. После смерти старшего брата Алексея Григорьевича (1771) всё огромное состояние бездетного брата перешло Кириллу. В том же году скончалась супруга графа, и Кирилл Григорьевич решил уехать в Малороссию. Екатерина II первое время не отпускала его. Только в 1775 г. прошение об увольнении было удовлетворено, и в начале 1776 г. 47-летний К.Г. Разумовский прибыл в Батурин. Здесь он прожил почти 30 лет. Скончался Кирилл Григорьевич 3 января 1803 г. на 75-ом году жизни и был похоронен в Батурине.

Литература

Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб. 1880.

Во главе главенствующего сословия России. Очерки жизни деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. СПб., 2000.

Дневник императрицы. Екатерина II / Сост. И. Андреев. М., 2013.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л. 1957.

Помпеев Ю.А. Основы экономической культуры. СПб., 1999.

Помпеев Ю.А. Очерки по истории европейской научной мысли. СПб, 2003.

АДМИРАЛ С.К. ГРЕЙГ – ДРУГ Е.Р. ДАШКОВОЙ И ВОРОНЦОВЫХ

А.А. Жиркова
Музей «Нарвская застава» (г. Санкт-Петербург)

Одним из почётных членов Академии наук, избранных по предложению Е.Р. Дашковой 18 августа 1783 г., был адмирал Самуил Карлович Грейг. Екатерина Романовна в «Записках» называет адмирала своим близким другом. Дружеские отношения связывали его и с братьями княгини, Александром Романовичем и Семёном Романовичем. Что же известно об отношениях этих выдающихся людей?

Будущий адмирал родился 30 ноября 1736 г. в Шотландии. Будучи сыном капитана торгового судна, он уже в юные годы ушёл на флот волонтёром. Морскую науку постигал на практике – за четырнадцать лет службы в английском флоте он побывал во многих портах Европы и Северной Африки, а во время Семилетней войны прошёл закалку в морских боях[1].

На решение лейтенанта английского флота связать дальнейшую судьбу с Россией повлиял Александр Романович Воронцов, в марте 1762 г. назначенный Петром III полномочным министром в Лондоне и занимавший эту должность до 1764 г. Екатерина II, вступив на престол, понимала, что для осуществления грандиозных политических планов Россия нуждается в сильном флоте. Александру Романовичу было поручено набирать на русскую службу офицеров из английского флота, считавшегося тогда лучшим. Так состоялось знакомство с Самюэлем Грейгом, который увидел в русской службе больше перспектив, чем в английской, где шотландцев не жаловали, и согласился на это предложение. 18 июля 1764 г. с разрешения короля Георга III С. Грейг перешёл на русскую службу капитаном первого ранга.

В начале службы шотландец, которого в России стали называть Самуилом Карловичем, командовал различными кораблями на Балтийском море. Он участвовал в Первой Архипелагской экспедиции,

возглавляя отряды кораблей в составе эскадры адмирала Г.А. Спиридова во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Известно собственноручное описание этой экспедиции, сделанное С.К. Грейгом[2]. Самую большую известность принесло ему знаменитое Чесменское сражение 1770 г. Тогда он был советником по морским вопросам главнокомандующего, графа Алексея Григорьевича Орлова, ранее обратившего внимание на молодого перспективного офицера (кстати, своего первого сына С.К. Грейг назовёт Алексеем в честь А.Г. Орлова). Не случайно в этих сражениях главнокомандующий держал флагманский флаг на корабле С.К. Грейга «Три иерарха», полностью доверяя военно-морскому искусству Самуила Карловича. Именно С.К. Грейг командовал центром эскадры в Хиосском бою и отрядом кораблей, уничтоживших турецкий флот в Чесменской бухте, став одним из главных героев этой победы русского флота. За неё Самуила Карловича наградили орденом св. Георгия II степени, что давало ему звание дворянина.

Кроме участия в сражениях, офицер выполнял и ряд других поручений государыни. Так, в 1775 г., будучи в порту Ливорно, он посадил на борт и доставил в Кронштадт захваченную А.Г. Орловым авантюристку, выдававшую себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, которая вошла в историю как княжна Тараканова.

После возвращения всех эскадр со Средиземного моря С.К. Грейг, уже произведённый в вице-адмиралы, командовал смотром Балтийского флота, который Екатерина II устроила у Красной Горки под Петербургом 7 июля 1776 г. Императрица лично возложила на Самуила Карловича орден св. Александра Невского «за его труды и усердную службу».

С 1775 г. С.К. Грейг находился в должности главного командира Кронштадтского порта. Он наблюдал за строительством и реконструкцией Кронштадта, решал вопросы переноса туда Адмиралтейства, строительства каменной гавани, морского госпиталя, реконструкции порта, доков и каналов, других сооружений. Он многое сделал для укрепления Кронштадта, базы военно-морского флота России, не случайно одна из улиц этого города ныне носит имя адмирала С.К. Грейга.

Самуил Карлович был произведён в адмиралы 28 июня 1782 г. Обратим внимание, что эта дата имела большое значение для самой

императрицы Екатерины II – это двадцатилетие её восшествия на престол. В этот же день С.К. Грейг получил орден св. Владимира.

Не только боевая слава адмирала побудила директора Академии наук Е.Р. Дашкову представить его кандидатуру в почётные члены академии. Ещё 14 марта 1782 г. за заслуги в области кораблестроения, инженерной практики и военно-морского дела его избрало своим членом Лондонское королевское общество. Дело в том, что С.К. Грейг внедрил на флоте множество своих новаторских предложений. Он разработал и усовершенствовал систему вооружения парусного оснащения кораблей, которая была утверждена Адмиралтейств-коллегией в 1777 г., внедрил технические новинки, например, новые фонари для крюйт-камер, обмазку подводной части судов смолой в смеси с серой. Он подготовил чертежи 66-пушечного корабля, по которым был заложен в Архангельске и в 1784 г. спущен на воду корабль «Изяслав», участвовавший во многих походах и сражениях. Конструкция оказалась удачной, впоследствии по этому проекту в Архангельске строились и другие корабли. В 1783 г. под руководством С.К. Грейга впервые в практике русского флота была обшита медными листами подводная часть корабля, что значительно улучшило его ходовые качества. Благодаря этим нововведениям 18 августа 1783 г. Е.Р. Дашкова предложила принять в число почётных членов Академии наук Самуила Карловича, который был избран единогласно[3].

Среди протоколов заседаний Конференции Академии наук тех лет есть записи об адмирале С.К. Грейге[4]. Например, на заседании 22 июня 1786 г. рассматривалось письмо Е.Р. Дашковой от Самуила Карловича из Кронштадта. Речь в письме шла об испытании аппарата для очистки морской воды. На других заседаниях возвращались к этому вопросу, отмечая 3 июля, что после анализа вода признана условно пригодной для питья, а 6 июля решено было продолжить опыты. 11 сентября этого же года академик Н. Фусс прочёл на заседании Конференции письмо адмирала из Кронштадта, адресованное Екатерине Романовне, и печатную инструкцию по использованию новой машины для очистки воды, изобретённой Дж. Магелланом. Эти материалы были переданы для изучения И.Г. Георги. Затем княгиня получила подарок от адмирала С.К. Грейга – модель и чертежи камбуза, изобретённого Дж. Магелланом. 16 октября 1786 г. она

передала их Конференции, где для изучения решено было отдать их в физический кабинет Академии наук.

Упоминание об этих инструментах содержится в переписке С.К. Грейга с младшим братом Е.Р. Дашковой, Семёном Романовичем Воронцовым, который с 1785 г. был послом в Англии. В письме от 6 июня 1786 г. адмирал благодарил его за присланные железную корабельную кухню и некие инструменты, изобретённые Магелланом[5] (перевод письма приводится в приложении). Становится понятно, откуда у Самуила Карловича модель и чертёж камбуза, отправленные в подарок Е.Р. Дашковой и помещённые в физический кабинет Академии наук.

В «Архиве князя Воронцова» опубликована переписка адмирала с А.Р. и С.Р. Воронцовыми, которая велась на русском и французском языках. С Александром Романовичем он был знаком ещё по Англии. Теперь А.Р. Воронцов был президентом Коммерц-коллегии, и его переписка с Самуилом Карловичем касалась дел этого ведомства. Например, 7 октября 1783 г. С.К. Грейг писал Александру Романовичу о невозможности в данное время приехать в Петербург, куда его вызывает комиссия от коммерции по делам городской верфи: «…имею честь донести Вашему сиятельству, что мы ныне с часу на час ожидаем сюда новопостроенные корабли, которые немедленно должно будет ввести в канал для обшивания медью; а как сии корабли первые в Российском флоте, которые будут обшиты медью, весьма мне будет трудно, пока оные обшиваются, отсюда отлучиться»[6]. В других письмах речь шла о кадетском корпусе, о строительстве торгового порта, госпиталя. Несмотря на то, что письма касаются деловых вопросов, в них видны дружеские доверительные отношения между корреспондентами. С.К. Грейг благодарил Александра Романовича за то, что «общение с ним придаёт новые силы, потому что бороться одному против людей, глухих к доводам разума, очень утомительно»[7]. В свою очередь, А.Р. Воронцов писал, что рад полной откровенности и доверию, которые есть между ними, и что в его власти использовать блестящие идеи адмирала на пользу Отечества. Действительно, Самуила Карловича можно было назвать настоящим «генератором идей», не случайно А.Г. Орлов называл его «неутомимым человеком».

Одна из блестящих идей С.К. Грейга была осуществлена с помощью Семёна Романовича Воронцова. Это переезд в Россию шотландского инженера, оружейника и изобретателя, директора Карронского завода под Эдинбургом Чарльза Гаскойна и заведение литейного артиллерийского производства в России.

Во время поездки на родину в 1777 г. С.К. Грейг познакомился с Ч. Гаскойном, который ранее изобрёл так называемую карронаду – относительно лёгкое орудие, которое обладало большой разрушительной мощью на короткой дистанции. Самуил Карлович договорился с изобретателем, чтобы его компания поставляла пушки для русского флота. Затем С.К. Грейг представил Екатерине II доклад о необходимости производства артиллерийских орудий для военных судов в России и предложил для этого вызвать в Россию Ч. Гаскойна. Императрица поручила самому адмиралу пригласить этого талантливого оружейника. Для решения дела Самуил Карлович обратился за помощью к С.Р. Воронцову.

Пришлось столкнуться с немалыми трудностями – Ч. Гаскойн был одним из лучших специалистов своей отрасли, к тому же он собирался приехать в Россию не один, а с мастерами и оборудованием, что было запрещено английскими законами. С.К. Грейг писал: «Я прошу Ваше сиятельство принять меры, чтобы никакой задержки не было с отправкой из-за недостатка денег, так как, должен предупредить Ваше сиятельство, что будет много погруженных инструментов, экспорт которых запрещён законом, и даже вывоз из страны мастеров литейщиков равно запрещён. И так как для всего этого нужны деньги, лучше всего иметь доверенное лицо на месте. Нужно признать, что меня не покинет беспокойство до тех пор, пока я не увижу всё благополучно прибывшим в Кронштадт»[8].

Кроме того, мешали и коллеги Ч. Гаскойна, опасавшиеся конкуренции: «Гаскойн встречает препятствия не столько со стороны правительства, сколько со стороны членов кампании Каррон, которые опасаются за собственные интересы, боясь, что учреждение производства в России может повредить Карронскому заводу, если здесь достигнут производства пушек такого же качества, и что Россия не только перестанет покупать их пушки, но через некоторое время станет их соперником в иностранных государствах»[9], – сообщал С.К. Грейг Семёну Романовичу. Самуил Карлович просил

посла помочь Ч. Гаскойну как материально, так и через переговоры с правительством.

Вся корреспонденция адмирала и Ч. Гаскойна останавливалась для перлюстрации на почте, поэтому дело велось в обстановке строгой секретности. Так, С.К. Грейг предлагал, чтобы Семён Романович послал курьера в Эдинбург с инструкциями для Ч. Гаскойна под видом посещения детей самого Самуила Карловича, которые учились в то время в Эдинбургском университете. В результате этих усилий Ч. Гаскойну удалось выехать в Россию, привезти с собою оборудование, нужное для пушечного производства, а также значительное число мастеров разных специальностей. Ч. Гаскойн стал директором Олонецких заводов, а также Петрозаводского, Александровского, Луганского и других заводов.

В 1789 г. чугунолитейное производство было основано и в Кронштадте. По указу Павла I в 1801 г., опасаясь войны с Англией, кронштадтский чугунолитейный завод перевели под Петербург на Петергофскую дорогу, в известное дачное предместье. Интересно, что для этого Ч. Гаскойн предоставил свою дачу, приобретённую им в 1796 г. и находившуюся неподалёку от усадьбы Е.Р. Дашковой Кирьяново. Так возник знаменитый Путиловский, а ныне Кировский завод – промышленный гигант Санкт-Петербурга. Заводская территория распространилась и на часть бывшего парка имения Кирьяново.

Переписка адмирала с С.Р. Воронцовым касалась различных дел русского флота, например, приобретения в Великобритании катеров, провизии для флота. Поднимались и политические вопросы – об отношениях России с Англией и Францией. Из этих писем также видны дружеские доверительные отношения Самуила Карловича и дипломата. Нередко адмирал обращался к Семёну Романовичу «mon cher comte» – «мой дорогой граф», при возможности передавал ему весточки о «дорогом брате» Александре Романовиче.

Княгиня Е.Р. Дашкова, называя С.К. Грейга своим другом, вспоминала в «Записках» об эпизоде, связанном с адмиралом и произошедшем во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Нужно отметить, что во время этой войны 6 (19) июля 1788 г. произошло важнейшее Гогландское сражение, в результате которого был сорван замысел шведов завоевать господство на Балтике и захватить Санкт-

Петербург, воспользовавшись планами России по отправке большей части флота в Средиземное море для войны с Турцией. Это была важнейшая победа адмирала С.К. Грейга, командовавшего Балтийским флотом. Флотом противника командовал герцог Зюдерманландский, брат шведского короля. Интересно, что оба командующих принадлежали к масонской ложе Нептуна, причём шведский герцог имел над русским адмиралом старшинство в масонской иерархии. Поражение шведского флота у Гогланда разрушило планы шведского короля овладеть морем и способствовало получению русскими войсками инициативы в войне. За победу при Гогланде С.К. Грейг был награждён орденом св. Андрея Первозванного, но он отказывался надеть награду вплоть до полной победы.

Вот что писала в «Записках» Е.Р. Дашкова: «Я познакомилась с герцогом Зюдерманландским, братом шведского короля, во время первого моего путешествия за границу. Он послал в Кронштадт парламентёра с письмом к адмиралу Грейгу, в котором просил его переслать мне письмо и ящик, найденный им на одном из захваченных судов. Адмирал Грейг, будучи иностранцем и близким моим другом, нашёл нужным действовать в этом случае с величайшей осторожностью: он послал и ящик и письмо в Совет в Петербург, где императрица заседала почти на каждом собрании. Она приказала отослать мне и ящик и письмо, не вскрывая их. Я была на даче и чрезвычайно удивилась, когда мне сказали, что приехал курьер из Совета; он передал мне толстый пакет от знаменитого Франклина…»[10]. В примечаниях княгиня сообщала, что в то время она уже состояла членом Философского общества в Филадельфии, и пакет содержал несколько книг, изданных обществом, которые регулярно ей присылались, а также письмо от Б. Франклина. Эту посылку сопровождало почтительное письмо к ней от герцога Зюдерманландского. Екатерина Романовна тут же отправилась во дворец для того, чтобы показать оба письма императрице. Та просила не отвечать на письмо герцога. Между прочим, Е.Р. Дашкова дала Екатерине II совет о герцоге, с которым была лично знакома, сказав о том, что у него могут быть интересы, отличные от интересов его брата, шведского короля Густава III. Хотя государыня поначалу с ней не согласилась, Е.Р. Дашкова заметила: «…через несколько месяцев оказалось, что я правильно оценила

герцога и что можно было заставить его изменить интересам его брата и парализовать действия шведского флота»[11].

Таким образом, во время военных действий через С.К. Грейга Екатерина Романовна получила письмо от Б. Франклина, которого императрица недолюбливала, да ещё переданное шведским герцогом, командующим вражеским флотом. Сама княгиня отметила осторожное и предусмотрительное поведение в данной ситуации адмирала, что, возможно, позволило ей избежать конфликта с Екатериной II.

Во время этой войны в октябре 1788 г. Самуил Карлович тяжело заболел и получил разрешение уйти в Ревель на флагманском корабле «Ростислав». Лечить его был отправлен доктор Роджерсон, лейб-медик и почётный член Академии наук, также шотландец, который лечил сына княгини Е.Р. Дашковой и её саму. Тем не менее, 15 октября адмирал С.К. Грейг умер. Он был похоронен в гробнице из белого мрамора, как распорядилась Екатерина II. О смерти его императрица сказала: «Великая потеря – государственная потеря». По случаю его смерти была выбита большая золотая медаль. На одной её стороне изображён русский флот с приспущенными парусами, на другой – герб С.К. Грейга с девизом «Рази верно». На заседании Конференции Академии наук 20 октября 1788 также было сообщено о смерти адмирала[12].

Вот ещё одна подробность, которая также связывает Самуила Карловича с Воронцовыми. В 1780 г. указом императрицы ему была пожалована дача Санс-Эннуи на побережье Финского залива, прямо напротив Кронштадта, которую когда-то приобрёл наследник престола Петр Фёдорович для своей фаворитки Елизаветы Романовны Воронцовой, сестры Е.Р. Дашковой. Эта дача была передана С.К. Грейгу «в вечное потомственное владение» со всем убранством и мебелью. Название дачи Санс-Эннуи сходно с названием Сан-Суси, резиденции Фридриха Великого, которому поклонялся Пётр III[13]. Он купил эту дачу неподалёку от своей резиденции Ораниенбаум в 1761 г., а с восшествием на престол развернул здесь широкое строительство. По соседству находилась Бронная дача великой княгини, а затем императрицы Екатерины Алексеевны. Летом 1761 г., под Ораниенбаумом, в имении своего отца, будущей Мордвиновке, проживала княгиня Е.Р. Дашкова. В этот период она особенно сблизилась с великой княгиней, которая навещала здесь свою подругу. После

переворота 1762 г. имение Санс-Эннуи было объединено с соседней Бронной дачей, а впоследствии, как уже указывалось, подарено С.К. Грейгу, потомки которого владели им вплоть до 1917 г.

С.К. Грейг был женат на Сарре Кук, двоюродной сестре знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука. Их сын – адмирал Алексей Самуилович Грейг, с 1816 г. возглавлявший Черноморский флот, военный губернатор Севастополя и Николаева, очень многое сделал на этом поприще. Кстати, в 1822 г. он также был избран почётным членом Петербургской Академии наук, так как основал в Николаеве морскую астрономическую обсерваторию и первую в России морскую библиотеку. Он стал председателем комиссии по строительству Пулковской обсерватории под Петербургом. Известно, что Николай I распорядился передать на строительство этой обсерватории 400 тысяч рублей из хозяйственной и кабинетной суммы Российской Академии[14], которая была создана по инициативе Е.Р. Дашковой, и именно княгиня заложила основы её хозяйственного процветания.

Усадебный дом дачи С.К. Грейга сохранился до наших дней, как и окружающий его парк, но всё это находится в плачевном состоянии. До войны в усадьбе располагался санаторий, а затем до 2009 г. военный госпиталь. К сожалению, сейчас здание дачи пустует и постепенно разрушается. Мебель с дачи адмирала была передана в музей «Нарвская застава», часть которого располагается в усадьбе Е.Р. Дашковой Кирьяново. Таким образом, наше время ещё раз соединило этих двух великих людей. А по соседству с дачей княгини находится Кировский завод, ведущий начало от того производства, которое С.К. Грейг так хотел учредить в России.

Приложение

*Письмо С.К. Грейга к С.Р. Воронцову**

Кронштадт, 6 июня 1786 г.

Я имел честь получить письмо, которое Ваше сиятельство написали мне 5 мая, через капитана судна, который нам привёз

* Перевод с фр. А.А. Жирковой.

железную кухню и циркулярные инструменты, спроектированные господином Магелланом. Кухня уже установлена на 100-пушечном корабле, и мы её уже испытали: она полностью отвечает нашим желаниям. Инструменты также очень хорошо выполнены, и то и другое нас очень устраивает.

Я имел честь писать Вашему сиятельству с курьером, отправленным из Санкт-Петербурга к концу февраля, касательно Гаскойна, это было поручение от Её Императорского Величества, и поручение, которое причинило мне очень большое беспокойство. Слава Богу, всё закончилось благополучно. Господин Гаскойн приехал сюда 26 мая, это человек, в котором мы здесь очень нуждались. Он мне рассказал, что имел честь засвидетельствовать своё почтение Вашему сиятельству, когда он был в Лондоне последний раз перед отъездом. Он должен был представить всю корреспонденцию, которая у нас с ним была по поводу основания производства в России, господину Питту и некоторым другим министрам, и они действовали с большой обходительностью в пользу того, чтоб мы имели все машины, которые нам нужны для производства. Он очень жаловался на некого господина Гарбетта и Бултона, которые причинили ему все горести и трудности, и против которых он должен был бороться, чтобы выполнить все обязательства перед нами. Министры вели себя очень любезно после того, как он показал им наши письма. Он не может мне сказать, Ваше ли сиятельство повлияло на расположение к нему министров, так как он не может объясняться по-французски[15].

Если Ваше сиятельство имело какие-нибудь разговоры на эту тему с министрами, мне было бы очень любопытно узнать, в каком свете они представляют это дело, потому что он меня уверял, что не нашёл никакого затруднения с их стороны.

На прошлой неделе я имел удовольствие видеть графа Александра, Вашего дорогого брата, в прекрасном здравии, и ещё адмирала Сенявина.

P.S. Простите за свободу, с которой я представляю прилагаемое письмо под Ваше покровительство. Я также пользуюсь свободой, надеясь на Вашу благосклонность, рекомендовать Вашему сиятельству господина Ингледева, который будет иметь честь презентовать вам это письмо. Это мачтовый мастер и превосходный человек.

Примечания

[1] Об адмирале С.К. Грейге издано две книги: *Крючков Ю.С.* Самуил Карлович Грейг. М., 1988; *Prattis W.G.* Grand Admiral Samuel Greig, father of the Russian Navy. Dunfermline, 1985. Ему посвящён ряд статей, в том числе в различных словарях и энциклопедиях.

[2] Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный адмиралом Грейгом (Из собственной его рукописи) // Отечественные записки. 1823. Ч. 13.

[3] Летопись Российской Академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 703.

[4] Там же. С. 728–730.

[5] Бумаги графов Александра и Семёна Романовичей Воронцовых // Архив князя Воронцова. Кн. 19. М, 1881. С. 343–344.

[6] Там же. С. 409.

[7] Там же. С. 412 (здесь и далее – перевод автора с фр.).

[8] Там же. С. 342 (перевод с фр.).

[9] Там же. С. 340 (перевод с фр.).

[10] Записки княгини Дашковой / под ред. и с предисл. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 211.

[11] Там же. С. 212.

[12] Летопись Российской Академии наук. С. 757.

[13] Об этой и соседних усадьбах см: *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2013. С. 432–440.

[14] *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Т. 8 СПб., 1887. С. 334.

[15] В примечаниях к этому письму издателя П.И. Бартенева: «Граф С.Р. Воронцов в это время ещё не говорил по-английски и никогда не писал на этом языке; в позднейшие годы обыкновенно читали ему английские газеты, словесно переводя их по-французски».

НА СКЛОНЕ ЛЕТ (ПЕРЕПИСКА Е.Р. ДАШКОВОЙ И Н.П. ШЕРЕМЕТЕВА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА)

Л.А. Старкова
Централизованная библиотечная система Кировского района (г. Санкт-Петербург)

В фонде Шереметевых в Российском государственном историческом архиве есть дело, в котором хранятся несколько писем Екатерины Романовны Дашковой и черновики ответов Николая Петровича Шереметева[1]. В деле находится 14 листов: пять писем Е.Р. Дашковой (три из них на французском языке, два – на русском), четыре конверта (из простых листов бумаги с сургучными печатями сломанными пополам и сохранившимися на двух краях листов) и пять черновиков ответов Н.П. Шереметева на письма Екатерины Романовны. Письма подшиты не по порядку и не по датам. Интересным представляется как подлинные письма княгини, так и черновики, правленые рукой Николая Петровича.

Е.Р. Дашкова и Н.П. Шереметев были хорошо знакомы. Дача Шереметевых Шампетр на Петергофской дороге под Петербургом находилась напротив Кирьянова – дачи Екатерины Романовны, их московские дома также соседствовали. Имения Воронцовых и Шереметевых довольно часто имели общую границу, и это иногда давало повод для выяснения некоторых обстоятельств, неизбежно возникавших в таких случаях.

Автор не ставит целью проследить всю переписку данных корреспондентов, а останавливается только на письмах, которые хранятся в указанном деле, которые, с одной стороны, раскрывают несколько эпизодов из жизни Екатерины Романовны и Николая Петровича, а с другой – дают исследователям материал для дальнейших поисков. Переписка велась на русском и частично на французском языке (княгиней Е.Р. Дашковой). Письма датируются началом XIX в. (1802–1807 гг.), не на всех стоят даты, но по содержанию можно сделать вывод, что все они написаны в этот период. Это первые

годы царствования Александра I и не самые благоприятные годы жизни адресатов.

Скажем несколько слов о жизненной ситуации авторов переписки к этому времени.

Потомки сподвижника Петра Великого, фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, особо не отличились ни на государственной, ни в военной службе. Не стал исключением и его внук Николай Петрович (1751–1809 гг.). В царствование Екатерины II он впервые упоминается в камер-фурьерском журнале только в 1773 г. в связи с поминовением императрицы Елизаветы Петровны. В 1774 г. граф был произведён в камергеры. В том же году императрица посетила несколько подмосковных имений Шереметевых, где устраивались праздники в честь её приезда. После смерти отца Петра Борисовича в 1777 г. Н.П. Шереметев в основном был занят своим крепостным театром.

В 1796 г., когда на престол вступил Павел I, Николай Петрович получил должность обер-гофмаршала. Начиная с этого времени граф возглавлял все церемониальные шествия и почти ежедневно обедал и ужинал с императором не только как придворный, но и как друг детства. В 1797 г. Н.П. Шереметев был удостоен ордена св. Андрея Первозванного – высшей государственной награды Российской империи. Он участвовал в коронационной церемонии Павла I и последующих торжествах.

В 1798 г. повелением императора Николай Петрович, в соответствии с его просьбой, был переведён на должность обер-камергера – менее обременительную, чем должность обер-гофмаршала: в его новые обязанности входило представлять членам императорской фамилии тех, кто получил право на аудиенцию.

21 декабря 1798 г. Н.П. Шереметев стал кавалером Большого креста ордена св. Иоанна Иерусалимского и получил дозволение учредить командорство своего имени. Павел I утвердил «Правила для учреждения родовых командорств». Для их основания необходимо было владеть имением, приносящим не менее 3 000 руб. годового дохода и ежегодно сдавать в казну ордена 300 руб. Кавалерственными дамами Мальтийского ордена могли быть и женщины-дворянки. Так как Великим магистром (или Гроссмейстером) Мальтийского ордена был Павел I, то стать Мальтийским рыцарем и одновременно

кавалером ордена св. Иоанна Иерусалимского считалось большой честью. 28 августа 1799 г. Н.П. Шереметев учредил два командорства в Великом российском приоратстве ордена св. Иоанна Иерусалимского в пользу военно-сиротского дома.

28 августа 1799 г. граф был назначен директором Пажеского корпуса и оставался им до 1802 г. 19 февраля 1800 г. Н.П. Шереметев получил французский орден св. Лазаря, в связи с чем заказал свой портрет художнику Дж. Аткинсону.

Вечером 11 марта1801 г. Николай Петрович присутствовал на ужине императора Павла I в Михайловском замке, а на следующий день получил известие о смерти императора, которое его потрясло: он сильно переживал смерть друга детства и на нервной почве заболел. В июле 1801 г. Н.П. Шереметев был приглашён на обед к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне в Павловск, где среди прочих лиц отмечена Екатерина Романовна Дашкова. В сентябре того же года он, как и княгиня, присутствовал в Москве на коронации Александра I. В его царствование Николай Петрович продолжал занимать придворные должности.

В январе 1801 г. граф издал повеление об окончательном роспуске своей театральной труппы в связи с потерей голоса лучшей актрисой и певицей Прасковьей Ивановной Ковалёвой, по сцене – Жемчуговой (1768–1803). 6 ноября 1801 г. Николай Петрович Шереметев тайно обвенчался с ней в Москве в церкви Симеона Столпника на Поварской улице. В 1802 г. Н.П. Шереметев с супругой вернулся из Москвы в Петербург. Лето они провели в Павловске, в собственном доме графа. 3 февраля 1803 г. у супругов родился сын Дмитрий, крещённый 6 февраля 1803 г. в домовой церкви св. Варвары в Фонтанном доме (там же был крещён некогда и сам Николай Петрович). Восприемниками стали адмирал граф Г.Г. Кушелёв, и княгиня А.В. Щербатова. 22 февраля 1803 г. Н.П. Шереметев написал письмо Александру I в котором сообщил о рождении сына, своём венчании и болезни жены, извинившись за нарушение установленного придворного порядка, выразившегося в том, что не доложил императору о своём вступлении в брак. П.И. Шереметева скончалась через двадцать дней после родов.

Н.П. Шереметев пережил её на несколько лет. В декабре 1808 г. он ещё присутствовал на приёмах в Зимнем дворце, 1 января 1809 г.

больного графа посетил Александр I, и в этот же день Николай Петрович умер[2].

Судьба Екатерины Романовны в эти годы складывалась непросто. В августе 1794 г. она подала прошение об отпуске на некоторое время с должности директора Академии наук, который закончился её отставкой после воцарения Павла I. В момент смерти Екатерины II Е.Р. Дашкова находилась в своём подмосковном имении Троицкое (ныне – Калужская область). Она тяжело переживала смерть императрицы и даже заболела. В начале декабря 1796 г. княгиня приехала в Москву, где получила приказ императора немедленно возвращаться в деревню. В конце декабря 1796 г. пришёл письменный приказ Павла I, по которому она ссылалась в новгородскую деревню сына Коротово. В марте 1797 г. Е.Р. Дашковой, благодаря заступничеству императрицы Марии Фёдоровны, удалось возвратиться в Троицкое. Княгиня получаила разрешение бывать в Москве в отсутствие там двора. В это время она занималась делами семьи. В конце марта 1801 г. молодой император Александр I разрешил Екатерине Романовне проживать в обеих столицах. Побывав на коронационных торжествах, в 1802 г. Е.Р. Дашкова навсегда покинула Санкт-Петербург. С 1802 г. по 1810 г. она проживала в Москве и своих имениях (в основном – в Троицком). В 1805 г. скончался её старший брат Александр Романович Воронцов, в 1807 г. умер сын княгини Павел Михайлович. В декабре 1809 г. Екатерина Романовна заболела и 4 января 1810 г. скончалась[3].

Таким образом, оба фигуранта переписки в конце жизни отошли от государственных дел.

Первое письмо Е.Р. Дашковой на русском языке написано неразборчивым почерком, иногда слова зачёркнуты. Письмо получено 12 декабря 1802 г. В это время Николай Петрович жил в Петербурге в своём доме на Фонтанке с супругой Прасковьей Ивановной. О его браке общество не было официально оповещено, но слухами земля полнится – и Екатерина Романовна в конце письма желает здоровья супруге графа. Само же письмо посвящено тому, что крестьянин Н.П. Шереметева Шульгин обокрал и избил садовника княгини Хамова, причём крестьянин Николая Петровича был уличён в этом при свидетелях. Екатерина Романовна просила разобраться и возместить ущерб на сумму 916 руб. Заканчивается письмо пожеланием

здоровья родным Н.П. Шереметева и словами «Пребываю почтенная вашего сиятельства покорная услужница К. Дашкова».

Н.П. Шереметев в своём ответном письме сообщал, что дал указание управителям своим в пользу крестьянина Хамова взыскать 600 руб. «за отданного в рекруты в наказание за проступок крестьянин моего Шульгина, с вотчины за которую он зачтён». Граф пояснил, что не в его правилах «вдаваться в дела крестьян моих, которых по обширности имения моего, если только я захочу вмешиваться в них, их будет столько много, что я должен буду расплачиваться за них великими издержками и претензии посторонних людей могут нанести мне довольно неприятностей. Руководствуясь сими причинами покорно прошу вас не приказывать разглашать сего, почту себе одолжением ежели вы не прикажете…». Далее лист оборван. Суть письма ясна. Конфликт исчерпан.

Следующие три письма Е.Р. Дашковой содержат благодарность за оказанные услуги, присланные табак и свечи, за вино и шампанское.

В одном из них княгиня пишет: «Особа, привыкшая любить вас с самого детства, а затем вас уважать и ценить ваш характер и достоинства, просит вашей милости. Речь идёт о племяннике моих братьев Рагазиных. Он сирота и наш самый близкий родственник по матери, они люди уважаемые, граф Александр и я очень их ценим. Соблаговолите записать их племянника в пажи, и я буду бесконечно вам благодарна, господин граф». Екатерина Романовна просила за племянника своих братьев по матери (видимо, двоюродных). Письмо на французском языке, без даты, но несомненно, оно написано до 1802 г., пока Н.П. Шереметев курировал Пажеский корпус. Ответа на это письмо Е.Р. Дашковой в деле нет.

В следующем письме Екатерина Романовна ходатайствует о перемене земли её брата Александра с Н.П. Шереметевым. По-видимому, земли имений Воронцовых и Шереметевых имели общую границу. После смерти отца, Романа Илларионовича Воронцова, хозяйственными делами братьев занимался старший из братьев, Александр Романович, так как второй брат, Семён Романович, возглавлял русское посольство в Англии и постоянно проживал в Лондоне. В архивном деле находится черновик ответа на это письмо, написанный рукой управляющего Н.П. Шереметева. Бóльшая часть

его перечёркнута рукой Николая Петровича. В зачёркнутой части письма речь идёт о том, что участки земли нельзя поменять, так как они не равноценны. Черновик датирован 19 сентября 1804 г. Видимо эта тема поднималась и ранее, так как Н.П. Шереметев просил совета в письме у своего друга А.Ф. Малиновского: «…Милостивый государь мой Александр Фёдорович, дайте мне знать, как можно угомонить графа Воронцова в недельном его требовании, что эта струна весьма трудная подайте к оному средства и мысль… Мне никак не хочется заводить процессу или иметь неудовольствие со стороны графа Александра Романовича, но кончить сколько можно мирно…»[4]. Речь идёт о перемене земли в Болдинском городке или его окрестностях. Так как брат Екатерины Романовны скончался в 1805 г., то это требование отпало само собой. Все письма и Е.Р. Дашковой, и Н.П. Шереметева заканчиваются уверениями в дружбе и благодарностями за оказанные услуги.

Какие бы житейские вопросы не поднимались в личной переписке этими представителями двух дворянских российских родов, в историю России они вошли своими делами. В завещании сыну граф Николай Петрович Шереметев написал: «Помни, что жизнь скоротечна, и лишь благие дела сможем мы взять с собой». Н.П. Шереметев много занимался благотворительностью, построил Странноприимный дом в Москве (ныне – Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского). Екатерина Романовна Дашкова оставила потомкам свой труд на благо Отечества в виде успешной работы Академии наук и её великолепного здания на берегу Невы в Санкт-Петербурге. Под руководством и непосредственном участии княгини был создан многотомный толковый словарь русского языка («Словарь Академии Российской», т. 1–6, 1789–1794), который не потерял актуальности и в наше время.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 174.

[2] Граф Николай Петрович Шереметев: Личность, деятельность, судьба, материалы к биографии. М., 2001.

[3] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* «…Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М., 2009.

[4] Русский Архив. 1896. Кн. 8. С. 486.

КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА В КРУГУ ГОСТЕЙ НА ОБЕДАХ ИМПЕРАТРИЦЫ: ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ

Е.Н. Поляхова
кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящая публикация служит продолжением нашей предыдущей статьи о династических связях Дома Романовых с Вюртембергским Домом, а также с Гессен-Дармштадтским и Баденским Домами[1].

За хронологическую основу нами выбрана летопись жизни Е.Р. Дашковой, составленная Л.В. Тычининой и Н.В. Бессарабовой[2], в которой даётся частотная выборка записей из камер-фурьерских придворных журналов за интересующий нас период. На протяжении ряда лет в 1780–1790-х гг. имя Е.Р. Дашковой регулярно упоминается среди гостей императрицы на так называемых «больших» и «малых» обедах и различных придворных мероприятиях, регистрируемых в журналах. Регулярность записей, выполненных с тщательным соблюдением придворно-титульного этикета в смысле ранга гостя, показывает, что княгиня Е.Р. Дашкова всегда упоминается в начале списка – как правило, в первом десятке имён. Поскольку под первыми номерами значились члены императорской фамилии, становится ясно, что Е.Р. Дашкова занимала очень высокое место в придворной табели о рангах.

Е.Р. Дашкова вернулась из своего второго заграничного путешествия летом 1782 г. и 10 июля представилась императрице. В этом же 1782 г., судя по записям в камер-фурьерских журналах, она 5 раз посетила двор. В течение следующих лет княгиня постоянно присутствует на обедах и других придворных мероприятиях, о чём свидетельствуют многочисленные записи в камер-фурьерском журнале вплоть до её отъезда в Москву в 1794 г.[3]. Во время посещений двора княгиня контактировала как с придворными, так и с членами различных монарших фамилий, бывавших при русском императорском дворе.

В настоящей статье мы сконцентрируем внимание на Доме герцогов Ольденбургских, как в родственном смысле, так и политически, тесно связанных с Россией и Домом Романовых.

Сын Екатерины II, великий князь Павел Петрович (1754 – 1801, император с 1796 г.) с 1776 г. вторым браком был женат на вюртембергской принцессе Софии Доротее Августе Луизе (Sophie Dorothee Auguste Louise v. Wuertemberg, 1759–1828), после принятия православия ставшей Марией Фёдоровной. Отцом Софии Доротеи был герцог Вюртембергский Фридрих Евгений (Friedrich Eugen, Herzog v. Wuert.-Stuttgart, 1732–1797), матерью – маркграфиня Бранденбургская Фредерика София Доротея (Friederike Sophie Dorothea, geb. Markgraefin v. Brandenburg-Schwedt, 1736–1798), которая приходилась роднёй королю Фридриху II по младшей линии династии Гогенцоллернов (Hoenzollern): двоюродной или троюродной племянницей, хотя в письмах король и его брат, принц Генрих Прусский, называли её «дорогой сестрицей», а её дочь – «дорогой племянницей» *(см. схему 1)*.

Павел Петрович и Мария Фёдоровна, у которых было 10 детей (4 сына и 6 дочерей) положили начало новой генеалогической ветви на династическом древе Дома Романовых. Все их дети за исключением умершей в трёхлетнем возрасте дочери Ольги Павловны оказались в тесных династических связях с представителями владетельных домов Германии, Австрии, Голландии и других стран, как в первом, так и в последующих поколениях (например, Николай II представлял собой пятое поколение потомков Павла I).

Участие Е.Р. Дашковой в церемонии крестин детей Павла Петровича зафиксировано в камер-фурьерских журналах:

1. 30 июля 1783 г. состоялся торжественный приём по случаю рождения Александры Павловны (1783–1801), а 6 августа 1783 г. – по случаю её крестин. Ребёнка внесла в церковь на подушке принцесса Вюртембергская, а крёстной матерью была императрица. Е.Р. Дашкова участвовала в обеих церемониях и праздничных обедах[4]. Напомним, что принцесса Вюртембергская – это Августа, жена брата Марии Фёдоровны Фридриха[5].
2. Крещение Елены Павловны (1784–1803) состоялось 22 декабря 1784 г. Крёстной матерью была императрица. Е.Р. Дашкова внесла девочку в церковь на подушке, но в храме не держала её[6].

3. Крещение Марии Павловны (1786–1859) состоялось 12 февраля 1786 г. Крёстной матерью была императрица, Е.Р. Дашкова держала младенца на подушке в церкви[7].
4. Церемония крещения Екатерины Павловны (1788–1819), приуроченная ко дню св. Константина и св. Елены, состоялась 21 мая 1788 г. Императрица стала крёстной матерью, Е.Р. Дашкова держала младенца на подушке в церкви, а затем была приглашение на торжественный обед[8]. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 23 мая 1788 г. сообщала: «21 мая (1 июня) 1788 г. в день именин великого князя Константина Павловича и великой княжны Елены Павловны, в Царском Селе был совершён обряд крещения её Императорского Высочества великой княжны Екатерины Павловны. На церемонии присутствовала статс-дама княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она несла на руках лежащую на золотой атласной подушке новорождённую. По правую руку от неё шёл главный виночерпий Нарышкин, по левую – генерал Зольщиков, оба поддерживали подушку и покрывало. Крёстной была сама императрица, которая после пения "Тебе Боже" принимала поздравления в свой адрес. Митрополит Гавриил обратился с благословением к Её Императорскому Величеству, после чего вместе с другими представителями духовенства был допущен к целованию руки. Затем был отслужен молебен, во время которого императрица сама поднесла великую княжну Екатерину Павловну для причащения Святыми Дарами, после чего возложила на её Императорское Высочество орден св. Екатерины. Далее был дан обед на 156 персон. Её Величество выпили за здоровье новорождённой, в честь которой был дан 31 залп из пушек. Наследник престола царевич Павел провозгласил тост за здоровье императрицы, за которым последовал 51 орудийный залп. После этого императрица выпила за здоровье их Высочеств, что сопровождалось вновь 31 залпом. Вечером Петербург и Царское Село были украшены иллюминацией»[9]. За строками газеты ясно читалось, что главной героиней обряда крещения и последующего придворного праздника была императрица, а не Екатерина Павловна.
5. Крещение Ольги Павловны (1792–1795) состоялось 18 июля 1792 г. Императрица вновь была крёстной матерью, а Е.Р. Даш-

кова в течение всей церемонии держала ребёнка на подушке в церкви[10].

В крестинах Анны Павловны (1795–1865) княгиня уже не участвовала, поскольку покинула столицу в августе 1794 г. Соответственно, Екатерина Романовна уже не присутствовала и при крещении младших великих князей, Николая Павловича (1796–1855) и Михаила Павловича (1798–1849). Что касается крестин старших великих князей, Александра Павловича (1777–1825) и Константина Павловича (1779–1831), то во время их появления на свет она находилась в путешествии по Европе.

По случаю свадьбы (и подготовки к ней) великого князя Александра Павловича и принцессы Луизы Августы Баденской (1779–1826), в православии Елизаветой Алексеевной:

– 12 декабря 1792 г. Е.Р. Дашкова поименована в камер-фурьерском журнале на императорском приёме второй после принцессы Луизы Августы Баденской, которая ещё не приняла православие[11];
– 1 марта 1793 г. Екатерина Романовна отмечена на императорском приёме после двух принцесс Баденских, Луизы Августы и её сёстры Фредерики[12];
– 25 сентября1793 г. княгиня присутствовала на свадьбе Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны[13], которая уже приняла православие и носила новое имя.

В 1796 г. на свадьбе великого внязя Константина Павловича (1779–1831) и принцессы Юлианы Саксен-Кобург-Готской (Juliana Henriette Ulrike Friederike geb. v. Sachsen-Koburg-Gotha, 1781–1860), в православии Анной Фёдоровной, Е.Р. Дашкова уже не присутствовала (Анна Фёдоровна не ужилась с мужем, уехала на родину в 1802 г., но официально развелась только в 1820 г.).

Екатерина Павловна – великая княжна, герцогиня Ольденбургская, королева Вюртембергская (1788–1819), названная в честь бабушки, императрицы Екатерины II, была самой яркой личностью среди своих сестёр – дочерей Павла I. В научной и научно-популярной литературе уделялось много внимания её влиянию на политическую жизнь России через дружбу с венценосным братом Александром I[14].

Великая княжна Екатерина Павловна родилась 10 июля 1788 г. в Царском Селе. Она дважды была замужем: за герцогом Ольденбургским и за герцогом (впоследствии королём) Вюртембергским *(см. схему 1)*. Скончалась она в Штуттгарте 9 января 1819 г.

Первым супругом Екатерины Павловны был герцог Ольденбургский Петер Фридрих Георг (Peter Friedrich Georg v. Schleswig-Holstein-Oldenburg, 1784–1812), которого в России называли Георгием Петровичем. Он был младшим сыном правящего Герцога Ольденбургского Петера Фредерика Людвига Августа (Peter Friedrich Ludwig August, Herzog v. Schleswig-Holstein-Oldenburg, 1755–1829) и рано скончавшейся родной сестры императрицы Марии Фёдоровны, принцессы Фредерики Елизаветы Амалии Августы (1765–1785). Таким образом, и Екатерина Павловна, и её муж по материнским линиям были связаны с Вюртембергской герцогской семьёй и являлись двоюродными братом и сестрой. Принц и его старший брат, наследный принц Ольденбургский Пауль Фридрих Август (Paul Friedrich August I, 1783–1853), приходились Марии Фёдоровне племянниками. Ольденбургский Дом оказался гораздо раньше Вюртембергского Дома связан родственными узами с династией Романовых – ещё через императрицу Екатерину II, а именно – через Георга Людвига, герцога Шлезвиг-Гольштинского, её дяди. Герцог Петер Людвиг был сыном Георга – родного дяди Екатерины II, то есть он приходился императрице двоюродным братом. Соответственно, принц Георг Ольденбургский, сын герцога Петера Людвига, приходился императрице двоюродным племянником, Павлу I – троюродным братом, а Александру I – троюродным дядей (подробнее об этом см. ниже).

После заключения союза с Александром I Наполеон I задумал для упрочения династии Бонапартов развестись с императрицей Жозефиной и вступить в брак с сестрой Александра I Екатериной Павловной. Узнав об этом императрица Мария Фёдоровна, которая категорически протестовала против подобной идеи, в 1909 г. поспешила выдать дочь за принца Георга Ольденбургского, который прибыл в Россию ещё в 1801 г. и поступил на русскую административную службу.

Отец Георга, герцог Петер Фридрих Людвиг Ольденбургский (Peter Friedrich Ludwig, v. Oldenburg, 1755–1829) был вынужден в 1806 г. вступить в созданный Наполеоном I Рейнский Союз – конфе-

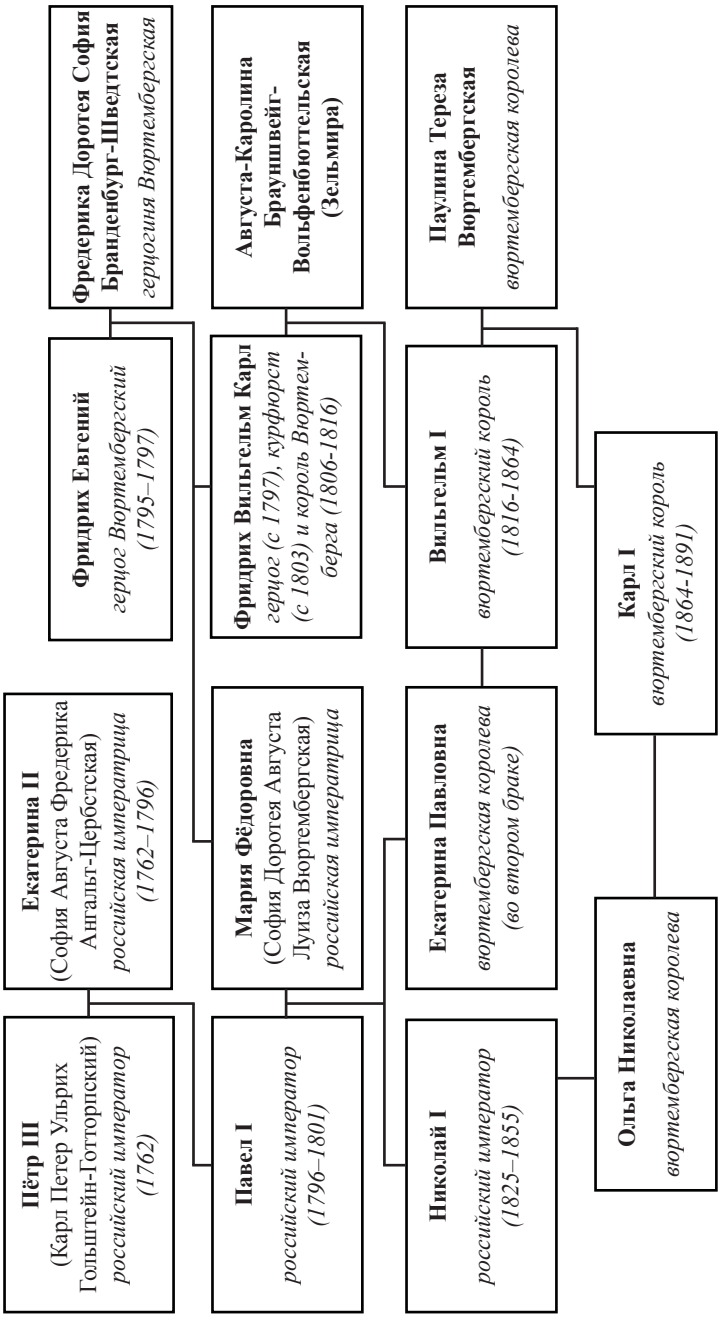


Схема 1. Пересечение линий Романовых с линиями герцогов и королей Вюртемберга

дерацию 18 германских княжеств под протекторатом Франции (просуществовал с 1806 г. по 1813 г.). Французский император предложил герцогу уступить Франции свои владения в обмен на город Эрфурт и некоторый другие территории в Тюрингии, на юге Германии. Дело в том, что расположенный на побережье Северного Моря, к западу от Дании, Ольденбург был крайне важен для стратегических военных целей Наполеона I как плацдарм против Англии. Герцог отказался отдать родовые владения и не согласился с притязаниями Наполеона I, после чего тот ввёл в Ольденбург французские оккупационные войска и фактически аннексировал территорию герцогства. Герцог Петер Людвиг с семьёй был вынужден эмигрировать. Александр I в 1806 г. пригласил его как своего двоюродного брата вместе с его старшим сыном, наследным принцем Паулем, в Россию, предоставив им политическое убежище и полное содержание. Младший сын герцога, принц Георг уже с 1801 г. жил в России.

Герцог Петер Людвиг со старшим сыном покинули Россию в 1813 г. и поселились в Праге, а затем в Карлсбаде. На родину герцог вернулся в 1814 г., после битвы под Лейпцигом, закончившейся поражением Франции. Наследный принц Пауль, вернувшись на некоторое время домой в 1815 г., навсегда уехал жить в Ревель, будучи наследным генерал-губернатором Эстляндии и Лифляндии по прерогативе Ольденбургских герцогов. В 1815 г. по решению Венского конгресса (в результате ходатайства Александра I) герцогство Ольденбург получило статус великого герцогства.

После свадьбы Екатерины Павловны и Георга Ольденбургского (1809) Александр I пожаловал своему двоюродному брату, а теперь ещё и мужу сестры, титул Императорского Высочества и назначил его Тверским, Ярославским и Новгородским генерал-губернатором, главным директором Департамента путей сообщения (в том числе и водных путей, среди которых были Мариинская, Вышневолоцкая, Тихвинская и др. водные системы). Резиденцией супругов стала Тверь, равноудалённая от объектов и областей, которые курировал герцог. Для его семьи был срочно отделан и заново обставлен бывший путевой дворец Елизаветы и Екатерины II.

Екатерина Павловна создала в Твери светский салон, окружила себя литераторами и художниками, активно занималась благотворительностью в Твери и Москве, куда часто наезжала. Она всегда

уважительно относилась к Е.Р. Дашковой, посылала ей письма и приглашения, но княгиня уже была больна и не выезжала. Екатерина Павловна была не только дружна с княгиней, но и интересовалась ею как выдающейся личностью, стараясь поддерживать с ней добрые отношения (она знала, что Екатерина Романовна принимала участие в её крестинах в 1788 г.). Незадолго до своей болезни в 1809 г. (в последний год жизни Е.Р. Дашковой) княгиня получила от Екатерины Павловны письмо из Твери, о котором Екатерина Романовна сообщила Марте Вильмот 31 октября 1809 г.: «Я получила очаровательное письмо от великой княгини Катерины, исполненное самых лестных выражений дружбы и уважения ко мне». Она знала, что супруги Ольденбургские посетили 11 декабря 1809 г. Московский университет, заходили и в университетский музей, где, возможно, видели среди экспонатов и её подарки музею[15]. Супруги Ольденбургские находились в Москве по поводу приезда туда императора Александра I в декабре 1809 г. Е.Р. Дашкова уже чувствовала себя плохо и ни с кем не смогла встретиться. 23 декабря 1809 она совсем слегла и от болезни уже не оправилась.

Принц Георг (Георгий Петрович) Ольденбургский много занимался благотворительностью, на свои личные средства учреждал больницы и приюты, участвовал в разработке проектов усовершенствования юридического и военного образования в России, основал Училище правоведения в Петербурге. Хотя принц не был военным, он активно участвовал в событиях Отечественной войны 1812 г. как организатор и начальник интендантских и медицинских служб, устраивал госпитали для раненых воинов. В одном из таких госпиталей в Ярославле он заразился тифом, скончался и был похоронен в Ярославле. При перезахоронении его останков в Петербурге в 1813 г. присутствовали его отец и старший брат Пауль, пока ещё находившиеся в России.

Екатерина Павловна осталась вдовой с двумя малолетними сыновьями: Фридрихом Павлом Александром (Friedrich Paul Alexander, Herz. v. Schleswig-Holstein-Oldenburg, 1810–1829) и Константином Фридрихом Петером (Konstantin Friedrich Peter, Herz. v. Schl.-Holst.-Oldenburg, 1812–1881), которого впоследствии будут называть в России Петром Георгиевичем (см. *схему 2*). Об их судьбе мы расскажем ниже.

После перезахоронения останков супруга в Петербурге Екатерина Павловна в начале 1813 г. уехала в Европу вместе со своим старшим сыном Александром, оставив младшего сына Петра на попечении бабушки, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Екатерина Павловна посетила Прагу, а затем всюду сопровождала своего брата Александра I: и на Венский конгресс, и в Лондон и т.д. Она встречалась со своей сестрой Марией Павловной, вместе с которой путешествовала по Европе.

Екатерина Павловна искренне скорбела о смерти своей подруги и корреспондентки, прусской королевы Луизы Августы Вильгельмины Амалии (Louise Auguste Wilhelmine Amalie, geb. Pr. v. Mechlenburg-Strelitz, 1776–1810), супруги прусского короля Фридриха Вильгельма III (Friedrich Wilhelm III, 1770–1840, короля с 1797 г.). Дочь прусской королевской четы, принцесса Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина (Friederike Louise Charlotte Wilhelmine, 1798–1860) станет позднее российской императрицей, женой Николая I, получив в православии имя Александры Фёдоровны.

В Европе Екатерина Павловна строила далеко идущие матримониальные планы, однако им не суждено было осуществиться, так как главную роль играли не столько личные, сколько политические пристрастия вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и Александра I.

В январе 1816 г. Екатерина Павловна, вдовствующая герцогиня Ольденбургская, вторично вышла замуж в Петербурге, теперь за наследника Вюртембергского герцогского престола принца Фридриха Вильгельма Карла (Friedrich Wilhelm Karl, 1781–1864). Знакомство состоялось в Лондоне, куда принц в своё время прибыл в свите императора Александра I. Выбор сестры был одобрен Александром I, поскольку он видел в Вильгельме не только способного военачальника, но и перспективную фигуру для создания будущего союза объединённых германских государств взамен распавшегося рейнского союза (этому объединению не суждено было тогда осуществиться). Свадьба состоялась после развода Вильгельма с его первой женой. Екатерина Павловна уезжает с мужем и со своими двумя сыновьями от первого брака в Вюртемберг. В октябре того же 1816 г. Умер король Фридрих I, отец принца, и тот стал королём Вюртемберга под именем Вильгельма I.

От второго брака у Екатерины Павловны родилось две дочери: Мария Фредерика Шарлотта (Marie Friederike Charlotte, 1816–1887) и София (Sophie, 1818–1877).

Мария родилась в день смерти своего деда-короля Фридриха I, 30 октября 1816 г., поэтому одно из имён ей дали в честь него. Она всегда жила в Штуттгарте и вышла замуж за графа Альфреда Нейперга (Alfred Neuperg, ?–1865). Нам не удалось установить, в каком родстве граф Нейперг состоял с австрийским графом Адамом Нейпергом, за которого вышла замуж вторым браком Мария-Луиза, бывшая императрица Франции и вдова Наполеона I.

Младшая дочь Екатерины Павловны София вышла в 1839 г. замуж за своего двоюродного брата (по матери), сына её сестры Анны Павловны (см. ниже), наследного принца Оранского Вильгельма (1817–1890), будущего короля Нидерландов Виллема III, внука Павла I.

Судьба отвела Екатерине Павловне только три года жизни после этой свадьбы. Для Вюртемберга это были тяжёлые годы послевоенной разрухи и катастрофического обнищания народа, для которого королева много успела сделать за три года, занимаясь благотворительностью. Она заболела и скоропостижно скончалась 9 января 1819 г., причём врачи не смогли поставить диагноз. Смерть королевы породила множество нелепых слухов, среди которых были и упоминания о её покойной свекрови, несчастной принцессе Августе, матери овдовевшего короля Вильгельма I[16]. В 1820 г. он вступил в третий брак с принцессой Паулиной Вюртембергской (Pauline Terese v. Wuertemberg, 1802–?), которая воспитывала его дочерей от Екатерины Павловны. Пасынки короля, дети Екатерины Павловны от покойного герцога Ольденбургского были отправлены к их деду и дяде, правящим герцогам Ольденбургским.

В 1823 г. у вюртембергской королевской четы родился наследник Карл Фридрих Александр (Karl Friedrich Alexander, 1823–1891) – внук Фридриха и Августы Вюртембергских и внучатый племянник Марии Фёдоровны. Потом появились на свет ещё три девочки, из которых младшая была названа Екатериной в память об Екатерине Павловне. В июле 1846 г. в Петергофе состоялась свадьба принца Карла, сына Паулины и Вильгельма I, с великой княжной Ольгой Николаевной (1822–1892), дочерью Николая I и Александры Фёдо-

ровны. В том же году молодожёны уехали в Штуттгарт. Ольга Николаевна много занималась благотворительностью, как и покойная Екатерина Павловна. После смерти Вильгельма I в 1864 г. его сын становится королём Карлом I Вюртембергским. У королевской четы не было детей. Королева Ольга пережила мужа только на год: Карл скончался в 1891 г., она – в 1892 г. Её жизнь не стала счастливой в семейном отношении, но и трагичной её считать тоже не стоит.

Несколько слов о принцах Ольденбургских, сыновьях Екатерины Павловны. По условиям брачного договора Вильгельма и Екатерины Павловны от 1815 г. в случае её смерти опека над её сыновьями от Георга Петровича Ольденбургского переходила к их деду, правящему герцогу Гольштейн-Ольденбургскому Петеру ФридрихуЛюдвигу (Peter Friedrich Ludwig, v. Holstein-Oldenburg, 1755–1829). Выполняя волю покойной жены, король Вильгельм I в 1818 г. отправил принцев в Ольденбург, где они получили блестящее воспитание. В 1829 г. скончался герцог Ольденбургский Петер Фридрих Людвиг, и герцогский престол унаследовал его сын Пауль. В том же году старший из двух сыновей Екатерины Павловны, принц Александр, скончался от туберкулёза. Узнав, что младший принц Петер остался сиротой, Николай I забрал племянника в Петербург для продолжения образования. Впоследствии принц Пётр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) внёс значительный вклад в развитие благотворительности, культуры, образования и медицины в России[17]. Его женой была Тереза, принцесса Нассау (Terese geb. v. Nassau-Weilburg, 1815–1871). Она рано лишилась матери, и её воспитывала мачеха, герцогиня Нассау Паулина (Pauline v. Nassau) с 1826 г., урождённая принцесса Вюртембергская, родная сестра великой княгини Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича. Напомним, что из Дома Нассау происходил английский король Вильям, именем которого названы города и университеты в США, город Нассау – столица Багамских островов и др.

Великая княгиня Елена Павловна и принцесса Паулина Вюртембергская были дочерьми принца Вюртембергского Пауля – младшего из двух сыновей короля Фридриха I Вюртембергского и принцессы Августы, то есть одного из тех мальчиков, которые вместе с их сестрой Екатериной выехали в Вюртемберг после того, как Екатерина II выдворила их отца, принца Вюртембергского

Фридриха, из России после ряда семейных скандалов с их матерью Августой[18].

Ниже мы дадим ряд биографических данных по сёстрам Екатерины Павловны: Марии Павловне и Анне Павловне, так как нас интересуют династические пересечения браков детей трёх сестёр. Что касается княгини Е.Р. Дашковой, то она не могла контактировать с Анной Павловной в силу возраста княжны, но с Марией Павловной она встречалась на придворных мероприятиях.

30 июля 1802 г. «на обеде у Александра I и Елизаветы Алексеевны на 25 кувертов в Петергофе княгиня упомянута одиннадцатой, после Марии Фёдоровны, Александра Павловича, Елизаветы Алексеевны, Цесаревича Константина, великих княжон Марии Павловны и Екатерины Павловны, принца и принцессы Баденских и статс-дамы княгини Ливен»[19]. Напомним, что принц и принцесса Баденские – это брат и сестра Елизаветы Алексеевны: Карл и Фредерика.

19 октября 1802 г. при дворе вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны в Гатчине состоялся обед на 30 кувертов. В камер-фурьерском журнале гости перечислены в следующей последовательности: «принцесса Генриетта Вюртембергская, княжна Мария Павловна, принц Людвиг Фридрих Александр Вюртембергский и статс-дама княгиня Е.Р. Дашкова»[20]. Принц Людвиг – брат Марии Фёдоровны, принцесса Генриетта – его дочь.

20 октября 1802 г. при дворе Марии Фёдоровны в Гатчине состоялся обед на 24 куверта. Названы те же лица, что и 19 октября. Вечером того дня во время ужина на 30 кувертов отмечены те же лица и в той же последовательности, что и накануне[21].

Итак, несколько слов о Марии Павловне (1786–1859). Она вышла замуж за герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха (Karl Friedrich v. Sachsen-Weimar-Eisenach, 1783–1853) и в 1804 г. навсегда уехала в Веймар. В 1828 г. супруги стали правящими герцогами. Мария Павловна прославилась в Европе своей активной просветительской и культурной деятельностью и поддержкой, которую она оказывала талантливым литераторам, художникам и музыкантам. У герцогской четы было четверо детей: двое сыновей и две дочери.

Старший сын и наследник Карл Александр (Karl-Alexander v. Sachsen-Weimar-Eisenach, 1818–1901) в 1842 г. женился на своей

двоюродной сестре принцессе Софии Оранской, дочери Анны Павловны (см. ниже). Он унаследовал герцогский престол после смерти отца в 1853 г.

Старшая дочь Марии Павловны, Мария Луиза Александрина (Marie Louise Alexandrine, 1808–1877), вышла замуж за принца Карла Вильгельма Прусского (Karl Wilhelm v. Preussen), второго сына прусского короля Фридриха-Вильгельма III и его первой жены, королевы Луизы. Он был младшим братом императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая I, урождённой принцессы Прусской. Вильгельм приезжал в Россию в 1825 г. и присутствовал сначала на похоронах Александра I, а затем на коронации Николая I в качестве представителя своего отца, прусского короля. На этих церемониях присутствовал и брат Елизаветы Алексеевны, принц Карл Баденский.

Младшая дочь Марии Павловны, Августа Мария Екатерина (Auguste Marie Catherine, 1811–1890), вышла замуж за другого прусского принца, наследника престола и старшего брата императрицы Александры Фёдоровны, будущего первого германского императора Вильгельма I. Последний германский император Вильгельм II был её внуком.

Младшая дочь Павла I Анна Павловна (1795–1865) в 1816 г. вышла замуж за наследника королевского нидерландского престола принца Виллема Фридриха Георга Людвига Нассау-Оранского (Willem Frederik Georg Ludwig Pr. v. Nassau-Orange, 1792–1849). Принц в молодости служил в английской армии в Испании, был старшим адъютантом герцога Веллингтона и командовал корпусом армии Веллингтона в битве при Ватерлоо в июне 1815 г. Его отец, король Виллем I (1772–1843), из-за болезни передал ему престол. Король Виллем II пытался провести в Нидерландах податную и финансовую реформы.

Мать Виллема II, жена короля Виллема I с 1791 г., королева Вильгельмина Фредерика Луиза (Wilhelmine Friederike Louise, 1774–1837) была по рождению прусской принцессой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма II. Виллем I Нассау-Оранский стал первым королём Нидерландов из династии Оранских. Он занял престол после Луи Бонапарта, брата Наполеона I и мужа королевы Гортензии (падчерицы императора, дочери Жозефины), которые правили Нидерландами с 1810 г.

У нидерландской королевской четы Виллема II и Анны Павловны было четверо детей: старший сын, наследный принц Вильгельм (Wilhelm, 1817–1890), средний сын Александр Вильгельм (Alexander Wilhelm, 1818–1849), младший сын Вильгельм Фридрих Генрих (Wilhelm Friedrich Heinrich, 1820–?) и дочь София (Sophie, 1824–?). Средний сын Александр рано умер от туберкулёза, однако несмотря на болезнь он посетил Петербург в 1839 г. по случаю свадьбы дочери Николая I и Александры Фёдоровны, великой княжны Марии Николаевны, с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852), сыном Евгения Борарне (Eugen Rose de Beauharnais, 1781–1824) и внуком императрицы Жозефины[22]. Новобрачные остались жить в России, где Максимилиан внёс существенный вклад в развитие наук и промышленности, особенно горной и химической. Он был ректором Горного института в Петербурге, президентом Академии художеств, автором многих научных работ. Мария Николаевна принимала активное участие в управлении женскими учебными заведениями. После смерти мужа она стала президентом Академии художеств в Петербурге и председателем Общества поощрения художеств. Одна из их дочерей, Евгения Максимилиановна, вышла замуж за герцога Ольденбургского Александра Петровича[23], сына уже упомянутого герцога Ольденбургского Петра Георгиевича.

Возвращаясь к детям Анны Павловны, напомним, что её младший сын Генрих в 1842 г. женился на принцессе Саксен-Веймарской Амалии, племяннице герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Карла-Фридриха, мужа Марии Павловны.

Старший сын Анны Павловны, Вильгельм, наследник голландского престола, внук Павла I, женился в 1839 г. на своей двоюродной сестре по матери, дочери Екатерины Павловны, королевы Вюртемберга, Софии (Sophie, Prinz. v. Wuertemberg, 1818–1877), тоже внучки Павла I. В 1849 г. сын Анны Павловны стал королём Голландии как Виллем III Оранский. Все его дети от первой жены Софии скончались. После её смерти в 1877 г. Виллем III вступил во второй брак. Его дочь от второго брака Вильгельмина (Wilhelmine Orange) унаследовала престол после смерти отца в 1890 г. и была нидерландской королевой в течение 50 лет.

Дочь Анны Павловны София, принцесса Оранская, в 1842 г. вышла замуж за своего двоюродного брата по матери, сына Марии

Павловны, наследного принца Карла Александра Саксен-Веймар-Эйзенахского (см. выше). В 1853 г. супруги стали правящими великими герцогами Саксен-Веймарскими.

Таким образом, Дом Романовых по линии трёх дочерей Павла I и Марии Фёдоровны, то есть Екатерины, Марии и Анны, породнился и с Вюртембергским, и с Саксен-Веймарским, и с Оранским Домами, а также с прусской линией Гогенцоллернов и с Ганноверской династией в Англии. В дальнейшем перекрёстные браки между этими династическими линиями продолжились в лице представителей последующих поколений.

Что касается династических связей с прусскими и английскими королями, то она установилась через детей Анны Павловны следующим образом. У её свекрови, королевы Вильгельмины, урождённой принцессы Прусской, была сестра, которая в 1791 г. вышла замуж за своего двоюродного брата, второго сына английского короля Георга III, Фредерика, герцога Йоркского (Frederik, Duke of York and Albany, 1763–1827).

Вернёмся к Ольденбургскому Дому (см. *схему 2*), причём обратимся к к генеалогии императрицы Екатерины II, которая по линии Шлезвиг-Гольштейн-Готторпских герцогов была роднёй герцогам Ольденбургским.

Как известно, в XVIII в. «готторпский вопрос» играл весьма значительную роль в династической политике России. Император Пётр III оставался одновременно и правящим герцогом Гольштейн-Готторпским (Schlezwig-Holstein-Gottorf). После его смерти в 1762 г. власть в герцогстве формально перешла к великому князю Павлу Петровичу. Начиная с него, все российские императоры носили титул «Великий герцог Шлезвиг-Гольштинский, Сторнмарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, император Всероссийский».

В 1767 г. императрица Екатерина II (якобы от имени сына Павла) и датская королева Юлиана Мария (1729–1796), урождённая герцогиня Брауншвейгская (Juliane Marie v. Braunschweig-Wolfenbuettel) подписали трактат, по которому герцоги Гольштинские, в том числе и российские императоры, в дальнейшем отказывались от претензий на территории Шлезвиг и Гольштейн, граничащие с Данией, которые

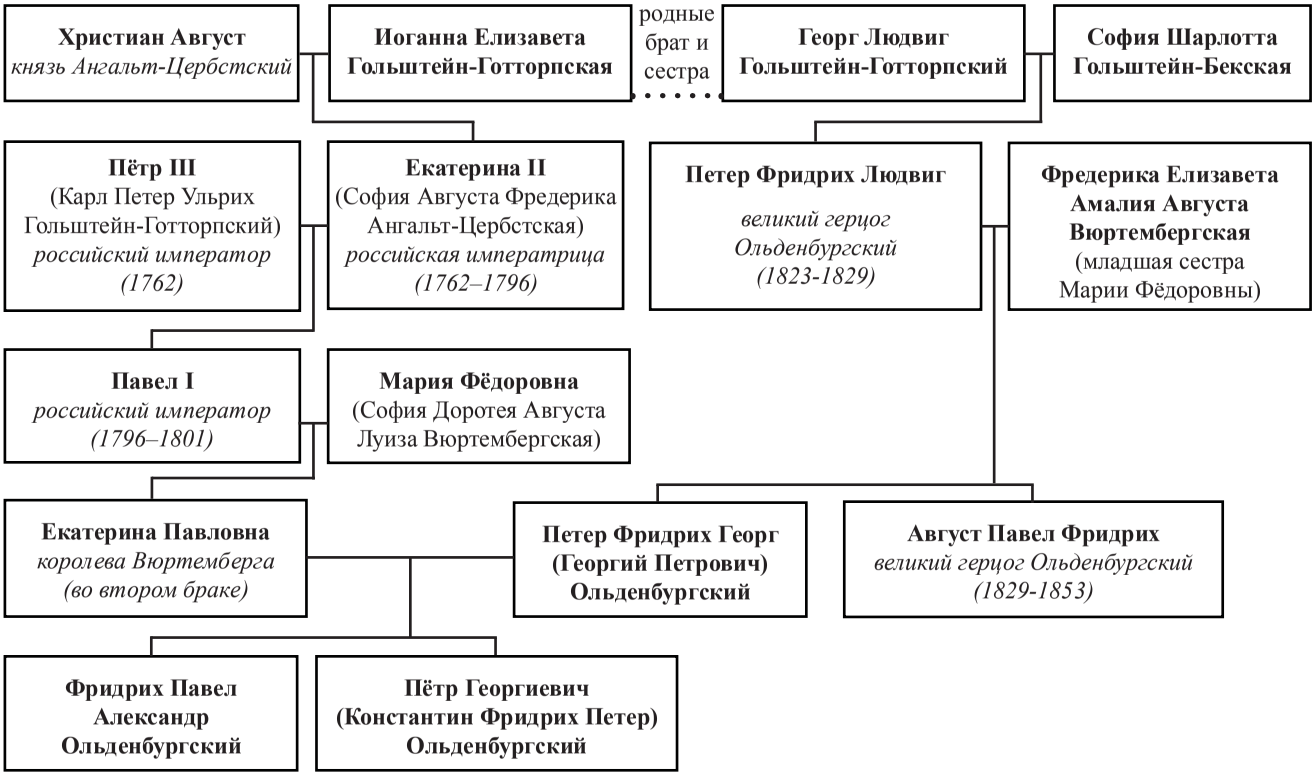


Схема 2. Пересечение линий Романовых с линиями князей Ангальт-Цербстских, герцогов Гольштейн-Готторпских и Ольденбургских

теперь отходили во владение датских королей. Предполагалось, что Россия обменяет герцогства Гольштейн-Готторп и Шлезвиг (имелся в виду Южный Шлезвиг, так как Северный Шлезвиг и так был датским), расположенные на полуострове Ютландия и непосредственно граничащие с Данией, на более южные земли Ольденбург и Дельменхорст, которые принадлежали Дании как анклавы, но с ней не граничили. Соответственно, великий князь Павел Петрович, хотя и терял исконние территории, но сохранял титул герцога Гольштинского как почётный. Получив новые территории, он присоединил к этому титулу ещё титул герцога Ольденбургского. Оставаясь главой Гольштейн-Готторпского Дома, он мог эти два новых владения (графства) передать своим родственникам из младшей ветви герцогов Гольштинских, что и было сделано в дальнейшем.

Король Дании обещал придать обеим графствам статус великих герцогств. Кроме того, Дания брала на себя все долговые финансовые обязательства Готторпского Дома[24] и вознаграждала младшую линию Готторпского Дома суммой в 300 тысяч имперских талеров, передавая ей Ольденбург и Дельменхорст без долгов[25]. Этот договор должен был вступить в силу к моменту совершеннолетия Павла. Действительно, в 1773 г. в интересах установления политического равновесия между Россией и Данией австрийский император (как посредник) совместно с королями Пруссии и Дании ратифицировал этот обмен после того, как великий князь Павел Петрович подтвердил документ об обмене территориями. Это был крупнейший в XVIII в. обмен земельными владениями. В итоге обмена «Россия получала независимость от Гольштейна»[26]. При этом, в силу запутанных родственных связей, Ольденбург неожиданно оказался как бы в унии с Эстляндией (о чём ниже), так что наследный принц Ольденбургский автоматически становился генерал-губернатором Эстляндии.

Датская королева Юлиана Мария в период с 1766 по 1784 г. г. была правительницей Дании в статусе регентши при душевнобольном пасынке, короле Кристиане VII. Она приходилась родной сестрой главе так называемого Брауншвейгского семейства, принцу Антону Ульриха, мужу Анны Леопольдовны, регентше при малолетнем российском императоре Иоанне Антоновиче (1740–1764). Королева Юлиана в 1776 г., после смерти брата, сосланного с семьёй в Холмогоры, добилась (хотя и с большим трудом) от Екатерины II

передачи ей своих племянников – детей Анны Леопольдовны и Антона Ульриха.

Попробуем теперь разобраться, что собой представляла старшая и младшая линии Шлезвиг-Гольштейнского Дома и в каком родстве с Петром III и с Екатериной II состояли герцоги Ольденбургские.

Первым герцогом Шлезвиг-Гольштинским стал в 1544 г. Адольф, младший сын датского короля Фредерика I (1471–1533, король с 1523 г.) и королевы Анны Бранденбургской (1487–1514). Старший сын датского короля в 1534 г. наследовал отцу под именем Кристиана III (1503–1559). Так произошло отделение линии герцогов Гольштинских от датских королей и образование «младшей ветви датской династии».

Герцог Адольф (1526–1586) женился в 1564 г. на принцессе Кристине Гессенской, дочери гессенского ландграфа Филиппа I. Их сын Иоганн Адольф (1575–1616) в 1596 г. вступил в брак со своей двоюродной сестрой, дочерью датского короля Фредерика II (внука Фредерика I), принцессой Августой (1580–1639).

Сыном Иоганна и Августы был прославленный своей образованностью и меценатством Фридрих III (1597–1659), герцог с 1616 г., который стал первым герцогом Шлезвиг-Гольштей-Готторпским (Schleswig-Holstein-Gottorf), присоединив к прежнему двойному титулу название Готторпского замка. Этот замок-крепость он сделал своей резиденцией наряду с правительственной резиденцией в Киле. Ему и его жене (с 1630 г.) Марии Елизавете (1610–1684) наследовал их сын, герцог Кристиан Альбрехт (1641–1694), общий прадед Петра III и Екатерины II. Его женой с 1667 г. была датская принцесса Фредерика Амалия (1649–1704), дочь датского короля Фредерика III (1609–1670). Сестра герцога Кристиана, принцесса Элеонора, стала шведской королевой, женой короля Карла X Густава (1622–1660, король с 1632 г.), матерью шведского короля Карла XI Густава.

От двух сыновей герцога Кристиана Альбрехта (Christian Albrecht, 1641–1694) пошло разделение Гольштейн-Готторпской династии (младшей датской линии) на старшую и младшую голштинские линии, которые мы в дальнейшем будем называть соответственно средней и младшей датскими линиями.

Основоположниками старшей голштинской (средней датской) линии (с разиденцией в Киле) считаются сын Кристиана Альберта,

герцог Фридрих IV (1671–1702) и его жена (с 1698 г.) – шведская принцесса Гедвига София (Hedwige Sophie, 1681–1708), сестра шведского короля Карла XII (1692–1718), бабушка Петра III. Их сын Карл-Фридрих (1700–1739), племянник Карла XII по матери, стал правящим герцогом Гольштейн-Готторпским в 1702 г. в возрасте двух лет, так как его отец погиб в сражении. Малолетнему правителю был назначен регент-администратор из младшей голштинской линии (см. ниже).

Имя малолетнего правителя Карла-Фридриха неоднократно упоминается в истории Северной войны (1700–1721) в той связи, что русские войска (союзники Дании) разбили шведов и освободили замок Готторп, который вместе с герцогством вернулся под власть Дании. Датский король был настолько обрадован помощью русских войск против шведов и тем, что ему удалось удержать якобы независимый Гольштейн под своей властью, что он разрешил Петру I забрать из замка всё, чем царь заинтересовался, в частности – Готторпский глобус и библиотеку герцога Фридриха III. Герцог Карл-Фридрих в 1721 г. был приглашён Петром I в Петербург и просватан за цесаревну Анну Петровну (1708–1728), старшую дочь императора. Свадьба состоялась в Петербурге в Меншиковском дворце, уже после смерти Петра I, в правление Екатерины I. Супруги ещё два года оставались в России, но по настоянию князя А.Д. Меншикова в 1727 г. они выехали в Киль. Там у них родился сын Карл Петер Ульрих (1728–1762), будущий великий князь Пётр Фёдорович, наследник императрицы Елизаветы Петровны, а затем – российский император Пётр III. Такова была ситуация со старшей линией Шлезвиг-Гольштинского Дома (средней датской линией).

Младший сын Кристиана Альберта, основоположник младшей ветви Гольштинского Дома (младшей датской линии), Кристиан Август (Christian August, 1673–1726), носил ещё и наследственный (для младших сыновей) титул епископа Любекского с резиденцией в Эйтине (Ойтине). Именно он был назначен регентом-администратором Готторпа при малолетнем герцоге-правителе Карле-Фридрихе как его родной дядя и опекун. В ходе Северной войны Кристиан Август вызвал сильнейший гнев Петра I, так как ночью выпустил без боя шведский отряд из осаждённого Готторпского замка (вероятно, из соображений родственных связей со шведским королевским домом).

Регент-епископ был женат на Альбертине Фредерике, урождённой принцессе Баден-Дурлахской (Albertine Friederike v. Baden-Durlach, 1682–1755), бабушке Екатерины II. После смерти мужа в 1726 г. вдовствующая герцогиня переехала из Готторпа в Гамбург, где её часто посещала дочь Иоганна Елизавета и внучка, будущая императрица Екатерина II, которая неоднократно упоминает эти визиты в своих мемуарах[27].

Мать Екатерины II, принцесса Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская (Johanna Elisabeth geb. v. Holstein-Gottorf, 1712–1760), в замужестве герцогиня Ангальт-Цербстская, была дочерью регента-епископа Кристиана-Августа. У неё было четверо родных братьев, герцогов Гольштинских, и две старших сестры, Анна и Гедвига София Августа (Hedwige Sophie Auguste)[28]. Все семеро детей епископа родились в замке Готторп.

Первый, старший брат герцог Карл Август (Karl August, 1707–1727), был объявлен женихом цесаревны Елизаветы Петровны, но, прибыв в Петербург, неожиданно скончался от оспы, не дожив до свадьбы.

Второй брат, Адольф Фридрих (Adolf Friedrich, 1710–1771) после смерти Карла Августа стал правящим герцогом Гольштейн-Готторпским, но с резиденцией не в замке Готторп, а в Эйтине (Ойтине), так как он одновременно имел титул наследного епископа Эйтинского-Любекского. Он был женат на прусской принцессе Луизе Ульрике (Louise Ulricke), сестре прусского короля Фридриха II (1712–1786). Далее судьба Адольфа Фридриха сложилась следующим образом. В 1743 г. императрица Елизавета Петровна якобы «от имени» наследника шведской короны Карла Петера Ульриха (будущего императора Петра III) категорически отказалась от его притязаний на шведский королевский престол, чтобы «не потерять» наследника российской короны. Карл Петер Ульрих (великий князь Пётр Фёдорович) к этому времени уже жил в Петербурге, где в 1744 г. состоялась его свадьба с Екатериной Алексеевной. Сам он, как уже упоминалось, был последним представителем старшей ветви герцогского Шлезвиг-Гольштинского Дома.

В результате отказа Петра Фёдоровича от прав на шведский престол возник вопрос о наследнике шведской короны. По инициативе Елизаветы Петровны и при поддержке эстляндских дворян

из так называемой «голштинской группировки» герцогу Адольфу Фридриху как старшему представителю младшей, голштинской линии (поскольку по старшей линии наследников не осталось) был предложен шведский престол. Он был избран сначала наследником короля, а после смерти короля в 1751 г. вступил на трон под именем Адольфа Фредерика и правил Швецией в течение 20 лет, с 1751 г. по 1771 г. С 1751 г. герцогский престол Шлезвиг-Гольштейна занял следующий по старшинству брат Иоганны Елизаветы, Фридрих Август (Friedrich August, 1711–1785). Когда Шлезвиг-Гольштейн в 1767 г. поменяли на Ольденбург, герцог сохранил прежний титул как почётный (за счёт обмена территорий), присоединив к нему титул герцога Ольденбургского (позднее – великого герцога Ольденбургского). Фридрих-Август приходился двоюродным братом Карлу-Фридриху, отцу Петра III и двоюродным дядей Петру III. Екатерине II он приходился родным дядей по матери.

Фридрих-Август стал первым реальным правителем Ольденбурга из голштинской, а не датской династии, однако с наследником ему не повезло – единственный сын оказался недееспособным. Наследником Ольденбурга стал младший брат герцога, четвёртый и последний брат принцессы Иоганны Елизаветы, Георг Людвиг (Georg Ludwig, 1719–1764) которого Екатерина II называла в своих мемуарах «дядя Георг». Императрица всегда питала к нему дружеское расположение. Хотя ранняя смерть не позволила ему самому стать правящим герцогом Ольденбургским, но это с успехом удалось его сыну.

Чтобы прояснить картину наследования герцогу Фридриху Августу Ольденбургскому, скончавшемуся в 1785 г., вернёмся ко временам княгини Е.Р. Дашковой и к знакомым ей родственникам императрицы. Среди них нас будут интересовать две персоны:

1. Родной дядя императрицы Екатерины II Георг Людвиг, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский (Georg Ludwig v. Schleswig-Holstein-Gottorf, 1719–1764).
2. Петер Август, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондерберг-Бек (Peter August Friedrich v. Schleswig-Holstein-Sonderberg-Beck, 1697–1775).

Этих людей связывали родственные отношения (в том числе и как потомков датской королевской линии) и они одновременно ока-

зались втянутыми в события первой половины 1762 г., находясь в это время в Петербурге на высоких военных постах при Петре III.

Герцог Петер Август Бекский (1697–1775) относился к датской королевской семье (как и все герцоги Гольштинские), а также одновременно к одной из её младших боковых линий, но более поздних, нежели Гольштинские. Его предком был младший брат датского короля Фредерика II Ольденбургского (Frederik II v. Oldenburg, 1534–1588), Юхан Младший (1545–1622).

Принц Юхан стал герцогом Шлезвиг-Гольштей-Зондербергским под немецким именем Johann Hans H. v. Schleswig-Holstein-Sonderberg. Его сыновья владели небольшой территорией в центре Германии – герцогством Бек (Beck) – и этот титул присоединили к уже имеющемуся.

Потомок Юхана Младшего, Юхан II Бекский, рано умер, его вдова и малолетние сыновья, Петер и Магнус, остались без средств. Вдова Юхана II послала письмо императрице Анне Иоанновне с просьбой принять старшего сына на русскую военную службу.

Принц Петер Август Фридрих Бекский прибыл в Россию в 1738 г. Он служил под началом фельдмаршала Б.Х. Миниха, дослужившись со временем до генерала. С 1743 г. по 1752 г. он был губернатор Ревеля (по потомственной привилегии династии Ольденбургских), с 1758 по 1775 – генерал-губернатором всей Эстляндии. Герцог жил с семьёй в Ревеле, рядом с ними жила семья его овдовевшей сестры Софии. Первым браком он был женат на графине Гессен-Филипсталь, от которой у него был сын Карл – наследный герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондерберг-Бекский. Вторым браком герцог Петер удачно женился на эстляндской аристократке графине Наталии Николаевне Головиной, дочери адмирала Головина, президента Адмиралтейств-коллегии, генерал-губернатора Петербурга с 1742 г., командующего Балтийским флотом. От второй жены у Петера Августа была дочь Наталия Петровна, которая в 1767 г. вышла замуж за князя Ивана Сергеевича Барятинского (1738–1811) – сначала адъютанта герцога Бекского – её отца, а затем флигель-адъютанта Петра III[29].

Напомним, что по линии графини Головиной герцог Петер Бекский оказался в дальнем родстве с княгиней Е.Р. Дашковой по линии её свекрови Анастасии Михайловны Леонтьевой[30]. Он стал праде-

дом жены Александра III, Марии Фёдоровны (датской принцессы), и основателем современной датской королевской династии, а также королевских домов Норвегии и Греции.

Родство герцога Бекского с «дядей Георгом» (не считая их потомственного родства по герцогам Шлезвиг-Гольштинским) состоялось и на более близком уровне.

Георг Людвиг женился на племяннице герцога, Софии-младшей (Sofie Charlotte), дочери Софии-старшей, сестры герцога Бекского. «Дядя Георг» впервые прибыл в Россию ещё в 1744 г. на празднование бракосочетания Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны как их родственник и прусский генерал-майор. Он был произведён Елизаветой Петровной в кавалеры высших российских орденов – св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского. Женившись, Георг Людвиг остался служить в Ревеле. Поскольку он приходился родным дядей Екатерине и двоюродным дядей Петру III, то по линии брака Софии и Георга Людвига герцог Петер Бекский ещё теснее породнился с русской императорской семьёй.

Получив престол, Пётр III в 1762 г. немедленно вызвал к себе этих родственников из Ревеля вместе с их семьями. По его замыслу, они должны были опираться на полки голштинцев – его личной охраны и армии наёмников, которыми император окружил себя в Ораниенбауме ещё будучи великим князем.

Петер Август был произведён сначала в командиры драгунских полков, потом – в российские фельдмаршалы с назначением петербургским генерал-губернатором, командиром над всеми полевыми и гарнизонными полками, находившимися в Петербурге, Финляндии, Ревеле, Эстляндии и Нарве. Также он получил под своё командование и войска вокруг Петербурга и стал членом Верховного тайного совета (наряду с канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым, Георгом Людвигом и другими вельможами).

Георг Людвиг, по замыслу Петра III, должен был командовать войсками в планируемом походе против Дании за Шлезвиг. Император лично выехал в Нарву в 1762 г., чтобы сопроводить прибывшего герцога в Петербург, где ему был предоставлен дворец на месте будущего здания Сената. Георг Людвиг получил звание генерал-фельдмаршала и был введён в Верховный тайный совет. Формально, он оставался генерал-губернатором Гольштейна с жалованием 20 тысяч золотых рублей в год.

Итак, оба дяди-генерала прибыли в столицу в распоряжение царственного родственника. Именно они (без указания имён) упоминаются в мемуарах Екатерины II при описании сцены, в которой Пётр III на обеде требует, что Екатерина Алексеевна встала и выпила за здоровье императорской семьи, включая обоих герцогов. С этим составом императрица не согласилась, чем вызвала неописуемую ярость супруга, едва не попав под арест.

В результате переворота 28 июля 1762 г. герцог Петер Август Бекский лишился всех военных постов в Петербурге, но лично не пострадал, ни в какие конфликты не вступал и сохранил пост генерала-губернатора Эстляндии (этот пост был наследственным для Ольденбургской линии). Императрица Екатерина II отнеслась к нему милостиво и одобрила его деятельность в Эстляндии, предложив продолжить её. Дворец генерала-губернатора (и одновременно - резиденция губернского правления Эстляндии), построенный герцогом Петером Августом Бекским в Ревеле в 1767 г. ныне является резиденцией парламента Эстонии. Похоронен герцог Бекский в Ревеле в часовне, специально для этого воздвигнутой при церкви св. Николая (Нигулисте).

Гораздо трагичнее сложилась судьба Георга Людвига. Его дом во время переворота был разграблен, сам он был избит и заперт под стражей в подвале своего дома, с его жены, герцогини Софии, в присутствии двоих маленьких детей солдаты сорвали драгоценности, которыми её щедро одаривал Пётр III, заимствуя их из российской казны. Екатерина II урегулировала вопрос с пострадавшими родственниками: через несколько недель им была назначена компенсация за понесённые убытки в размере 100 тысяч золотых рублей, о чём упоминает в своих мемуарах и Е.Р. Дашкова[31]. Георгу Людвигу с семьёй было предписано вернуться в Гольштейн, забрав с собой 62 человека из подчинённого ему голштинского отряда. Семья выехала в Германию, но осела в Гамбурге, где ещё оставался дом матери Георга Людвига (бабушки Екатерины II).

В 1764 г. герцог скончался в возрасте 44 лет, оставив семью без средств. Его вдова, герцогиня София, написала Екатерине II письмо с просьбой взять детей (11-летнюю Фредерику Вильгельмину и 9-летнего Петера Фридриха Людвига) на воспитание в Петербург. Императрица распорядилась, чтобы вся семья переехала в Ревель

к бабушке детей, герцогине Гольштинской Софии-старшей. Воспитание детей, которые приходились Екатерине II двоюродными братом и сестрой, было поручено генерал-губернатору Эстляндии герцогу Петеру Августу Бекскому (брату их бабушки, то есть дяде их матери) как их опекуну, для чего было выделено из Петербурга соответствующее финансирование.

Вернёмся теперь к генеалогии герцогов Гольштинских, а именно – четырёх братьев принцессы Иоганны Елизаветы, матери Екатерины II.

К моменту смерти в 1785 г. её третьего брата, великого герцога Ольденбергского Фридриха Августа, четвёртого брата Иоганны Елизаветы Людвига Георга уже давно не было в живых. Поскольку больной сын Фридриха Августа оказался недееспособным и не мог наследовать престол, то в 1785 г. в Ольденбург из Ревеля выехал его племянник, сын Георга Людвига, Петер Фридрих Людвиг (Peter Friedrich Ludwig v. Holstein-Gottorf-Oldenburg, 1755–1829), воспитанник герцога Бекского. Петер Фридрих стал регентом-администратором Ольденбурга при больном герцоге (своём двоюродном брате) и оставался в этой должности вплоть до его смерти в 1823 г. В период с 1823 г. по 1829 г. он был правящим великим герцогом Ольденбургским и одновременно – принцем-епископом Любекским (по наследной линии герцогов Гольштинских). Это был тот самый великий герцог Ольденбургский, которого сместил Наполеон в 1806 г. и который эмигрировал в Россию с двумя сыновьями, вернувшись в Ольденбург лишь в 1815 г. Его младший сын – супруг Екатерины Павловны.

Прокомментируем *схему 2,* показывающую пересечения династии Романовых с Ольденбургскими через Шлезвиг-Гольштейн. Верхний ряд даёт младшую линию Гольштейн-Готторпских герцогов, начиная с Иоганны Елизаветы и её братьев, из которых указан лишь четвёртый (младший), Георг Людвиг. Левая вертикаль даёт потомство Екатерины II, затем Павла I с Марией Фёдоровной, и их дочери Екатерины Павловны по линии Ольденбургского. Правая вертикаль даёт потомков Георга Людвига, которые стали великими герцогами Ольденбургскими. Вторая строка снизу показывает династический брак Романовых с Гольштейн-Готторпскими-Ольденбургскими.

Последняя строка внизу показывает детей Георга Ольденбургского и Екатерины Павловны, из которых Пётр Георгиевич сыграл огромную роль в культурно-просветительской и благотворительной истории России.

Вернёмся к камер-фурьерским журналам и придворным контактам Е.Р. Дашковой. Не считая императрицы, «малого двора» и четы Ольденбургских, с княгиней встречались при дворе оба вышеупомянутых голштинца: герцоги Георг Людвиг и Петер Август Бекский.

Затронув вопрос о генеалогии герцогов Ольденбургских, необходимо дать краткую оценку их вклада в развитие благотворительности и культуры России. Следует помнить, что их деятельность была связана с традициями благотворительности, заложенной императрицей Марией Фёдоровной. Сразу по восшествии на престол её мужа Павла I в 1796 г. она поставила себя «начальствовать над Воспитательным обществом благородных девиц», проявила на этом поприще большую энергию и привлекла в пользу общества немало средств. С 1797 г. императрица руководила всеми воспитательными домами России. Большую роль Мария Фёдоровна сыграла в развитии женского образования: ею было основано несколько женских учебных заведений в Петербурге, Москве, Харькове, Симбирске и других городах Российской империи. Она завещала пяти женским учебным заведениям существенные суммы. По её инициативе было создано благотворительное Ведомство императрицы Марии (Мариинское ведомство). В её память был учреждён «Мариинский знак беспорочной службы».

Дело своей свекрови продолжила великая княгиня Елена Павловна, урождённая принцесса Вюртембергская Фредерика Шарлотта Мария (Friederike Charlotte Marie v. Wuertemberg, 1806–1873), супруга Михаила Павловича, которая была одной из самых образованных и просвещённых женщин России своего времени. Император Николай I называл её «учёный нашего семейства».

Великая княгиня содействовала осуществлению крестьянской реформы в России, одной из первых она освободила собственных крепостных крестьян. Не случайно после 19 февраля 1861 г. её стали называть при дворе Княгиня-Свобода.

Елена Павловна всю жизнь покровительствовала многим известным деятелям русской науки и культуры, интересовалась дея-

тельностью Академии наук и Санкт-Петербургского университета. При её участии были образованы Русское музыкальное общество и первое в России высшее музыкальное учебное заведение – Петербургская консерватория (1862). Начальные классы консерватории открылись в 1858 г. в Михайловском дворце (ныне – Русский музей), резиденции Елены Павловны. Великая княгиня содействовала посмертному изданию сочинений Н.В. Гоголя. Благодаря ей знаменитая картина А.А. Иванова «Явление Христа народу» оказалась в России, а не в европейском частном собрании, так как именно она выделила из собственных средств деньги на перевоз полотна в Россию. Великая княгиня помогла Н.Н. Миклухо-Маклаю организовать длительное путешествие на острова Тихого океана. В её честь знаменитый исследователь назвал открытые им в Новогвинейском море гору и залив горой Елены и заливом Елены. Поэт Ф.М. Тютчев посвятил ей восторженные строки стихов. Великая княгиня дружила с А.С. Пушкиным и И.С. Тургеневым, покровительствовала русским художникам, музыкантам и писателям, в частности, К.П. Брюллову, И.К. Айвазовскому и А.Г. Рубинштейну. С конца 1840-х гг. по 1873 г. в Михайловском дворце проводились вечера-«четверги», на которых обсуждались вопросы политики и культуры, новинки литературы. «Четверги» стали центром общения ведущих государственных деятелей – проводников Великих реформ 1860–1770-х гг., на них бывали Александр II, его жена Мария Александровна, другие члены императорской фамилии, деятели литературы и искусства.

Широкое признание получила деятельность Елены Павловны на поприще благотворительности и медицинского образования. По завещанию Марии Фёдоровны именно к Елене Павловне перешло управление Мариинским и Повивальным институтами в Петербурге, где она основала ещё Елизаветинскую больницу для детей-сирот и Клинический институт, который впоследствии стал носить её имя. Ею были основаны детские больницы и детские приюты. При её содействии было основано Общество Красного Креста. Под опёкой Екатерины Павловны была и Максимилиановская лечебница – лечебное учреждение для приходящих больных, основанное в 1850 г. герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, в котором оказывалась помощь беднейшему населению Петербурга. Елена Павловна основала постоянный стационар – Максимилиановскую больницу,

организовала занятия по повышению квалификации молодых врачей. На свои средства она учредила в Максимилиановской больнице отделение для бесплатного лечения раненых офицеров. Во время Крымской войны вместе со знаменитым хирургом Н.И. Пироговым она организовала Крестовоздвиженскую общину сестёр милосердия, оказывающих помощь раненым в осаждённом Севастополе. Елена Павловна принимала непосредственное участие в учреждении первого в России отдельного Института усовершенствования врачей, однако при её жизни институт открыт не был (действует с 1885 г.).

В память о безвременно умершей дочери Елизавете Михайловне, герцогине Нассау, Елена Павловна купила участок земли в Германии, в Висбадене, где в 1855 г. был воздвигнут православный храм св. Елизаветы, а вокруг храма в августе 1856 г. было освящено православное кладбище, которое к настоящему времени является одним из крупнейших православных кладбищ в Европе. Его устройство было связано с тем, что на курортах Германии лечилось много русских, страдавших туберкулёзом. Многие пациенты, приехавшие на лечение, умирали в Германии, а православных кладбищ в Европе тогда не было. Храм св. Елизаветы называют в Висбадене Греческой церковью (Griechische Kapelle). На этом кладбище есть семейное погребение Воронцовых-Дашковых[31], где похоронены: граф Илларион Илларионович Воронцов-Дашков (1911–1982) и умершая в Висбадене его бабушка Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова (1845–1924), урождённая графиня Шувалова, статс-дама русского императорского двора. Она – дочь Андрея Павловича Шувалова (1816–1876), действительного статского советника, предводителя дворянства Петербургской губернии, и светлейшей княгини Софьи Михайловны Воронцовой (1825–1879), дочери светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова, наместника Новороссии и Кавказа. Мужем Елизаветы Андреевны был знаменитый наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916)[33].

Великая княгиня Елена Павловна скончалась в 1873 г. и была похоронена в Петербурге в Петропавловском соборе. С её кончиной, как отмечали современники, ушла целая эпоха, «угас блистательный умственный светильник». «Вряд ли кто её заменит», – с грустью писал И.С. Тургенев. В честь Елены Павловны названы Еленинская

улица в Ораниенбауме, где у её семьи был особняк (теперь в нём краеведческий музей) и Еленинская аллея в Павловском парке, так как после смерти вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны Павловск полностью перешёл к Михаилу Павловичу и его семье.

Несколько слов о Максимилиане Лейхтенбергском (1817–1852), муже старшей дочери императора Николая I, великой княжны Марии Николаевны. Герцог прожил очень короткую жизнь, всего 35 лет, но успел сделать в России очень многое[34]. Он обладал большими познаниями в области естественных наук, интересовался электричеством, гальванопластикой, минералогией, химией, горным делом. В своих апартаментах в Зимнем дворце и в здании Штаба гвардии он устроил научные лаборатории. Его эксперименты по гальванопластике позволили ему в 1845 г. открыть на базе своих мастерских первое промышленное предприятие «Санкт-Петербургский гальванопластическое и художественной бронзы заведение», занимавшееся изготовлением барельефов и статуй. Здесь выполнялись детали для художественного убранства Исаакиевского собора. В 1844 г. Николай I назначил герцога Лейхтенбергского главным управляющим Института корпуса горных инженеров (в дальнейшем – Горный институт). Близ Петербурга герцог построил машиностроительный завод, где были изготовлены первые в России паровозы, много лет служившие на Царскосельской железной дороге. С 1843 г. до конца жизни герцог являлся президентом Академии художеств. Он заботился о художниках, многих из них приглашал работать в свои великокняжеские дворцы: в Мариинский в Петербурге и в летнюю резиденцию герцогов Лейхтенбергских в Сергиевке (в Старом Петергофе, по Ораниенбаумскому шоссе между Петергофом и Ораниенбаумом). В 1851 г. герцог организовал в залах Академии художеств первую в истории России выставку картин из частных собраний, открыл мозаичное отделение. Покровительствуя медицине, он увековечил своё имя открытием в 1850 г. бесплатной Максимилиановской лечебницы.

Весьма весомой фигурой в российской благотворительности следует считать герцога Петра Георгиевича Ольденбургского[35], посвятившего свою жизнь организации учреждений, занимающихся образованием, воспитанием и лечением. В 1835 г. состоялось торже-

ственное открытие Училища правоведения, проект которого создал сам принц. В 1840 г. Пётр Георгиевич был назначен обер-директором Санкт-Петербургского коммерческого училища, в котором провёл коренные реформы. В 1841 г. он принял на себя звание президента Вольного экономического общества. В 1843 г. ему было доверено попечительство над Александровским (бывшим Царскосельским) лицеем, переведённым из Царского Села на Каменноостровский проспект, 21, который он посещал практически каждый день.

Много сил принц Ольденбургский отдавал организации женского образования в России. В 1845 г. он создал особый Главный совет, игравший роль особого органа по руководству женским образованием, а в 1851 г. стал его председателем. В уставе совета нашли отражение гуманные идеи принца. При его содействии и в столице, и в провинции открывались народные женские учебные заведения, росло общее число школ, гимназий и педагогических курсов. В 1867 г. с высочайшего разрешения принц Пётр Ольденбургский открыл на собственные средства в Петербурге приют на 100 детей под названием «Детский приют Екатерины, Марии и Георгия» – по именам детей принца. Некоторые приюты были потом реорганизованы в реальные училища и даже в гимназии. В Москве принцем Ольденбургским был учреждён в 1865 г. детский приют в память скончавшегося цесаревича Николая Александровича, сына Александра II. Принц принимал также участие в судьбе Московского воспитательного дома, в частности, открыл при нём ремесленное училище, которое в 1868 г. было преобразовано в Императорское техническое училище, в дальнейшем ставшее Высшим техническим училищем им. Баумана. Целый ряд столичных больниц (Обуховская, Мариинская на Литейном проспекте, Петропавловская на Петроградской стороне – ныне больница им. Эрисмана, детская больница принца Петра Ольденбургского на Лиговке – ныне больница им. доктора Раухфуса, Свято-Троицкая община сестёр милосердия) были обязаны своим возникновением принцу Ольденбургскому.

Благотворительностью занимался и сын Петра Георгиевича, Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932), который открыл в Петербурге Институт экспериментальной медицины на Аптекарском острове, где отделом физиологии почти полвека руководил

И.П. Павлов. С именем Александра Петровича связано основание курорта Гагры на Кавказе, где в 1900 г. по образцу швейцарских курортов появилась климатологическая станция, гостиница, реальное училище и женская гимназия.

Примечания

[1] *Поляхова Е.Н.* Княгиня Е.Р. Дашкова в кругу гостей на обедах императрицы: принц и принцесса Вюртембергские // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: Культурное наследие и современность. М., 2014. С. 96–119

[2] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* «…Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М., 2009.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 123–125.

[5] *Поляхова Е.Н.* Указ. соч.

[6] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* Указ. соч. С. 133, 141.

[7] Там же. С. 152.

[8] Там же. С. 166, 170.

[9] Цит по: *Иена Д.* Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга. М., 2008. С. 6.

[10] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* Указ. соч. С. 199.

[11] Там же. С. 201.

[12] Там же. С. 203.

[13] Там же. С. 206.

[14] Григорян В.Г. Русские жёны европейских монархов. М., 2010; *Иена Д.* Указ. соч.

[15] *Весёлая Г.А., Фирсова Е.Н.* Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002. С. 406–409.

[16] *Поляхова Е.Н.* Указ. соч.

[17] *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский. СПб., 2912.

[18] *Поляхова Е.Н.* Указ. соч.

[19] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В*. Указ. соч. С.239.

[20] Там же. С. 239.

[21] Там же. С. 240.

[22] *Гагерн Ф.* Дневник путешествия по России в 1839 г. // Россия первой половины XIX столетия глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1991. С. 661–716; *Кюстин де А.* Россия в 1839 г. // Там же. С. 421–660; *Лафитский В.И.* Богарне: судьбы и загадки истории. М., 2012.

[23] *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Указ. соч.

[24] *Иена Д.* Указ. соч. С. 84–85.

[25] *Гаврилов С.Л.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге // Российская Империя между Шлезвигом и Гольштейном (1710–1918). М., 2011. С. 85, 95–107.

[26] Там же. С. 95.

[27] О родстве императрицы с Баденским Домом по линии бабушки мы уже упоминали в нашей публикации: *Поляхова Е.Н.* Указ. соч.

[28] *Пчелов Е.В.* Генеалогия Екатерины Великой // Философский век: альманах. Вып. 11. Екатерина II и её время. Современный взгляд / Отв. ред. Т.В. Артемьева и М.И. Микешин. СПб., 1999. С. 125–141.
[29] *Гаврилов С.Л.* Указ. соч.
[30] *Поляхова Е.Н.* К родословной княгини Е.Р. Дашковой: пересечения родов князей Дашковых и графов Воронцовых-Дашковых с родом светлейшего князя А.Д. Меншикова // Е.Р. Дашкова в кругу современников: Исторические личности и эпоха. М., 2013. С. 125–155.
[31] *Дашкова Е.Р.* Записки. М., 1990.
[32] *Дубовицкий Н.А.* Русский некрополь в Висбадене. СПб., 2010.
[33] *Поляхова Е.Н.* К родословной княгини Е.Р. Дашковой.
[34] *Лафитский В.И.* Указ. соч.
[35] *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Указ. соч.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВЕНЕЦИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА И МАРКИЗ П. МАРУЦЦИ, ВЕНЕЦИАНСКИЙ «ГРЕК» НА СЛУЖБЕ РОССИИ: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Т.М. Фадеева
кандидат исторических наук
Институт научной информации
по общественным наукам РАН (г. Москва)

Весьма важную роль в организации осуществляемых Екатериной II мероприятий по подготовке российской военно-морской Архипелагской экспедиции в Эгейское море, наряду с тайной миссией братьев Орловых, сыграл привлечённый на русскую службу венецианский маркиз и представитель банкирского дома братьев Маруцци Пано (Панайотис, Павел), грек по происхождению. Его предки-греки обосновались в Венецианской республике ещё в XVI в.; семья разбогатела и стала весьма влиятельной благодаря тем финансовым услугам, которые она оказывала многим владетельным домам – и не только Италии. Переход на русскую службу сделал Пано – Павла Христофоровича Маруцци – участником поворотных событий эпохи русско-турецких войн, а его потомство оставило свой след в генеалогии русской аристократии.

Мы уже обращались к этой фигуре в нашей предыдущей публикации[1], однако за последнее время были обнаружены новые материалы, расширяющие наши представления о многогранной роли П. Маруцци в политической, дипломатической и культурной областях. Это сведения из Российского государственного исторического архива, а также материалы Государственного архива Венеции. Речь идёт о частном архиве Константина Маруцци, последнего потомка семьи по мужской линии, содержащем множество сведений о деятельности братьев Маруцци и их участии в политических событиях того времени. Этому посвящена статья Хриссы Мальтезу, директора Греческого института византийских и поствизантийских исследований (Венеция)[2].

Семейство Маруцци происходило из Эпира – области на севере Греции со столицей в Яннине. Через неё проходили торговые связи Венеции с областями, входившими в Османскую империю, – Румынией, Валахией, Молдавией, Левантом. Ведущую роль в этой торговле играли греки, вернее, греческие семейные кланы. Необходимо подчеркнуть, что характерной чертой их сознания было не просто стремление к накоплению богатств, но сохранение и утверждение греческой идентичности диаспоры, для чего отчислялись немалые средства на поддержку греческой (православной) церкви, благотворительность (помощь бедным грекам) и образование греческого юношества. Опорой служили воспоминания о славе и величии Византии, а перспективой – надежда на освобождение Греции от османского владычества. Эта надежда традиционно связывалась в сознании греческого населения с Россией – растущей и крепнущей единоверческой державой.

Сказанное находит своё отражение в следующих строках завещания (1734), составленного Ламбро Маруцци, основателем торгового дома с отделениями в Венеции и в Янине. Помимо распределения наследства между членами семьи Ламбро оставил значительные капиталы «школе св. Николая и церкви св. Георгия» в Венеции, где располагался греческий квартал, с тем, чтобы использовать проценты с этих капиталов «для просвещения греческого юношества в Венеции и также в Яннине, по предметам логика, физика, метафизика, теология, а желающим и математика, на греческом и латинском, считая необходимым изучение латыни для успеха студентов нашей национальности, к которым относятся с предубеждением после рокового падения Греческой империи, и гибели основных научных документов»[3].

Семейство Маруцци хранило память о былой знатности, подтверждения которой, как и у большинства греческих семейств, переживших падение Византии, встречало определённые трудности. Во-первых, в Византии существовала иерархия чинов, никак не совпадавшая с европейской титулатурой. Во-вторых, особым предметом гордости было родство с императорским семейством, обычно по женской линии, о котором продолжали вспоминали в течение многих веков, присоединяя к своей фамилии патроним бабушки из семьи Комнинов, Кантакузинов, Палеологов. О каких-либо до-

кументах в этих случаях говорить не приходилось.

При этом семейные предания обладали реальной силой: ведь память о таком родстве вдохновляла семейство, побуждая не только добиваться успеха (скажем, материального), но и тратить накопленные богатства на благородные цели. Все сказанное можно проследить на примере семейства Маруцци.

Вехи признания его знатного происхождения отмечены в генеалогическом справочнике, изданном в Венеции в 1830 г.: «Маруцци – знатное семейство (nobili) и маркизы, поселившиеся в Венеции. Ведут своё происхождение от древней благородной греческой семьи, в которой уже в конце 1589 г. были лица, удостоенные звания командора ордена св. Иоанна Иерусалимского. Титул маркиза пожалован императрицей Марией Терезией, диплом от 21 июня 1764 г., братьям Пано, Константину и Ламбро Маруцци, с правом наследования их потомкам по мужской линии и имеет высочайшее подтверждение от 30 марта 1819 г. Константин, сын кавалер-камергера Пано Маруцци, на русской службе и княжны Зои Гика, фрейлины Е.И.В при дворе в Петербурге, родился в Москве 16 сент. 1784 г., камергер и командор ордена Иоанна Иерусалимского»[4].

Благодаря успешному развитию активных торговых связей с Венецией в конце XVII в. Ламбро Маруцци вместе со своими братьями Симоном, Анастасием и Христодулом (Христофором) основал торговый дом с отделениями в Венеции и в Яннине (Эпир). В Венеции братья Маруцци принимали активное участие в управлении греческой общиной, несколько раз возглавляли её, и занимались благотворительной деятельностью. В XVIII столетии семейство распространило свои торговые связи на Францию, Голландию и Англию, занималось продажей недвижимости в Венеции, а также банковским делом и сумело добиться значительных экономических успехов.

В качестве представителя банкирского дома братьев Маруцци в Санкт-Петербурге в 1766 г. появляется Пано (Павел Христофорович), который уже был удостоен титула маркиза императрицей Священной римской империи Марией Терезией в 1764 г. Этому предшествовала его встреча с русским канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым, который в 1763–1764 гг. совершал второе путешествие по Европе (в ходе первого, состоявшегося

в 1745–1746 гг., предметом интереса были возможность налаживания торговых отношений со странами Средиземноморья, а также контакты с собирателями произведений искусства и художниками). В письме из Пизы от 10 (21) января 1764 г. к своему племяннику Александру Романовичу Воронцову канцлер писал о своём знакомстве с П. Маруцци, его услугах и о своей поддержке его стремления служить русскому двору: «В бытность нашу в Венеции и по отъезде оттуда, господин Маруци оказывает нам многие услуги; **он желает быть консулом или агентом нашего двора. Я сильно рекомендовал его Ея Императорскому Величеству** (здесь и далее выделено нами. – *Т.Ф.*); только не знаю, буду ли счастлив в успехе»[5]. Последнее замечание объясняется тем, что Воронцов сознавал свой скорый уход в отставку с поста канцлера. В письме от 13 (24) апреля 1764 г. он подчёркивал стремление маркиза представиться при основных европейских дворах: «Г-н Маруци для свидания со мною приехал сюды (в Милан) и желает при мне ехать в Вену»[6], и далее: «он хочет в Дрезден, Берлин, и потом чрез Гагу в Лондон и оттуда в Париж ехать; вы будете иметь удовольствие его **видеть и я в вашу дружбу его рекомендую»[7].** Позднее, уже из Петербурга, Михаил Илларионович снова писал племяннику о П. Маруцци: «Я докладывал Ея Императорскому Величеству о желании его к нашему двору приехать: Ея Величество изволила милостиво отозваться, **что приезд его будет угоден»[8].** Далее он даёт племяннику полезные советы о приёме гостя: «извольте и вы ему со своей стороны присоветывать, чтоб он сюда к карнавалу приехал и что я ему в моём доме квартеру приготовлю и экипаж для выезда давать буду»[9]. Наконец, из письма Александра Романовича Воронцова дяде от 23 мая (3 июня) 1766 г. узнаём о приезде П. Маруцци в Петербург: «Вчерась ввечеру г. Маруцци сюда приехал и у меня в доме квартиру имеет»[10].

О благодарности самого П. Маруцци канцлеру и членам семьи Воронцовых свидетельствует упоминание Е.Р. Дашковой, совершавшей в 1781–1782 гг. путешествие по Европе с сыном Павлом Михайловичем (1763–1807) – выпускником Эдинбургского университета, которая так описывает встречу с П. Маруцци. «В Венеции наш представитель, маркиз Маруцци, приготовил для нас свой дом, окружив нас роскошью и великолепием. Он был очень многим обязан покойному моему дяде, государственному канцлеру графу

Воронцову, и я приписывала великолепие оказанного нам приёма его благодарности и тщеславию. Он только что получил орден св. Анны и поэтому повсюду в его доме, на дверях, на воротах, на экипажах красовались либо лента, либо звезда этого ордена. Он мне доставил самое большое удовольствие (и я им пользуюсь и поныне) уступкой двух великолепных картин Каналетти»[11].

Таким образом, Пано Маруцци с самого начала имел чёткую цель – стать консулом или агентом петербургского двора, способствовать союзным отношениям России и Венецианской республики, но за всем этим, как увидим в дальнейшем, стояла сверхзадача – поиск союзников, прежде всего России, в борьбе за освобождение Греции от Османской империи.

По приезде в Петербург маркиз произвёл на императрицу хорошее впечатление, но поначалу она, увлечённая собиранием картин для своего Эрмитажа, решила использовать его связи с художественным миром Италии.

Письма, которые посылал Пано Маруцци в 1761–1767 гг. из Санкт-Петербурга и Москвы братьям в Венецию (мы приводим их по статье Х. Мальтезу в нашем переводе с итальянского), свидетельствуют о его восхищении русской императрицей: «Доброта этой замечательной государыни, – писал он братьям в письме от 9 (29) декабря 1766 г. в Венецию, – делает моё пребывание в этой столице восхитительным. Считаю это огромной удачей и, полагая, что ничем не заслужил такого отношения, приписываю его лишь величию её души»[12]. Считая великой удачей её благосклонность, П. Маруцци прилагал все усилия, стараясь услужить императрице. Та, со своей стороны, оценила познания маркиза в изящных искусствах и решила воспользоваться его помощью для пополнения своих собраний живописи и скульптуры. Вот письмо, отправленное в Венецию, где П. Маруцци поручал братьям купить для Екатерины II картины и отправить их в Санкт-Петербург.

«С-Петербург, 30 янв. 1766 г.

Братья,

…Её Величество оказало мне честь, поручив достать картины и статуи знаменитых мастеров на сумму 12 тысяч рублей, предназначенных ею на эту цель. Просила меня выполнить это поручение

со всей тщательностью, которую надлежит проявлять в подобных случаях, где легко столкнуться с обманом; оказала мне честь, сообщив мне, что в различных частях Италии, в особенности в Риме, есть лица, желающие сбыть с рук такие ценные предметы старины, и что ей это известно. Вы находитесь поблизости от этих мест и, если понадобится, отправьтесь в путешествие, чтобы услужить Её Величеству и доставить произведения искусства со всяческим тщанием и аккуратностью... Помимо всего, рекомендую вам использовать любые средства, чтобы отличиться на службе Е.В., доказывая ваше усердие, за всю ту доброту, какую она проявляет к нашей семье»[13].

Подтверждая в письме от 6 (11) ноября 1767 г. прибытие картин, Пано отмечал, что императрица была ими довольна и выразила братьям Маруцци своё удовлетворение. Названия некоторых картин, деньги за которые были уплачены в октябре 1767 г., были опубликованы в «Сборнике Русского исторического общества»:

1. Паоло Веронезе. Христос Спаситель, от Пилада пред народ изведённый.
2. Паоло Веронезе. Младенец Моисей, на струях реки Нила несомый.
3. Андреа Скьявони. Царица Сабатская, приносящая дары Соломону.
4. Тинторетто. Христос, представленный пред народ Пиладом.
5. Якопо Бассано. Сон Навуходоносора.
6. Падуанино. Абигайль, украшающая Давида дарами, и гнев его против Набала, её мужа.
7. Бернардо Строцци. Чудо Иисуса о хлебах и рыбах.
8. Лука Джордано. Торжество Галатеи на море[14].

Имена художников впечатляют – они принадлежат к ряду наиболее известных мастеров Возрождения.

В Российском государственном историческом архиве сохранились документы, подтверждающие приобретение картин и эстампов через посредство Пано Маруцци и оплаченные из «комнатных денег» канцелярии Её Императорского Величества Екатерины II[15].

«Неизвестно, сколько предметов искусства было послано при посредничестве Маруцци из Италии в Россию, – пишет Хрисса Мальтезу.– Как бы ни обстояли дела, ясно, что многие сокровища, украшающие сегодня музеи Санкт-Петербурга, были переправлены из Италии заботами греков Венеции»[16]. Полагают, что приобретён-

ные маркизом картины растворились в императорских собраниях, и лишь небольшая часть их сегодня может быть убедительно отождествлена. Помимо вышеприведённого списка, с уверенностью можно назвать также приобретённые с помощью П. Маруцци четыре мраморные статуи, изображающие «Времена года» работы Джованни Антонио Чибеи (ныне в Эрмитаже). Тем не менее, вопрос этот ещё ждёт своего исследования. Во всяком случае, за П. Маруцци уже тогда установилось звание «поставщика картин Её Императорского Ведичества для Эрмитажа».

С приближением русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подготовкой Архипелагской экспедиции русского флота императрица приняла решение установить дипломатические связи с Венецией. В 1768 г. после длительного перерыва (с 1720 г.) между Россией и Венецией по дипломатическим каналам была достигнута договорённость об обмене представителями двух стран. Хотя назначение в Петербург венецианского представителя задерживалось, Коллегия иностранных дел, отступив от установленных правил, решила отправить в Венецию своего дипломата в одностороннем порядке. 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении П. Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии… для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции»[17]. При этом у венецианского сената потребовали предоставления её представителю всех дипломатических прав и привилегий. В порядке поощрения, а также для придания ему большего веса в дипломатических кругах, императрица наградила П. Маруцци орденом св. Анны, прежде чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии. Вступив в свои полномочия, 26 ноября 1768 г., П. Маруцци сообщал в Петербург, что Сенат по случаю его аккредитации оказал ему особые почести, «каковые только послам и посланникам протчих коронованных глав, а отнюдь не поверенным в делах акордуются». Как представитель России и как грек П. Маруцци видел свою задачу в том, чтобы всячески способствовать союзу Венецианской республики с Россией, направленному против Османской империи. При этом он указывал на возможность для Венеции вернуть острова и территории в Греции, опираясь на русский флот и армию. Именно такому развитию

событий пытались способствовать на практике братья Орловы в ходе Архипелагской экспедиции. Информация об этом в виде сообщений приставленного к П. Маруцци «конфидента», сохранилась в Государственном архиве Венеции[18]. Вместе с тем российский поверенный с сожалением признал, что венецианское правительство в связи с начавшейся русско-турецкой войной «остерегается от всякаго поступка, могущаго привести его у Оттоманской Порты в подозрение»[19]. Хотя переговоры о направлении венецианского представителя в Петербург прекратились, «поверенный в делах продолжал оставаться в Венеции и весьма успешно служить русскому двору в его средиземноморской политике»[20].

Официально его деятельность должна была продолжаться до согласования статей торгового договора, а в его обязанности входила забота о русских кораблях, если таковые будут прибывать в Венецию из Балтики. «В итоге официальный статус П. Маруцци был крайне неустойчивым, миссия по финансовому обеспечению русского флота, вскоре возложенная на него в связи с началом русско-турецкой войны – крайне деликатной, требовавшей действий, по сути не предусмотренных его статусом поверенного в торговых делах»[21].

Служебный долг оказывать услуги А.Г. Орлову в подготовке Архипелагской экспедиции (как указывается в монографии И.М. Смилянской и др.) не ограничивал круг скрытых, официально не обозначенных обязанностей П. Маруцци. Судя по содержанию его донесений, сфера его деятельности в Средиземноморье была достаточно обширной. Уже находясь на русской дипломатической службе, он в то время занимал также должность поверенного в делах России на Мальте. Ему предлагалось также склонять состоятельных греков к переселению в Россию, предварительно выяснив их настроения и материальные возможности. «Понеже, – говорилось в рескрипте, – известным образом как в венецианских, так и в турецких областях множество находится людей греческаго исповедания, кои зная теперь о принимании в здешнюю империю всех приезжающих чужестранцов, может быть по единоверию захотят переселяться сюда и к вам для того адресуются; в таком случае имеете маркиз… обнадёживать их Высочайшею Её императорского Величества милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить… ожидая отсюда резолюции»[22].

Неопределённость статуса П. Маруцци помогала Венеции избежать конфликта с Османской империей, которая крайне негативно смотрела на открытие дипломатических отношений между Венецией и Россией. Венецианцы сослались на то, что в компетенцию П. Маруцци входили только торговые дела.

Слишком заметная активность братьев Орловых в Венеции вызвала опасения, что они занимаются наймом людей на русскую службу и формированием полка, в связи с чем им было рекомендовано покинуть Венецию. После их отъезда в Тоскану в апреле 1769 г. функции главного агента русской императрицы окончательно перешли к П. Маруцци и его доверенным лицам. Его деятельность успешно продолжалась, судя по тому, что в мае 1769 г. получил в России чин действительного статского советника. Кроме того, было замечено, что он постоянно получал из Петербурга векселя, платить по которым. надлежало в Амстердаме, и менял их в Венеции на местные цехины на сумму 20 000 флоринов[23]. Деньги явно шли на оплату желающих принимать участие в русско-турецкой войне. Это беспокоило Венецию: позиция нейтралитета, занятая республикой, запрещала её подданным участвовать в русско-турецкой войне на стороне России. Был даже принят эдикт, приравнивающий такое участие к государственному преступлению. Между тем тайная цель П. Маруцци состояла в том, чтобы втянуть Венецию в конфликт с Турцией. Поскольку в силу ограниченности своего статуса он не мог повлиять на решения Сената, то ограничивался тайной вербовкой на службу России новых людей и обеспечивал финансовую поддержку российскому флоту.

Это соответствовало планам императрицы, которая снабдила А.Г. Орлова рекомендацией хранить до времени тайну, «ибо секрет всем делам душа», особенно в случае Венецианской республики, на которую нельзя полагаться, «доколе не увидит она, что дело прямое действие возъимело и что вся туча обратилась на турков, в чём, конечно, собственный её интерес осязателен, ибо она тут способный случай найти может к возвращению себе потерянной Мореи, которая ей по сю пору толико на сердце лежит»[24]. Покров тайны, на которой настаивала Екатерина II, принёс свои плоды: действительно, в кабинете министров Венеции не верили в появление русской эскадры, а тем более в военные действия зимой 1769–1770 гг. Весной 1970 г.

с высадкой десанта и началом военных действий в Морее они оказались перед фактом, и произведённое на них впечатление хорошо описано Ф.Г. Орловым в письме от 22 апреля 1970 г.: «Сначала никто не хотел верить, чтоб мы дошли до сего места, а ещё менее, чтоб атаковали нашего неприятеля. Все думали: пошатавшися-де по морю и ничего не сделав, назад воротятся. Узнали теперь свою ошибку. Открыли глаза, не знают, что думать и что делать, с удивления окаменели…»[25].

В этой ситуации позиции российского поверенного заметно усилились. Он приводил весомые доводы в пользу союзного договора Венеции с Россией, составил и подал Сенату специальное отношение с изложением всех преимуществ от союза России и Венеции. Одним из наиболее важных могло быть ослабление влияния Турции в Морее, возможность претендовать на часть владений Турции в Европе и тем самым поправить финансовые и торговые дела Светлейшей республики.

Тем не менее, усилия П. Маруцци встретили серьёзное дипломатическое противодействие со стороны Священной Римской империи в лице её канцлера В.А. Кауница, который рекомендовал Сенату строго придерживаться статей мирного договора с Османской империей. К концу августа 1770 г. стало окончательно понятно, что главная цель миссии П. Маруцци – привлечь Венецию к союзу Россией, придав ему антиосманскую направленность – не удалась, и что Венеция приняла решение держаться проавстрийской внешней политики.

Гораздо более эффективным оказалось другое, неофициальное направление его деятельности – привлечение греческих и славянских подданных Венеции на службу России. По-прежнему российский поверенный являлся центром притяжения для русских, греческих и балканских офицеров, желавших «неофициальным» образом помогать русской эскадре в Архипелаге. Особое беспокойство вызывали регулярные контакты П. Маруцци с его братом Ламбро, влиятельным человеком среди венецианских дворян, сочувственно относившихся к греческому восстанию в Морее. Маркиза вообще считали источником различных интриг в пользу России. Внешне же после 1770 г. его деятельность в качестве русского консула сводилась к обычной рутинной работе. Он извещал венецианское правительство о ходе

русско-турецкой войны, собирал для Петербурга информацию о событиях в Леванте (в частности, в Египте), а также о разных делах, связанных с пребыванием русских в Венеции, вёл частную переписку со многими видными русскими дипломатами и политическими деятелями. В Библиотеке Российской Академии наук (Петербург) хранится том, включающий его переписку за несколько лет. Здесь есть письма великого князя Павла Петровича, вице-канцлера князя А.М. Голицына, послания графа А.Г. Орлова, в том числе из Пизы, Флоренции и Ливорно. Здесь же находятся копии писем П. Маруцци к Екатерине II, княгине Е.Р. Дашковой, князю Г.А. Потёмкину, вице-канцлеру графу И.А. Остерману, Я. Штелину и др.[26].

К концу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. отношения между П. Маруцци и А.Г. Орловым стали ухудшаться. П. Маруцци сознавал, что его миссия исчерпана, его статус за время войны не только не изменился, а наоборот, его положение в Венеции лишь ухудшилось. Война закончилась, и П. Маруцци просил у Н.И. Панина и А.М. Голицына поспособствовать получению им нового места службы. Дело усугубилось конфликтом П. Маруцци с Алексеем Григорьевичем, который требовал у маркиза вернуть патенты на консульские места в средиземноморском регионе, хотя сам передал их ему на бессрочное хранение. П. Маруцци добавил, что в течение войны жертвовал всем ради службы Орловым, тогда как те своих обещаний в отношении него не выполнили. Характерно, что сертификат о потраченных на нужды русских эскадр деньгах П. Маруцци получил от А.Г. Орлова лишь 18 декабря 1787 г.

Известно, что банкирский дом братьев Маруцци фактически взял на себя кредитование итальянских расходов Архипелагской экспедиции. «Переход на русскую службу и приобретение высокого российского покровительства были для Пано Маруцци столь привлекательны, – считают авторы книги “Россия в Средиземноморье”, – что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно. Впрочем, как выясняется, маркиз взял на себя обязанность быть финансовым посредником в кредитовании итальянских расходов Архипелагской экспедиции и, следовательно, не остался без материального выигрыша. В сущности заинтересованность была взаимной»[27]. В части этого утверждения, касающейся «материального выигрыша», приходится выразить сомнения. Новое извлечённое из архива свидетельство этого приводится в статье Хриссы Мальтезу.

П. Маруцци оказал важные услуги русским в ходе антитурецкого восстания 1770 г. в Пелопоннесе, получившего в Греции название «Орлофика», подчёркивает Х. Мальтезу: «Богатые греки Венеции не только участвовали в подготовке восстания в Пелопоннесе, но также финансировали его. В меморандуме Константина, сына Пано (Павла Христофоровича Маруцци. – *Т.Ф.*) от 1826 г., весьма возможно, написанного с целью истребовать от русских компенсацию, отмечается, что проект нападения русского флота на турок в Эгейском море был предложен русским властям Пано Маруцци, который пожертвовал немалые средства для помощи в организации революционного движения в Пелопоннесе. К меморандуму, написанному на французском языке, приложен список сумм в динарах, потраченных Пано на нужды восстания, а также копия сертификата 1787 г. за подписью А.Г. Орлова, удостоверяющего, что Пано оказал важные услуги в деле борьбы с турками».

Далее приводится текст сертификата на французском языке*:

«Мы, граф Орлов, свидетельствуем, что г-н маркиз Маруцци оказал в последней войне с турками флоту Е.В. в Архипелаге, коем мы командуем, самые значительные услуги, выполняя все наши важные поручения с величайшим усердием и старательностью, подвергая себя опасностям, которых требовала служба; и что мы, в силу наших полномочий, не только обещали ему жалованье, соответствующее его посту, но и вознаграждение, пропорциональное его услугам.

Мы свидетельствуем сверх того, что за все суммы денег, которые прошли через его руки, он не получал никаких комиссионных, которые предоставлялись всем остальным в подобных случаях (выделено нами. – *Т.Ф.*). В силу чего мы выдаём ему настоящий сертификат, за нашей собственноручной подписью и печатью.

Санкт Петербург, 18 декабря 1787 г. граф Алексей Орлов».

Приведённые свидетельства отношений греков Венеции с Россией в конце XVIII в. проливают новый свет на изменения в греческой идеологии в эпоху, когда южное направление внешней политики России и русско-турецкие войны встретились с надеждами греков на освобождение своей родины.

---

* Перевод Т.М. Фадеевой.

П. Маруцци, как показано выше, хорошо разбирался в изобразительном искусстве, а потому мог с успехом удовлетворять взыскательный вкус аристократических заказчиков, которых было немало. Он хорошо знал художников, и ему поручали делать заказы и приобретать редкие полотна для пополнения Эрмитажа и частных коллекций. Под его присмотром были выпускники Академии художеств, удостоившиеся чести быть отправленными в Италию за счёт академии (так называемые пенсионеры), и его отзыв являлся существенным подтверждением их усердия в занятиях искусством.

Вершиной дипломатической деятельности российского поверенного, которая потребовала незаурядного вкуса в поиске организаторов и исполнителей великолепных празднеств, был недельный визит в Венецию в январе 1782 г. великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Фёдоровны под именем графов Северных.

Первое официальное сообщение о будущем посещении города графами Северными было получено маркизом П. Маруцци в ноябре 1781 г. «Венецианское правительство, рассмотрев ситуацию, решило не считаться с расходами в предвидении политических выгод и провести встречу русских принцев со всем возможным размахом и блеском, соединив её с венецианским карнавалом. И действительно, праздники в честь русского наследника стали одним из самых ярких событий последних лет существования Венецианской республики и произвели, по-видимому, неизгладимое впечатление не только на знатных гостей, но и вообще на европейское общество последней четверти XVIII века»[28]. Об этом свидетельствует множество сохранившихся описаний. В знак признательности великокняжеская чета подарила П. Маруцци табакерку, усыпанную бриллиантами.

Грандиозная встреча в Венеции, куда путешественники прибыли 18 января 1782 г., была отмечена едва ли не ежедневными праздниками, на которых, казалось, веселилась «вся Венеция»: регатой на Канале Гранде, костюмированным карнавалом и торжественной процессией из пяти колесниц-аллегорий, украшенных разнообразными символами, на площади Сан Марко, грандиозной иллюминацией и фейерверками. Заботами русского поверенного П. Маруцци пребывание великокняжеской четы день за днём, событие за событием, запечатлели в рисунках, акварелях, картинах и гравюрах знаменитые венецианцы Д. Гварди, М.-С. Джампикколи, А. Баратти. Памятью

о Венеции стал хранящийся в Павловске альбом в переплёте синего сафьяна с золотом, где на листах наклеены 19 гуашей с видами Венеции, с подписью Джакомо Гварди, скорее всего, поднесённого от семейства Гварди великокняжеской чете.

Посещению русской великокняжеской четы Венеции посвящена также серия картин Франческо Гварди (последний великий итальянский живописец XVIII в., 1712–1793), отражающая день за днём пребывание графов Северных в Венеции. Эта серия оказалась, к сожалению, рассеянной по разным собраниям. Предполагается, что её заказчиком мог быть маркиз Пано Маруцци.

Заботами российского поверенного в Венеции стал и контакт великокняжеской четы с талантливой художницей Ангеликой Кауфман, избранной членом двух академий: Академии св. Луки в Риме и Королевской Академии искусств в Лондоне. Из «Дневника» А. Кауфман известно, что уже в декабре 1781 г. была заказана «Для Великого князя Русского картина около 3 футов». Это была «Отравленная Элеонора», а заказчиком выступил, по-видимому, Паоло Маруцци, русский консул в Венеции, который первое официальное сообщение о прибытии путешественников получил в ноябре. Встреча великокняжеской четы с художницей произвела на них самое благоприятное впечатление, поскольку уже в феврале этого же года Кауфман заказали вторую картину – «Исцелённая Элеонора»[29]. Таким образом, результатом визита высоких гостей из России стало появление в картинной галерее Павловского дворца диптиха А. Кауфман – двух нравоучительных, лирико-героических и возвышенно-сентиментальных картин, сюжеты для которых были найдены в истории Англии. Во время войны в Палестине принц Эдуард (позднее король Эдуард I) был смертельно ранен отравленным кинжалом предателя. Супруга, вытянув губами из раны яд, ценой собственной жизни спасла принца. Таков сюжет «Отравленной Элеоноры». В живописном полотне «Исцелённая Элеонора» представлено появление чудесно спасённой принцессы перед оплакивающим её смерть супругом. Принцессу сопровождает султан Яффы Селим, который спас умирающую, успев дать ей тайное противоядие. «Всё в этой истории выглядит неслучайным: предварительный заказ картин на тему, выбор которой невозможен без целенаправленных поисков, пристальное внимание к героической роли супруги в судьбе

принца – не отсвет ли это тайной войны за власть между наследником престола и императрицей-матерью и не он ли сам нашёл эти сюжеты в современной литературе и предложил их А. Кауфман»[30]. Действительно, императрица и её фавориты лишили наследника законного права на престол, отстранили от участия в управлении государством, от воспитания собственных детей, но им не удалось сделать из невестки своей союзницы, и созданный Кауфман героический образ Элеоноры – это знак его признательности жене, вера в неё и надежда на светлое будущее. Ангелика Кауфман стала любимой художницей Марии Фёдоровны, и позднее в Павловске, в начале 1790-х гг., она собственноручно, по-дилетантски, старательно копировала работы А. Кауфман.

Роскошь приёма знатных путешественников свидетельствовала об интересе к ним венецианского правительства. В частности, он подготовил почву для того, чтобы между обоими государствами были, наконец, установлены дипломатические отношения на уровне послов – полномочных министров, однако это означало окончание миссии П. Маруцци. В сентябре 1782 г. республика Венеция направила в Санкт-Петербург в качестве посла нобиля Фериго Фоскари, а с середины 1783 г. интересы России в Венеции представлял в ранге полномочного министра граф Семён Романович Воронцов. Тем самым должность П. Маруцци фактически отменялась, хотя сам он был отозван со своего поста только в 1786 г.[31].

Репутация братьев Маруцци как ценителей и знатоков изящных искусств покоилась на солидных основаниях. Венеция и сегодня хранит память о них в названиях улиц и палаццо. Назовём прежде всего прекрасный палаццо, который с 1740 г. принадлежал семейству Маруцци и возвышается в квартале Кастелло, на берегу так называемого Греческого канала; то же имя носит соседний переулок (calle Maruzzi). Имя Маруцци встречаем поблизости от площади Сан Марко, где им принадлежали часть здания Старых прокураций[32] и двор с портиком (Sottoportego e corte de Ca,Maruzzi). «Богатейшее семейство, хранившее гордые воспоминания об эпохе Екатерины II, императрице всея Руси, угасло 20 февраля 1846 г. в лице маркиза Константина, сына Пано и княжны Зои Гика. Назначенный с юности кавалер-камергером императора, он отказался от всех амбиций и по-

святил себя жизни простой, филантропической и спокойной, в кругу многочисленных друзей. Он владел одним из палаццо, входившим в состав Старой Прокурации, и по этой причине портик и двор носят его имя»[33].

Кроме того, в нескольких километрах от Венеции, в районе Левада (Пьомбино Дезе) сохранилась изящная вилла, носящая двойное имя Марчелло-Марруцци. В своём нынешнем виде постройка восходит к середине XVIII в., когда ею владели братья Марруцци, Ламбро, Пано и Константин. В 1725 г. они приобрели виллу, которая тогда представляла собой простое строение XVI в., перестроили и декорировали её, превратив в архитектурный шедевр. Работы были поручены крупному архитектору Франческо Прети, а исполнение фресок и лепных украшений всей виллы – знаменитым художникам и декораторам своего времени. Особенно известны фрески бальной залы со сценами из жизни Александра Македонского, кисти известного художника XVII в. Джамбатиста Крозато. По стилю художник близок к Джованни Батиста Тьеполо, которому нередко приписывают его работы. Многие картины Крозато являются прекрасными образцами стиля рококо[34].

Виллу посещали гости из России. Летом 1784 г. здесь провела последние месяцы жизни Екатерина Алексеевна, супруга графа С.Р. Воронцова, скончавшаяся от чахотки 25 августа. Полномочный посланник в Венеции граф Семён Романович получил указ о переводе на службу в Англию, и в письме брату Александру Романовичу от 24 апреля (5 мая) 1784 г. пишет, что «г-н Марруцци здесь, и при всяком случае оказывает мне всяческие услуги, а недавно избавил меня от затруднения, предложив мне свой загородный дом, куда я перееду через три недели (срок, когда я должен покинуть мой дом)…»[35].

В начале XIX в. вилла перешла по наследству вначале сыну П. Марруцци Константину, камергеру, который скончался в 1846 г. и похоронен в Венеции. После его кончины владелицей виллы стала его сестра, дочь Пано, маркиза Александра Павловна Марруцци, ставшая женой русского графа С.П. Сумарокова, генерала от артиллерии, члена Государственного Совета. Потомство от этого брака оставило заметный след в генеалогии русской аристократии.

Сергей Сумароков (1793–1875) был сыном Павла Ивановича Сумарокова, родного племянника Александра Сумарокова, извест-

ного поэта и драматурга. Сам Павел Иванович, действительный тайный советник, сенатор, отличился в литературе как автор пьес, двух книг, посвящённых путешествиям в Крым и т.д.[36]. Его женой была Мария Васильевна урождённая княжна Голицына[37]. Её брат, князь Сергей Фёдорович Голицын, обнаружив наклонность к военной службе и способности к математике в племяннике, уделял немалое внимание его воспитанию. Достигнув 15-летия, юноша в апреле 1809 г. поступил юнкером в лейб-гвардии артиллерийский батальон, где на него оказал благотворное влияние известный учёный П.А. Рахманов, издатель «Военного журнала»; подготовившись под его руководством к офицерскому экзамену, Сумароков блестяще сдал последний и был принят в гвардию. Участник Бородинского сражения и последующих войн, Сергей Павлович Сумароков оставил заметный след в деле усовершенствования артиллерии и 6 декабря 1851 г. он был произведён в генералы от артиллерии.

В день коронации Александра II 26 августа 1856 г. Сергей Павлович Сумароков был пожалован в члены Государственного совета и именным Высочайшим указом в награду «долговременной, отлично-усердной службы престолу и отечеству» возведён в графское достоинство. Сумароков был женат на дочери посланника в Венеции маркиза П. Маруцци Александре Павловне (1790–1857), кавалер-даме ордена св. Екатерины II степени[38]. Таким образом, и род Маруцци, и род Сумароковых не имели мужского потомства, но имели важные заслуги перед отечеством. Решение о присвоении титула графа было приурочено к семейному событию: заключению брака между средней дочерью Сумароковых Еленой и генералом Эльстоном. Происхождение последнего было окутано тайной, о которой в свете сложилось своё мнение. «Говорят, – пишет его внук Феликс Юсупов, – отец его был прусский король Фридрих Вильгельм IV, а мать – фрейлина сестры его, императрицы Александры Фёдоровны… До 16 лет дед мой жил в Германии, потом уехал в Россию и командовал донскими казаками»[39]. В пользу этой версии происхождения Эльстона говорило и то обстоятельство, что крёстным отцом Эльстона оказался сам император Николай I[40]. Спустя две недели в связи с бракосочетанием 8 сентября 1856 г. их дочери Елены Сергеевны (внучки маркиза П. Маруцци и княжны Гика) с генерал-адъютантом Ф.Н. Эльстоном последнему было раз-

решено принять фамилию и титул жены. Так было положено начало фамилии графов Сумароковых-Эльстон, князей Юсуповых.

Согласно семейной легенде, в одну злополучную ночь 1847 г. генерал проиграл в карты виллу и прилегающие земли венгерскому графу. Последний, не имея намерения там поселиться, продал виллу графу Джироламо Марчелло. Так, после многих перипетий, вилла и земли вернулись в руки её прежних владельцев – семьи Марчелло, и с тех пор носит двойное название – вилла Маруцци-Марчелло, как напоминание о том, что своим статусом архитектурного шедевра вилла обязана семейству Маруцци.

Примечания

[1] *Фадеева Т.М.* Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Е.Р. Дашкова в кругу современников. М., 2013. С. 237–251.

[2] *Maltezou Ch*. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento // Thesaurismata 30. 2000. P. 167–173.

[3] *Merthios C.N.* Testamento Lambro Maruzzi // Chronica Epirotica, 1936. Vol. II. P. 158–159. Текст на греческом, с переводом на итальянский.

[4] Franchesco Schroder: Reperto Genealogico delle famiglie confermate nobili delle provincial del Veneto. Vol. 1. Venezia, 1831. Pagg. 504–505.

[5] Архив князя Воронцова. Кн. 31. М., 1885. С. 261.

[6] Там же. С. 276.

[7] Там же. С. 278.

[8] Там же. С. 369.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 395.

[11] *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 125. Маруцци также разбирался в искусстве, хорошо знал художников и ему поручали делать заказы и приобретать редкие полотна для пополнения Эрмитажа и частных коллекций. – В этом контексте уместно упоминание картин Каналетто (Canaletto Giovanni Antonio, 1697–1768), итальянского живописца эпохи классицизма и офортиста, прославленного мастера архитектурного пейзажа-ведуты, особенно панорамных видов Венеции.

[12] Там же. С. 169

[13] Archivio Papadopoli, lettera 30.01.1766 // Maltezou Ch. Greci di Venezia. P. 170.

[14] Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 255–256.

[15] РГИА. Ф. 468. О. 1. Ч. 2. Д. 3880. Л. 267. Маркизу Маруцци за выписанные через последнего из Венеции картины – 7795 рублей, из комнатных денег в октябре 1767 г.; Д. 3882. Л. 76. 10 апреля 1768 г.: «...да маркизу Маруцци за привезённые из Италии картины провозных 494 рубля... Кабинет ЕИВ 1768 г.»; Д. 3887. Л. 177. О переводе денег в Венецию маркизу Маруцци для приобретения эстампов. Кабинет ЕИВ 1772 г.

[16] *Maltezou Ch*. Op. cit. P. 171.

[17] АВПРИ. Ф. 41/3. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 32–34 об.; Сб. РИО. Т. 87. СПб., 1905. С. 43–48. Официально дипломатические отношения между Венецианской республикой и Российской империей были установлены только в мае 1782 г., хотя отправка венецианского представителя в Санкт-Петербург задержалась до 1783 г. В летописи Библиотеки Академии наук от 5 ноября 1885 г. отмечено: На заседании Общего собрания академик Я.К. Грот доложил, что директор «Музея Коррер» командор Барощци (Венеция) передал ему для Академии переписку маркиза П. Маруцци (посол Екатерины II в Венеции) с разными государственными лицами той эпохи.
[18] *Cessi R.* Confidenze di un ministro russo a Venezia nel 1770 // Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Tomo LXXIV. Parte II. 1914–1915. P. 1575.
[19] АВПРИ. Ф. 41/3. Оп. 1. Д. 34. Л. 54.
[20] *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2013. С. 59.
[21] Там же. С. 243.
[22] АВПРИ. Ф. 2–6. Внутренние коллежские дела. Цит. по: *Смилянская И.М.* Истоки средиземноморской политики. М., 2000. С. 94.
[23] Там же. С. 253.
[24] Сб. РИО. Т. 1. СПб., 1867. С. 10–11.
[25] Там же. Т. 10. С. 416.
[26] БРАН ОР. FN 35.
[27] *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Указ. соч. М., 2013. С. 57.
[28] *Андросов С.О.* Русские заказчики и итальянские художники. СПб, 2003. С. 202.
[29] Там же. С. 213.
[30] *Стадничук Н.* Ангелика Кауфман и Павловск // Павловск. Императорский дворец. Страницы истории. СПб., 1997. С. 347–350.
[31] АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 142.
[32] В зданиях Прокураций размещались прокураторы – «отцы города», отвечавшие за управление государством. Старые Прокурации (Procurate Veccia) были построены в 1480–1517 гг. архитектором Мауро Кодуччи. Эти образцы раннего Возрождения представляют собой трёхэтажное длинное здание с двумя рядами лоджий. Пятьдесят ажурных арок первого этажа отведены под разнообразные магазины. Строительство Новых Прокураций (Procuranie Nuove) началось в 1586 г. и было завершено в XVII в. (архитектор Скамоцци). В застройку площади Сан-Марко внёс свой вклад и Наполеон. По его указанию на месте старинной церкви Сан-Джеминиано было построено новое крыло Прокураций – Флигель Наполеона (Ala Napoleonica), служившее просторным бальным залом.
[33] Tassini. Curiosita Veneziane. Venezia, 1954. P. 447.
[34] О вилле Маруцци-Марчелло, см.: Ca Marcello, una nobile architectura. Bassano del Grappa, 1998. Tiozzo Cl. Alcune note sugli affreschi del Crosato a Ca Marcello di Levada.
[35] Архив князя Воронцова. Кн. 9, М., 1876. С. 7.
[36] Сочинения Павла Сумарокова: «Путешествие по всей Бессарабии и в Крым» (1799); «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (1803–1805); «Черты Екатерины Великой» (1819); «Прогулка за границу» (1821); «История Новгорода» (1815); пьесы: «Зелёный корсет» (комедия, Санкт-Петербург, 1805),

«Модник» (комедия, 1806), «Марфа Посадница» (драма, 1807), «Некоторые рассуждения о А.П. Сумарокове и начале российского театра» (1806), «Орлы и скворцы» (притча, 1806).

[37] Заслуги С.П. Сумарокова как военного и государственного деятеля мы приводим в основном по материалам: Русский биографический словарь. в 25 т. / Под наблюдением А.А. Половцова. СПб., 1896–1918.

[38] От этого брака Сумароковы имели трёх дочерей: Зинаиду (1827–1897), фрейлину, замужем за Московским губернатором генерал-лейтенантом князем А.В. Оболенским); Елену (1829–1901), замужем за генерал-адъютантом Ф.Н. Эльстоном, которому 8 сентября 1856 г. разрешено унаследовать фамилию Сумарокова и впредь именоваться как граф Сумароков-Эльстон), Марию (1830 или 1832–1902), замужем за сенатором обер-гофмейстером князем Н.М. Голицыным.

[39] Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 1998. С. 29.

[40] Некоторые современные исследователи и среди них представительница семьи Сумароковых-Эльстонов Зинаида Барк-Башкирова на основании собственных расследований и недавно обнаруженных документов, пришли к выводу, что родителями ребёнка были венгерская графиня Жозефина Форгаш и австрийский дипломат из окружения канцлера Меттерниха Карл Хугель.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РУССКОЙ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В 1760–1780-Х ГОДАХ

А.Д. Ивинский
кандидат филологических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Наиболее влиятельная концепция истории жанра торжественной оды была сформулирована Ю.Н. Тыняновым и Б.М. Эйхенбаумом, которые показали, что разрушение одического канона связано с развитием на рубеже XVIII в. и XIX в. салонной культуры карамзинского типа, культивировавшей литературные «мелочи», «салонные» и «домашние» поэтические формы и ироническую игру с «высокими» жанрами. Стремление освободить литературу от непосредственного влияния со стороны придворного сообщества, как полагали исследователи, привело к переносу на русскую почву европейских форм светского литературного быта. Поэт-дилетант вместо поэта-«певца», камерная альбомная лирика вместо «громкой» оды – такова, по мнению формалистов, эволюция русской поэзии в конце XVIII столетия[1].

В 2008 г. мы предприняли опыт пересмотра этой концепции. Тогда мы пытались доказать, что распад торжественной оды явственно обозначился ещё в начале 1780-х гг., не был связан с отходом от литературной культуры двора, а напротив, стал следствием сформулированной Екатериной II и княгиней Е.Р. Дашковой на страницах «Собеседника любителей российского слова» новой концепции литературного творчества[2].

Эта позиция также должна быть скорректирована: необходимо расширить рамки исследуемого материала. Особую роль в изменении статуса торжественной оды сыграл журнал Екатерины II «Всякая всячина». «Фелица» Г.Р. Державина стала не только и не столько началом нового периода русской литературы, сколько завершением старого – более чем двадцатилетних дискуссий о судьбе оды.

Ещё в 1760-е гг. русские литературные журналы начали писать о том, что панегирическая придворная поэзия деградировала, опустившись на уровень социальной патологии: главной особенностью похвальной оды стала грубая лесть в расчёте на поощрение. Вот одно из наиболее ранних суждений такого рода: «Естьли бы не столько было ласкательных стихотворцев и ораторов, то бы не столько было порочных и безбожных людей; а естьли бы не было хулителей и сатириков, то бы злоба и пороки ещё более умножились. <...> Большую часть похвальных и героических речей можно сравнить с ядовитыми ветрами, которые всё то, до чего ни дотронутся, заражают и портят. <...> Сказывают, что Перикл прежде всех ввёл в обыкновение в Афинах, чтоб говорить похвальные речи и сочинять стихи в прославление тех, которые во время войны жизнь свою за отечество потеряли. История доказывает, что говорённые сим хвалы достойным умершим героям речи были весьма полезны, потому что оставшие тем поощряемы были вступать в стези оных. Похвальная речь Плиниева цесарю Траяну может быть почтена для той же причины за полезную, потому что сей цесарь всю приписуемую ему в оной похвалу заслужил. То ж самое можно сказать и о прочих героических историях и похвальных стихах, когда оными другие к добродетели и храбрости побуждаемы и поощряемы бывают. Но сие полезное учреждение пришло ныне от таковых ласкательных духов в упадок. Ибо почти в обыкновение вошло всякого без разбору хвалить, так что бывшее прежде награждением добродетели ныне поощрением к порокам сделалось»[2].

Проблема искренности поэта отнюдь не была единственной. Претензии вызывали и формальные особенности жанра – те приёмы, которые были доведены эпигонами до абсурда и которые утомили читателей напыщенностью и пустотой. Одописцы «бредят», они забыли о «разуме», в результате, вместо настоящей литературы мы видим «парнасскую богадельню»: «Разум в глубокой задумчивости пребыл; но вторичным стуком в новое удивление приведён был: стремящаяся ода упала с стула и помощи просить начала. “Что с тобой сделалось?” – поднимая, спрашивал разум; “о чародейство, – вскричала она, – тот облак, в котором я по воздуху носилась, вдруг поднялся выше, а я, упав оттуда, чуть совсем не расшиблась”. “Где ж воздушный конь твой?” – спрашивал разум. “Разве ты не видишь, – вскричала

ода, – что Эол его за пазуху прячет? Я бы задушилась там, когда б Музы мои меня оттуда не освободили". "Нет, я ничего не вижу, – ответствовал разум, – но мне кажется, и ты в жару бредишь, ссылаясь на разум, будто он тебе велит аорт небу и по облакам таскаться; я уверяю тебя, что разум этаких бредней совсем не знает, ты на него лжёшь; за сие отнимаю у тебя способность к произношению слов, пусть будут и разговоры так же, как сочинении твои, мрачны, вперёд на разум не ссылайся и не говори, что он с небом возиться тебя заставляет". Ода онемела, а разум, взглянув на разбросавшиеся по полу поэмы и видя, что ни в одной почти нет ни существа, ни дыхания, продолжал путь свой далее. <...> Вышед из стихотворной пропасти, стал было разум заклинаться, чтоб искоренить всю сию Парнасскую богадельню…»[4].

Дискредитация оды была лишь симптомом, «больной» признавалась вся современная словесность. Так, одно из общих мест русской журналистики 1760-х гг. – рассуждения о падении качества литературной продукции**.** При этом «новая» литература противопоставлялась «старой»: если раньше авторы были просвещённы, то теперь – невежественны. Особенно показательна в этом контексте издевательская статья в «Свободных часах», высмеивающая интеллектуальное убожество современных сочинителей: «Удивлялись остроумию Есопову, кротости Сократовой, глубокомыслию Ликургову, но удивлялись тогда, когда разумнее их не было. Воскресните ныне, древние мудрецы, воскресните, я повторяю. Устыдитесь вы ложной славы, которую от поздних своих потомков приобресть надеялись: увидите вы неподражаемых ораторов, стоящими пред хитрыми прелестницами на коленях или в весёлом собрании не умолкающих целые ночи; увидите нелицемерную кротость в людях, которых и царство небесное не прельщает, и ад не страшит; увидите глубокомыслие и хитрость в приказных крючках и, наконец, в откупщиках – остроумие. Словом сказать, ныне весь свет наполнен философами, риторами, критиками, которые и, не читав книги, толковать о ней не стыдятся, и, не знав русского языка, о русских авторах бредят. Что всего чуднее, прежде стоило великого труда и многого времени сделать учёным и доказать свой разум. <…> Сделаться разумными нам больше не надобно, как прочесть несколько французских романов, …а иногда… довольно с нас

одного французского камердинера да парижской кареты, а всего лучше способность говорить не краснея всё, что в мысли приходит. Вот тайна, чем разума, остроту и великость духа нынешние мудрецы почерпают!»[5].

Выход из кризиса нашла «Всякая всячина». Именно журнал Екатерины II сформулировал новую программу развития русской литературы[6]. Один из основных её постулатов – отказ от приёмов традиционной риторики. «Старая» литература, одним из символов которой стала ода, демонстративно отвергалась: «Боюсь писати, чтоб и мне не попасть в такие, которые говорят: из Голландии в Лондон ездил верхом; орёл так высоко летает, что от солнца крылья загораются[7]; однако не прогневайтесь, государи мои, я у Поэзии в гостях не бывал, да и не знаю, кто она такова, а про риторику и не спрашивайте; только читывал в книжках, будто они девицы, да и сёстры»[8]. Кроме того, она признавалась скучной, неприличной и смешной, потому что приводила к «чернилопролитным дракам» гордых педантов: «При том же мне, как я ещё был маленькое деревце, да и теперь весьма не велико, сказывали: кто де с ними познакомиться, то сделается великий забияка, да такий, что чуть ли и в могиле не станет браниться, в чём я более всего уверен близ меня живущим соседом, который с ними в тесной дружбе пребывает, летами же старее Ладожского озера; однако, несмотря на то, такой сердитый, что меры нет. Лишь только кто придёт к нему, да хоть чуть не поглянется, так тотчас пришлёт что-то такое прочесть, от чего чтущий зазевается. Да и много таких забияк: для того-то и знаться с ними не хочу; боюся, чтоб и мне не сделаться таким же. <…> При том же кажется такие люди и вредны, а годились бы они тогда, когда вместо пушечной и ружейной драки дрались перьями да чернилами; да и то, чтоб их было немного, а как будет много, так сделают междуусобную чернилопролитную драку, от которой никому покоя не будет. <…> Вместо грома слышен бы был треск перьев, вместо летящих ядер и пуль летели бы картечи чернильные»[9]. Редакция «Всякой всячины», таким образом, подчёркивала мысль о бесполезности такой словесности. Ту же идею находим в эпиграмме «Совет». Центральным в этом тексте является образ «бумагомараки», графомана, который вместо того, чтобы честно служить отечеству, продолжал сочинять бездарные вирши:

Полезно тем трудиться,
Чей труд для общества годится.
А мой приятелю совет:
Оставь другим перо, коль в нём удачи нет:
Престань работать боле,
И дней не трать.
Российский Марс уж в поле,
И собрал рать
Противников карать.
Спеши туда, доколе
По долгу не пошлют служити по неволе[10].

Не менее показателен и «ответ» незадачливого автора. Он понимает, что сочинительство – болезнь, которую он не способен вылечить. Здесь же мы сталкиваемся с темой «поэзия и деньги», которая стала чрезвычайно популярной в русской журналистике 1760–1770-х гг.[11]:

Я вижу это сам, сколь мучится душа;
Без барыша,
И времени напрасна трата:
Не я виновен в том, а склонность виновата!
Не знаю, чем влекусь ко прозе и стихам?
Конечно по грехам[12].

«Новая» литература строилась как имитация «лёгкой», «приятной», непринуждённой беседы с читателем; см., напр.: «Любезный читатель, предприял я сообщить вам всё то, что мне за благо рассудится, без всякого порядка. Иногда дам вам полезные наставления, иногда будете смеяться, будут и такие времена, в которые ожидаю от вас удивления, так же и попреканий, но на сии последние воистину не буду глядеть»[13]. Авторы не должны чувствовать скованность какими-либо жанровыми или стилистическими ограничениями: «...осталося сказать… о том, что я писать вознамерился? Того ещё и сам я не знаю, скажу только, что я писать буду то, что я захочу и что мне понравится. <…> Буду писать и то, что со мною некогда случалося или впредь случится и что случалось и случаться будет со другими. Словом, писать буду всё, что по времени и случаю на мысль мне попадётся»[14]. Как следствие, должно было измениться отношение

и к языку литературы. Во «Всякой всячине» был сформулирован важнейший для всей русской литературы, по крайней мере, пятидесяти последующих лет принцип «писать, как говорят»: «…я ни высоких мыслей, ни остроумных слов и никаких витиеватых силлогисмов не выбирал, а пишу самым простым штилем, которым обыкновенно говорят да при том наблюдаю ясность и справедливость»[15].

«Всякая всячина» мыслила себя «учебником» savoir-vivre[16], поэтому в ней не было места грубости, резкости, «критике» или сатире. Учёности (или псевдоучёности), дидактизму и морализаторству, которые якобы были свойственны традиционным одам или трагедиям, была противопоставлена идея «лёгкой» словесности, ориентированной на нормы светского салонного разговора и рассчитанной на утончённый вкус придворной дамы[17]. Места старой традиционной оде здесь не было. Эта литературная программа, сформулированная на страницах «Всякой всячины» и других журналов 1760–1770-х гг., была реализована в «Собеседнике любителей российского слова». Автором же новой образцовой оды стал Г.Р. Державин.

Примечания

[1] *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 264–265; *Эйхенбаум Б.М.* Мой временник. Маршрут в бессмертие. М., 2001. С. 63, 86.

[2] *Ивинский А.Д.* Торжественная ода и литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей российского слова» // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 67. № 5. М., 2008. С. 62–67. См. также: *Клейн Й.* Истина и искренность в панегирической поэзии Державина // XVIII век. Сб. 27. Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 206–219.

[3] Праздное время, в пользу употреблённое. СПб., 1760. Ч. I. С. 17–18.

[4] Полезное увеселение. М., 1760. С. 147–148, 155.

[5] Свободные часы. М., 1763. С. 59–61; ср.: «Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять также легко, как продавать снурки, серьги, запонки, напёрстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях, и меняют оные на лапти и яицы, но они обманываются. …чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; всё сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки, не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель. По нещастию, нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продаёт: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка» (Пустомеля. Сатирический журнал. 1770. М.,

1858. С. 10–12); см. также: «…ныне де все пишут, у кого здорова правая рука, и есть перо, чернила и бумага. Да я не знаю, говорил я, ни правописания, ни составления речи. Вот какой шут, сказал он, я шесть лет мараю бумагу, а не знаю правописания, а что такое составление речи, о том и не слыхивал, однако ж было такое время, что и мои сочинения хвалили» (Смесь. СПб., 1769. С. 100); «…кто только умеет перо в руки взять и водить им по бумаге, то и тот уже стремится выдавать маранье своё в печать» (И то и сё. СПб., 1769. 18 лист. С. 6); «Пегас от начала света был только один и употребляли его великие люди, то есть великие стихотворцы, но ныне умножилося слишком стихокропателей, а Пегас им не служит, того ради надлежит сделать заводы особливые для Пегасов, от чего разбогатеть можно всякому…» (Там же. 29 лист. С. 7); «Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и всё, что им вздумается…» (Пустомеля. Сатирический журнал. 1770. М., 1858. С. 19); «Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы почитают за стыд» (Там же. С. 88–89); «Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую к Парнасу дорогу; по их мнению, надлежит только знать, что мужеской стих в 12, а женской в 13 стоп; а потом в неделю сделаться можно стихотворцем, и трагическим, и комическим…» (Трутень. СПб., 1769. С. 38–39); «Некоторым сочинителям не знания и не науки, но одно слепое щастие доставило титул людей разумных и учёных. <…> От сея робости и раболепствия нашего набилось их столько на Парнас, что по последней ревизии оказалось более ста тысяч человек» (Парнасский щепетильник. СПб., 1770. С. 4, 5); «Ты говоришь: вить другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне…» (Живописец Н.И. Новикова. СПб.: 1864. С. 7); «…мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а ещё и паче во словесных» (Там же. С. 33).

[6] Об этом см.: *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей российского слова». М., 2012.

[7] Ср., напр., ломоносовскую «Оду блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года»: «Орёл когда шумя летит // И там парит, где ветр не воет; // Превыше молний, бурь, снегов // Зверей он видит, рыб, гадов» (*Ломоносов М.В.* Сочинения / С объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. СПб., 1891. Т. 1. С. 18).

[8] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 177. Одическая стилистика становится объектом ироничного обыгрывания в своеобразном редакторском предисловии к изданию; авторский восторг здесь обернулся всего лишь сном: «О год, которому прешедшие и будущие будут завидовать, если чувства имеют! Каждая неделя увидит лист; каждый день приготовит оный. Но что я говорю? Мой дух восхищён до третьего неба: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя всякой всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети: будут и уроды её место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною

рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение всякой всячины за руку ведут. Но пора мне проснуться» (Всякая всячина. СПб., 1769. С. II–III). См. также: «Какая мне нужда в красоте слога: провались красноречие, ядом льсти наполненное! Я ненавижу тех красноречивых рассказчиков, которые, обольщая слух, обманывают нас…» (Живописец Н.И. Новикова. СПб.: 1864. С. 43). В этом контексте становятся понятны выпады против В.П. Петрова: «Мне кажется, потому, что у нас почти все к новостям охотники. У него разум а-ла-грек. Сия мода, служащая прежде к украшениям поверхностей, давно кончилась; и так бестолковые начали оною прикрашивать внутренние свои дарования и выкривлять свой умок то вверх, то вниз, то в ту, то в другую сторону на подобие а-ла-грека. Некоторый господин пуще всего избаловал известного вам умника, сказав, что он больше имеет способностей, нежели славный наш лирик. Но я смело скажу: дай Боже, чтоб сей господин мог порядочно разуметь сего лирика, не только определять цену его знанию и его аттестовать; по-моему, сходнее сказать, что муха равна со слоном, нежели сравнять нескладные и наудачу писанные его сочинения с одами славного нашего стихотворца» (Смесь. СПб., 1769. С. 132).

[9] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 177–178. Ср. «Будучи охотник до издаваемых в нынешнем годе разных сочинений и покупая их с самого начала, с великим удовольствием читал оные, и могу сказать по справедливости, что находил в них разум, вкус и полезность; но ныне увидел в них сверх чаяния моего совсем неприличную таким сочинениям междуусобную ссору, которая в нас от приятного чтения оных великое произвела отвращение…» (Там же. С. 97).

[10] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 187.

[11] Наиболее афористично эту мысль высказал М.Д. Чулков. По его словам, ода – самый «дешёвый» и никчёмный жанр: «Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды, // Причина такова, что оные уроды, // Ни смысла доброго, ни правильных стихов, // Ни должной похвалы, ниже завистных стров, // С начала до конца в сложеньи не имеют, //И денежку давать за оных мне жалеют; //Что ж дёшево мои стихи я продаю, // Так знайте все, что я без мерки их крою» (И то и сё. СПб., 1769. 22 лист. С. 4.). Ср. также: «На прошедших днях, а в которое точно время, того не упомню, приехала ко мне богатая боярыня, в великолепной карете на двор она взъехала, а на крыльцо и в горницу благоволила войти пешком. …говорила мне так: Государь мой, у меня умерла постельная моя собачка. <…> Приехала я к тебе, продолжала она, просить, чтоб ты сделал мне самую плачевную елегию, которая бы не только меня, но и всякого читателя тронуть могла. В ней ты опиши начальное происхождение прелестной той собачки. <…> Потом изъясни, как она прыгала, резвилась и скакала для моего увеселения, опиши всё это ясными словами, а в уплату за сие обещаю тебя довольствовать весь твой век чернилами и бумагою» (Там же. 42 лист. С. 6–7); «Я из числа желателей денег; того ради и прозою и стихами стараюся неусыпно достать оные, однако думаю, что они зареклись ни с востока, ни с запада, ни с севера, ни с юга и, словом, не идут ко мне ниоткуда. Прозаиком был я беден, попробую пожить стихотворцем» (Там же. 16 лист. С. 1–2); «…не имею ли я справедливой причины ненавидеть Муз, Аполлона и всего Парнасса, от которых произошло всё моё несчастие. Я их любил и любил бы завсегда, естьли бы они несколько были побогатее, а иногда приходит на меня и такое время, что я бы весь Парнасс с Музами

и с Аполлоном продал за полтину, но та моя беда, что ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки. По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская архива, но за всё сие получил не больше, как на одну только провизию для утоления моего алча, следовательно, не имею теперь ни одной копейки…» (Там же. 48 лист. С. 3).

[12] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 187.

[13] Всякая всячина. СПб., 1769. С. IV. Ср. также: «Я сам себя поздравляю, что мне судьбина определила говорить с вами, любезные мои сограждане, целый год. Но как всякая вещь должна быть взаимна, и я свою работу не почитаю вам быть епитимьею или наказанием, то и вас поздравляю, что вы со мною будете иметь дело: а для чего? Вы увидите из моего сочинения. Я давно читал, что весьма прилично писателям, не все прописывая, оставлять кое-что на острую догадку читателям: и для того прощайте на сей случай» (Там же. С. III); «Просил бы я вас (публику. – *А.И.*) сделать изъятие для нашей обоюдной пользы, но ведаю, что моя просьба будет тщетна…» (Там же. С. V) и мн. др.

[14] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 428. Ср.: «Сей человек признаётся, что он пишет для того, чтобы писать» (Там же. С. 381); «Я пишу то, что вижу и ни мало не пекусь о успехе моего издания» (Смесь. СПб., 1769. С. 119); «Я пишу единственно только для одного увеселения и другого намерения не имею, ибо сил моих к тому не станет, не требую похвалы и за славой не гоняюсь для того, что я их недостоин, а желаю, чтоб получил их тот, который мыслит о себе, что он приносит сочинениями великую пользу отечеству» (И то и сё. СПб., 1769. 9 лист. С. 8); «Мы, благодаря Бога, насущный хлеб имеем, и пишем для того, что нам писать очень захотелось» (Вечера. Еженедельное издание на 1772 г. Ч. 1. М., 1788. С. 6); «Не должно таковых Пиитов ставить рядом, // Которы для своей забавы лишь поют, // С такими, кои петь примаются с подрядом, // И свой бездельный труд, как лапти продают» (Там же. С. 77).

[15] Всякая всячина. СПб., 1769. С. 259.

[16] В редакцию журнала обращались те, кто хотел научиться правильно вести себя в свете: «Может быть, оному причиною то, что я в ребячестве рос без руководства, а в молодости судьбою был определён, оставя свет, избрать жизнь уединённую; следовательно, не было мне нужды прилепляться к науке, как жить между людьми; но понеже всё подвержено переменам, переменилося время, переменились и мои обстоятельства. Я сделался теперь жителем Петербургским: вы из того легко заключить можете, что я живу в большом свете, но признаюся, что многого не знаю, что должно знати для светской жизни: и для того хотя не обо всём, чего не знаю, однако о некоторых вещах спросити вас намерен» (Всякая всячина. СПб., 1769. С. 210–211). Об этом подробнее см.: *Ивинский А.Д.* «Наука жить между людьми»: о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 16: Феофан Прокопович и русская литература. От предклассицизма до предромантизма. Самара, 2013. С. 207–216.

[17] Всякая всячина. СПб.,1769. С. 192.

РУССКО-СЕРБСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

И.И. Лещиловская
доктор исторических наук
Институт славяноведения РАН (г. Москва)

В 60–70-х гг. XIX в. Балканы охватил Великий кризис. В эти грозные события были вовлечены славянские народы и Россия.

Логика событий усилила тяготение сербов к России. Во второй половине XIX в. значительно расширились их гуманитарные связи. Это было время разностороннего развития сербской литературы: появления второй волны романтизма в поэзии, связанной с нерешённостью задач национально-освободительной борьбы, и одновременно – становления и развития сербской реалистической прозы с вбиранием на начальной стадии опыта Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, а позднее – Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского[1].

Русско-сербские культурные связи переживали обновление. Оно проявлялось, в частности, во включении сербской литературы в культурное пространство России. Речь идёт о переводах русскими поэтами произведений сербских авторов на русский язык.

Переводы сербских народных песен появились в русских журналах вскоре после выхода фольклорных сборников Вука Караджича. В 1838 г. журнал «Современник» в связи с переводом Касторским сербских народных песен писал: «Когда представим в мыслях всеобщее стремление к разрабатыванию всех отраслей литературы народной, когда сообразим, сколько из сокровищ единоплеменного с нами народа можно заимствовать свежих красок для оживления исторических или поэтических лиц и характеров их – тогда на его труд не иначе уже смотреть можно, как на явление самое своевременное и удовлетворяющее вкусу всех и каждого»[2]. Это было признанием важности и ценности переводов сербской народной поэзии для самой русской литературы.

Переводы на русский язык произведений высокой сербской литературы началось во второй половине XIX в. Это были прежде всего стихотворения Бранко Радичевича.

Бранко Радичевич (1824–1853) родился в городе Славонски-Брод. По окончании гимназии в Темишваре он переехал в 1843 г. в Вену, где изучал право, а затем медицину, но не закончил обучение. В Вене он вошёл в литературный круг Вука Караджича. Сербская народная поэзия, труды и личное знакомство с Вуком с одной стороны, и немецкая романтика – с другой, оказали решающее влияние на его творчество. При жизни Б. Радичевича было издано два сборника его стихотворений (1847, 1851), а третий – в 1862 г. был напечатан посмертно[3].

В 1871 г. в Петербурге вышла книга Н.В. Гербеля «Поэзия славян». Автор издания был известным поэтом-переводчиком, близким кругу журнала «Современник». Среди множества славянских поэтов Н.В. Гербель упомянул Бранко Радичевича и поместил в сербском переводе его стихотворение «Девушка у колодца», написанное Б. Радичевичем в 1843 г. Переводчик остановил внимание на одном из лучших стихотворений сербского поэта. Н.В. Гербель предварил публикацию следующими словами: «Имя Радичевича есть одно из самых любимых и знаменитых имён новейшей сербской литературы. Стихотворения его отличаются богатством фантазии и чувства, лёгкой и музыкальной формой и прекрасным сербским языком (он пишет на банатско-сремском наречии); направление его вполне народное – и потому его можно смело назвать представителем новейшей школы сербских поэтов. В 1847 году вышел его прекрасный перевод “Вильгельма Телля” Шиллера; в том же году был напечатан 1-й том его стихотворений, а второй – в 1851 году. Радичевич скончался в 1853 году»[4].

Н.В. Гербель был большим знатоком английской и немецкой преромантической и романтической поэзии. Он выступал с переводами Байрона и Шиллера и других европейских знаменитостей, и потому представляются весьма значимыми данная им оценка творчества Б. Радичевича и определение его места в истории сербской литературы.

Версия Н.В. Гербеля стихотворения «Девушка у колодца» выглядит следующим образом:

Как вчера я здесь стояла,
Из колодца воду брала,
Добрый мóлодец ко мне
Вдруг подъехал на коне,

И сказал: «душа-девица,
Одолжи испить водицы!»
Эти речи – не таю –
Грудь поранили мою.
Я на парня посмотрела
И кувшин подать хотела,
Но он выпал из руки
И разбился на куски.
Черепки его поныне
Здесь валяются в долине:
Где же парень молодой?
Если нынче предо мной
Он появится – я снова
Свой кувшин разбить готова.

Н.В. Гербель передал лёгкость и певучесть стихотворения, радость жизни в нём. В его основу был положен так называемый «бродячий мотив» в литературе. Не случайно оно привлекло внимание и другого русского переводчика.

Серьёзное внимание сербским сюжетам придавалось в журнале «Век». Как говорилось в рекламе, это был «Ежемесячный литературный, учёный и политический журнал (с отделами – славянским и историческим)». Журнал выходил в Петербурге, его издателем-редактором был известный юрист М. Филиппов. В этом издании в 1882 г. в переводе Н.П. была напечатана элегия Б. Радичевича, написанная в 1845 г. В ней автор выразил предчувствие приближающейся смерти. Поэт прощался с жизнью:

Лес пожелтел, уныло увядают
Последние листы и на земь опадают,
И не увижу я, как с новою весной
Леса оденутся зелёною листвой.
Потухли очи; побледнело
Моё лицо, ослабло тело,
И смерть зовёт меня к себе,
Прости, о, жизнь! Ты – сон прекрасный…
Прости, земля! Ты – светлый рай…
Прости, заря, свет солнца ясный, –
Я ухожу в далёкий край!

Радость и печаль, жизнь и смерть естественно сосуществовали в лирике Б. Радичевича.

В 1894 г. в Москве вышел сборник стихотворений Леонида Николаевича Трефолёва. Автор поместил в нём перевод стихотворения Б. Радичевича «Ой, Морава». Л.Н. Трефолёв был мало известным в своё время поэтом. Он посвятил своё творчество народу, был признан М.Е. Салтыковым и Н.А. Некрасовым, печатался в «Отечественных записках» и других прогрессивных журналах. Принадлежавшие же ему песни – о комаринском мужике, «Дубинушка», «Ямщик» и др. – получили широкое распространение, стали подлинно народными и утратили имя автора. Л.Н. Трефолёв проявлял интерес к родственным славянским литераторам[5].

Стихотворение Б. Радичевича «Ой, Морава» было опубликовано посмертно. Оно привлекло Л.Н. Трефолёва своей народностью. Стихотворение начиналось словами:

Ой, Морава-реченька, ты к чему б годилась,
Если бы по Сербии милой не струилась?
Серб, мой брат страдающий, для чего годится,
Если сердце храброе в нём не станет биться?

В песне Морава-реченька и сербское небо слилось в сердце поэта в целостный художественный образ родины, но концовка песни различается в переводе и оригинале. Л.Н. Трефолёв закончил её словами:

Небо моё сербское, родина святая!
Для тебя сложилася песенка простая.

В оригинале песня завершается иначе:

Што ћеш песмо, што ћеш срце мое,
Далеко је ведро небо твоје.

Это можно перевести так:

Что ты хочешь, песнь моя, и что хочет сердце?
Далёкое ясное небо твоё.

Мы видим уже не простенькую песню, а недосягаемую мечту поэта о светлом будущем.

Богатством славянского материала отличались «Славянские известия» – издание Санкт-Петербургского славянского благотво-

рительного общества. Редактором журнала был известный славист В.Н. Кораблёв. В журнале печатались видные славянские писатели, учёные, общественные деятели. Регулярно в нём помещались переводы славянской поэзии на русский язык.

В начале XX в. в «Известиях» было опубликовано несколько стихотворений Б. Радичевича в жанре любовной лирики. Их перевёл Н.Н. Нович. Это был псевдоним Н.Н. Бахтина. Кроме нового варианта стихотворения «Девушка у колодца», здесь были напечатаны «Ранний путник», «От ночи до ночи», «Шалость». Увидело свет в русском переводе также отмеченное юмором стихотворение «Воздушные замки», по существу – сон рыбака.

В период с начала 70-х гг. XIX в. и до первых десятилетий XX в. поэзия Б. Радичевича была представлена в русских переводах в разных жанрах, дающих представление о творчестве сербского поэта. В этих переводах Б. Радичевич выступает прежде всего как лирик, хотя в его творчестве были и эпика, и сатира. Его поэзия – это сложный мир чувств, в котором присутствуют жизнь и смерть, гражданское начало, любовь, анимистическое восприятие природы, юмор, народно-песенные мотивы.

Примечания

[1] *Лещиловская И.И.* Сербская культура XVIII–XIX вв. в послевоенной советской и современной российской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПБ., 2010. С. 34.

[2] Сербские народные песни. Переложены с сербского М. Касторским [Рецензия] // Современник. 1838. Т. XI. С. 96.

[3] *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 1983. С. 315.

[4] *Гербель Н.В.* Поэзия славян. СПб., 1871. С. 283–284.

[5] *Айзеншток И.* Л.Н. Трефолёв // Трефолёв Л. Стихотворения. Л., 1949.

ОБРАЗ КНЯГИНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Е.В. Пчелов
кандидат исторических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В сборнике XIX Международных Дашковских чтений «Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: культурное наследие и современность», увидевшем свет в 2014 г., была опубликована статья московской исследовательницы Л.Я. Таёжной «Княгиня Е.Р. Дашкова в исторической картине А.Д. Кившенко: к исследованию вопроса» (С. 272–277). В этой статье автор останавливается на картине А.Д. Кившенко «Ломоносов показывает Екатерине II в своём рабочем кабинете собственные мозаичные работы», где изображено посещение Екатериной Великой М.В. Ломоносова у него дома вместе с группой придворных, среди которых присутствует и Е.Р. Дашкова. Точно указан год создания этого произведения – 1880 г., хорошо видный на его воспроизведениях рядом с подписью художника. Отмечается, что картина была написана во время пенсионерской поездки А.Д. Кившенко за границу, куда он был отправлен Академией художеств в качестве поощрения после написанной им картины «Военный совет в Филях»[1]. Иными словами, «ломоносовская» картина А.Д. Кившенко датируется временем после написания знаменитого «Военного совета…». Продолжая эту тему, необходимо внести ряд дополнений и уточнений.

Прежде чем обратиться к произведению А.Д. Кившенко, хотелось бы обозначить контекст русской исторической живописи, в которой присутствуют изображения княгини Е.Р. Дашковой. Таковых, во всяком случае, при первом рассмотрении, оказывается три.

Все эти произведения созданы в 1870–1880-х гг., то есть в эпоху большого подъёма русской исторической живописи, в которой возобладало в это время стремление к правдивому (а не постановочно-театрально-фантазийному) изображению исто-

рической действительности. У истоков этого направления стояли выпускная академическая картина П.П. Чистякова «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Тёмного» (1861) и серия исторических картин В.Г. Шварца 1860-х гг., посвящённая русской истории эпохи Московского царства. Далее последовал настоящий расцвет русской исторической живописи, когда художники создавали реалистические произведения, пытаясь соблюсти историческую достоверность. Его вершинами стали картины В.Г. Перова «Никита Пустосвят. Спор о вере» (1880–1881), И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван» (1883–1885), В.М. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880) и серия масштабных исторических полотен В.И. Сурикова, писавшаяся с конца 1870-х. Далее в русской исторической живописи сформировались уже новые стили и направления. Именно в контексте этого «исторического реализма» и появились картины на сюжеты из эпохи Екатерины Великой, в которых присутствует Е.Р. Дашкова.

Надо сказать, что во всех случаях Е.Р. Дашкова не предстаёт в этих произведениях в качестве самостоятельной фигуры. Она всегда сопровождает императрицу. При этом авторы подчёркивают особую близость княгини к государыне, Екатерина Романовна или единственная её сопровождающая, или стоит к ней ближе, чем другие придворные. Эмоционально Е.Р. Дашкова разделяет настроения императрицы, однако, привносит в общую сюжетную интерпретацию свои черты.

Первая из рассматриваемых картин была написана знаменитым художником Николаем Николаевичем Ге (1831–1894) в 1873 г. (экспонировалась на выставке передвижников в январе 1874 г.). Ей, разумеется, предшествовала большая подготовительная работа. Это полотно называется «Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы» (хранится в собрании Государственной Третьяковской галереи, дар в 1911 г. великой княгини Елизаветы Фёдоровны и великой княгини Марии Павловны младшей, до этого картина находилась в коллекции великого князя Сергея Александровича)[2]. Картина была создана в период обращения Н.Н. Ге к сюжетам из русской истории – 1871 годом датируется другое знаменитое полотно художника «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (также Государственная Третьяковская галерея).

Обе картины роднит тема противоположности, противостояния, только в «Петре» это противостояние выражено открыто, а в «Екатерине» – опосредованно (по-видимому, в этом же ключе Н.Н. Ге предполагал осуществить и нереализованный замысел картины об Алексее Михайловиче и патриархе Никоне). Сам Н.Н. Ге признавался: «Мне хотелось изобразить здесь рознь между Екатериной II и Петром III»[3]. Как писал В.В. Стасов, «Теперь он опять пробовал изобразить два противоположных мира, какие-то две диаметрально не сходящиеся точки, разделённые пропастями и десятками тысяч вёрст, зенит и надир, как он это всегда любил (подумайте только: Христос – и Иуда; Пётр I – и царевич Алексей; нынче Екатерина II – и Пётр III)»[4]. Сюжетом стало присутствие Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны у гроба Елизаветы Петровны, в котором проявились разные модели поведения – если Пётр III появлялся крайне редко (по свидетельству Е.Р. Дашковой), шутил с дамами, высмеивал священников и придирался к обмундированию офицеров, то есть вёл себя неподобающим случаю образом («позорно», как охарактеризовала это поведение сама Екатерина II), то императрица, напротив, почти ежедневно приходила к гробу в глубоком трауре и в слезах для совершения молитвы, как бы демонстрируя неподдельную скорбь и подчёркивая верность православным, народным традициям. Именно это противопоставление и должно было стать основой для сюжета картины (в реальности, однако, получилось по-другому). Как отмечал известный искусствовед Э.Н. Арбитман в своей монографии о Н.Н. Ге, «Картина… изображает Екатерину, которая медленно, с неопределённой улыбкой на устах, направляется к гробу Елизаветы. Стены и пол комнаты затянуты чёрным сукном. Светом канделябра залит лейб-гвардеец, отдающий честь Екатерине. В раскрытую дверь виднеется Пётр III и группа сановников. Смысл происшедшей встречи двух враждебных дворцовых партий выражен во взгляде молодой фрейлины Дашковой, на лице которой словно написано: “Погодите, скоро придёт наше время”»[5].

Согласно верному наблюдению С.А. Экштута, в картине присутствуют три плана – на первом изображена Екатерина Алексеевна, на втором – княгиня Е.Р. Дашкова и лейб-гвардеец, и на третьем все остальные лица[6]. Фигура императрицы в траурном одеянии с лентой и звездой ордена св. Екатерины расположена в центре полотна.

Она ближе всего к зрителю, и таким образом именно императрица оказывается главным персонажем. Императрица вполоборота смотрит на зрителя, двигаясь вправо и вперёд. Ей противопоставлен Пётр III, одетый в светлый, серебристый костюм с андреевской лентой. Если Екатерина Алексеевна идёт вперёд, как бы навстречу зрителям, то император, напротив, удаляется. Его фигура занимает почти что самый задний план полотна. Он повёрнут к зрителю спиной и потому мы видим лишь его парик. Композиционно фигуры Петра и Екатерины расположены рядом, практически в центре полотна, но разделены дверным проёмом. Таким образом центральное пространство картины маркировано двумя главными персонажами. Они разделены стеной дверного проёма и противопоставлены – во-первых, самым ближним и самым дальним планами, во-вторых, уходящим и входящим движениями, в-третьих, поворотами фигур и голов к зрителю и от него, наконец, в-четвёртых, самим колоритом – светлым (праздничным?, радостным) серебряно-голубым и тёмным (траурным, печальным) чёрно-красным.

Примечательно, что пути Петра и Екатерины **расходятся,** но двигаются они в **одном** направлении – вправо. Только Пётр уходит, то есть движется назад, а Екатерина входит, то есть движется вперёд. В этом движении Н.Н. Ге изобразил сам ход истории, разворачивающийся в одной плоскости – слева направо: это как бы два вектора, идущие из одной точки разными путями. При этом император уходит вдаль, а императрица приближается к зрителю. Пётр уходит от гроба Елизаветы, то есть, казалось бы, идёт в будущее. Екатерина, наоборот, приближается к гробу, то есть обращается в прошлое. Но при этом движение Петра оказывается движением в прошлое, а движение Екатерины – движением в будущее. Это будущее и выступает перед нами на первом плане картины. Та общая «точка», откуда движутся и Пётр и Екатерина, обозначена в картине невидимым для нас источником света. При этом Пётр отдаляется от света, уходит в тень. Екатерина же, казалось бы, также движется в темноту – во мрак траурной залы, где стоит гроб с телом Елизаветы Петровны, однако здесь художник прибегает к новому световому эффекту. Зала освещена свечами канделябра, изображённого в правом верхнем углу картины. Этот источник света освещает лицо и фигуру Екатерины, оказывающейся тем самым как бы между двух источников света –

естественным (по-видимому) и искусственным. Тем самым движение Екатерины осуществляется не из света во тьму, а из света к свету, она как бы балансирует в своём скорбном трауре между световыми эффектами. Иными словами, её движение в прошлое (к гробу усопшей императрицы) оказывается движением в будущее. На пороге этого будущего стоит фигура гвардейца, буквально стоящего на пороге «скорбной залы». Показательно, что вся картина делится фигурой Екатерины на две части. Слева мы видим многофигурную композицию придворных Петра и Екатерины, справа – только лишь фигуру гвардейца. Отодвинутая часть занавеса, разделяющая эти части, открывает новую страницу истории, главным действующим лицом начала которой оказывается гвардеец – тем самым Н.Н. Ге демонстрирует сущность дворцового переворота, изображая его главную силу. Екатерина уверенно и величественно вступает в эту новую эпоху. Важное значение приобретает и тот факт, что, как установил С.А. Экштут, в фигуре гвардейца присутствует отсылка к образу Алексея Орлова[7] – собственно того, кто и закончил земную жизнь и историю Петра III.

Противостояние и противопоставление Петра и Екатерины Н.Н. Ге выразил не в отражении их поведения, а в их движении в пространстве картины и взаимном расположении в её композиции. Здесь нет и намёка на безутешную скорбь Екатерины, или на «позорные» действия её супруга. Напротив, фигуры и той, и другого представлены достаточно статичными (как и фигуры придворных) – они просто шествуют и более ничего. Но эффект противостояния достигается внутренним напряжением этих замирающих поз, как бы статично застывших в неприятии друг друга. Н.Н. Ге показывает, что именно с этого противостояния и начинается история царствования Екатерины. «Неопределённая улыбка на устах» Екатерины тем не менее придаёт её лицу выражение спокойствия, уверенности и некоторой надменности. Она гордо и твёрдо шествует вперёд, с холодным презрением бросая взгляд на зрителя. Она уже ощущает себя самодержавной императрицей. И в этом взгляде отражено всё будущее величие её царствования. Пётр же просто уходит прочь, как расшалившийся ребёнок, которого отсылают спать (как не вспомнить здесь знаменитых слов Фридриха Великого о его уходе с исторической сцены).

И Петра, и Екатерину сопровождают придворные. С.А. Экштут в своём исследовании идентифицирует главных из них[8]. Рядом с Петром восемь человек, за Екатериной следуют трое. Вернее, следует только Е.Р. Дашкова, а Н.И. Панин и К.Г. Разумовский просто обращены вослед ей. Екатерина Романовна выступает в качестве alter ego императрицы, а в композиции картины играет важную роль. Её фигура в траурном платье является одной из трёх доминант всей композиции, наряду с занимающей центральное положение фигурой государыни и изображённым в правой части картины гвардейцем. Если Екатерина однозначно занимает первый план картины, то княгиня и гвардеец – единственные фигуры второго плана. Они как бы уравновешивают левую и правую части картины. Если взгляд гвардейца обращён на Екатерину, то Е.Р. Дашкова смотрит в сторону Петра и его придворных. При этом её лицо изображено в профиль. Взгляд княгини С.А. Экштут называет «презрительным»[9]. Я бы охарактеризовал его скорее как взгляд гневный. Во всяком случае, он довольно-таки угрожающий, и можно согласиться с его характеристикой Э.Н. Арбитманом. Определённым образом вписывая княгиню в композицию картины, Н.Н. Ге показывает её важнейшую роль в перевороте 1762 г. Е.Р. Дашкова и гвардеец (за которым угадывается образ А.Г. Орлова) оказываются теми силами, которые собственно и осуществляют этот переворот. Такая трактовка событий вполне понятна, учитывая, что основными источниками для Н.Н. Ге послужили записки Екатерины и записки самой Е.Р. Дашковой.

Компоновка фигур придворных на картине также уравновешена. За императрицей следует Екатерина Романовна, а за ней – Н.И. Панин и К.Г. Разумовский. За Петром две дамы – графиня Е.Р. Воронцова и графиня П.А. Брюс, а за ними – граф М.И. Воронцов (дядя княгини). Таким образом компоновка фигур движущихся придворных выглядит почти зеркальной. При этом головы Екатерины Романовны и Михаила Илларионовича оказываются повёрнутыми практически в одну сторону. Две дамы, идущие вслед за Петром, и два кавалера, следующих за Е.Р. Дашковой, обращены в сторону своих августейших патронов. Всё это показывает блестящее мастерство Н.Н. Ге в построении продуманной композиции своих произведений. Итак, Е.Р. Дашкова оказывается тем самым персонажем, который собственно и соединяет два пути – путь Петра и путь

Екатерины, связывает два плана картины, будучи взглядом обращённой к Петру, а фигурой – к Екатерине. Как видим, в произведении Н.Н. Ге, оставаясь второстепенным персонажем, она играет важную и до некоторой степени самостоятельную роль.

Второе произведение, в котором изображена Е.Р. Дашкова – это уже упомянутая в самом начале картина А.Д. Кившенко. Следует сразу сказать, что это не картина, а рисунок. Во всяком случае, в списке работ А.Д. Кившенко, опубликованном в 1896 г. после его смерти, такой картины не значится. Зато значатся тридцать акварелей, представляющих сцены из русской истории, выполненные по заказу известного историка Сергея Егоровича Рождественского (1834–1891) для его издания «Отечественной истории». А.Д. Кившенко создал эту серию в течение зимы 1879–1880 г., а значит – ещё до начала своей заграничной командировки[10]. Среди сюжетов акварелей были и призвание варяжских князей, и «Иоанн III разрывает басму и велит казнить ханских послов», и «Марфу Посадницу и вечевой колокол везут в стан Иоанна III», и многие другие. Все эти акварели выполнены были скорее ученически, нежели высокохудожественно. На рассматриваемой акварели мы видим М.В. Ломоносова, демонстрирующего мозаичный портрет Петра Великого императрице в окружении придворных. При этом императрица сидит в кресле, а за ней стоят семь деятелей её царствования, причём все они устремили свои взоры на портрет Петра I. Некоторые исследователи полагают, что «часть императорской свиты выглядит индифферентно», в то время как все они на самом деле вполне увлечены происходящим. Только И.И. Бецкой не смотрит на портрет, поскольку рассматривает, держа в руках, очевидно кусок смальты, служащей материалом для мозаичных работ М.В. Ломоносова. За креслом Екатерины II по центру изображён Н.И. Панин, а по бокам от него П.А. Румянцев и Е.Р. Дашкова. При этом княгиня как бы нависает над фигурой откинувшейся в кресле императрицы, и она ближе других придворных стоит к М.В. Ломоносову. Художник показал, как Е.Р. Дашкова внимательно всматривается в работу Михаила Васильевича и слушает его объяснения. Она как бы устремлена вперёд, пытливым умом стремится понять мысли великого учёного и проявляет сосредоточенный интерес. А.Д. Кившенко передал в этой картине увлечённость Екатерины Романовны наукой, как бы

обозначив её будущий «административный» путь в этом отношении. Композиционно акварель А.Д. Кившенко также делится на две части: в левой – Екатерина II с придворными, в правой – М.В. Ломоносов с Петром I. Почивший гений Пётр Великий в сопровождении живого гения Ломоносова, создавшего его образ, взирает на свою наследницу Екатерину, окружённую целым сонмом своих «орлов». Екатерина II, Е.Р. Дашкова, М.В. Ломоносов и портрет Петра I составляют своего рода суть всей композиции – в этом качестве Екатерина II ведёт негласный диалог с Петром Великим, а княгиня – с М.В. Ломоносовым. Такое сопоставление опять-таки выделяет Екатерину Романовну из круга придворных и делает вполне самостоятельной фигурой в семантическом пространстве акварели.

Наконец, третье изображение Е.Р. Дашковой, причём снова в сюжете о посещении Екатериной II М.В. Ломоносова, мы видим на картине Ивана Кузьмича Фёдорова (1853–?), написанной в 1884 г. (находится в частном собрании). О жизни этого художника мало что известно. Картина «Императрица Екатерина II у М.В. Ломоносова» является, по сути, единственным относительно известным его произведением. В 1884 г. она экспонировалась на выставке Академии художеств, а в 1889 г. автор получил за неё звание художника первой степени. В отличие от акварели А.Д. Кившенко, И.Ф. Фёдоров показывает демонстрацию М.В. Ломоносовым Екатерине II физического опыта. Учёный почтительно склонился над прибором, объясняя его действие, а откинувшаяся в кресле государыня внимательно смотрит на эту демонстрацию. Из придворных императрицу сопровождают только два человека. Кавалер, идентифицировать личность которого кажется затруднительным (возможно, Г.Г. Орлов?), разглядывает в лорнет висящую на стене картину, совершенно безучастный к показу опыта. Стоящая за Екатериной II Е.Р. Дашкова, напротив, внимательно смотрит на М.В. Ломоносова. Здесь нет и тени пытливости, как на акварели А.Д. Кившенко, но есть спокойная и внимательная заинтересованность во взгляде и отчасти в позе. Княгиня выступает здесь тенью Екатерины II – они даже одеты в платья похожих светлых тонов. Но она, безусловно, занимает дальний план полотна, хотя, наряду с М.В. Ломоносовым и императрицей образует некоторый композиционный треугольник, в центре которого расположен физический прибор. Михаил Васильевич здесь предстаёт не как

художник (как у А.Д. Кившенко), а как учёный, а Е.Р. Дашкова вновь оказывается наиболее близкой сподвижницей великой императрицы, дамой, небезучастной к научной сфере.

Примечания

[1] *Таёжная Л.Я.* Княгиня Е.Р. Дашкова в исторической картине А.Д. Кившенко: к исследованию вопроса // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: культурное наследие и современность. М., 2014. С. 276.

[2] См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись второй половины XIX века. Кн. 1. М., 2001. С. 208–209 (№ 467); Николай Николаевич Ге. 1831–1894: К 180-летию со дня рождения / Государственная Третьяковская галерея. Автор вступ. ст. и сост. Т.Л. Карпова. М., 2011. С. 203 (№ 171).

[3] Цит. по: *Экштут С.А.* Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2003. С. 230.

[4] Цит. по: Там же. С. 254.

[5] Цит. по: Николай Николаевич Ге.

[6] *Экштут С.А.* Указ. соч.

[7] Там же. С. 244.

[8] Там же. С. 237–243.

[9] Там же. С. 242, 243.

[10] Работы Алексея Даниловича Кившенко. Сборник снимков с картин, рисунков и акварелей. Посмертное издание. СПб., 1896. С. 5–6 («Алексей Данилович Кившенко. Биографический очерк» В.Г. Казанцева), 13 (список работ).

П.И. БАРТЕНЕВ – ПУБЛИКАТОР МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ВОРОНЦОВЫХ

М.П. Пряшникова
кандидат искусствоведения
г. Москва

Пётр Иванович Бартенев (1829–1912) – известный историк-археограф, внёсший значительный вклад в изучение истории рода Воронцовых (в их числе и Екатерины Романовны Дашковой) и Воронцовых-Дашковых. Можно сказать, что он был крупнейшим в XIX в. публикатором исторических документов из частных архивов крупнейших русских родов, к числу которых, несомненно, относился и род Воронцовых. Наследие П.И. Бартенева огромно и ещё мало изучено. Его архив, включающий подлинники и копии материалов из различных архивов, дошёл до нашего времени лишь в малой части, которая хранится в его личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства. Библиотека Петра Ивановича Бартенева поступила в Государственный исторический музей.

Как выдающийся профессионал, историк и публикатор первоисточников, Пётр Иванович Бартенев сложился достаточно рано, чему способствовала вся его творческая биография. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета у талантливых профессоров (С.П. Шевырёва и др.) и раннее знакомство с московскими друзьями А.С. Пушкина (П.А. Плётневым, П.А. Вяземским, С.А. Соболевским) способствовало тому, что он сблизился с кругом московских славянофилов и проявил большой интерес к московским историческим документам и их публикации.

Закончив университет, П.И. Бартенев начал работу в Московском архиве Министерства иностранных дел – крупнейшем хранилище подлинных документов, начиная с Древней Руси. Работа в архиве дала ему навыки практической работы с документами, а знакомство с деятельностью своих предшественников послужило образцом подлинно исторического подхода к документам и правилам их публикации. Среди этих предшественников были А.Ф. Малиновский, Ф.Ф. Вигель, братья Тургеневы, братья Булгаковы, И.А. Мусин-

Пушкин и многие другие. В это же время он начал публиковаться в журналах славянофильского направления – «Москвитянине» и «Русской беседе». В 1858 г. П.И. Бартенев посетил несколько стран Западной Европы, слушал лекции в Берлине, Париже, Праге. В Лондоне познакомился с А.И. Герценом и передал ему для публикации ряд неизвестных документов по русской истории.

После возвращения в Москву Пётр Иванович был приглашён Г.А. Чертковым, владельцем крупнейшей частной библиотеки, хранившей редкие древние книги и рукописи по российской истории, для работы с её фондами. Учёный составил полный каталог этой библиотеки и начал в эти же годы издание замечательного журнала «Русский архив», которым руководил до конца жизни. Принципиальной особенностью «Русского архива» было то, что он собирал и публиковал прежде всего материалы из частных собраний, которых не касались официальные издания. В результате ему удалось ввести в научный оборот огромный комплекс документов XVIII–XIX вв.

Пётр Иванович был также крупнейшим библиографом – им составлены библиографические указатели к практически забытым сейчас журналам «Русская беседа» и «Москвитянин», к изданиям Московского общества истории и древностей российских.

Огромный вклад внёс П.И. Бартенев в публикацию семейных архивов рода Воронцовых. Как известно, в конце 1860-х гг. Семён Михайлович Воронцов обратился к нему с просьбой о подготовке к изданию материалов семейного архива. Договор между Семёном Михайловичем Воронцовым и П.И. Бартеневым был подписан в Одессе 8 июля 1869 г.[1]. В архиве историка сохранился листок с датами главных этапов работы над публикацией «Архива князя Воронцова», от самого начала до года смерти Семёна Михайловича. Это не текст договора, а запись Петра Ивановича, сделанная для себя значительно позднее, около 1881 г. В ней зафиксированы даты выхода отдельных томов (книги с 1 по 24-ю включительно), его визиты в Одессу, в Алупкинский дворец, а также в Петербург и за границу для работы с материалами.

Найденный документ позволяет проследить, с какой интенсивностью шла работа над изданием такого неимоверного по объёму собрания документов. Приведу начало этого текста, очень важного для понимания условий работы над многотомником.

«Условие моё с князем С.М. Воронцовым о печатании его архива подписано в Одессе 8 июля 1869 года.

Первая книга вышла в свет в июне 1870.

Вторая в июне 1871.

Осенью этого года я был вторично в Одессе и в Крыму.

3-я и 4-я вышли в июне 1872.

5-я осенью 1872.

Весною 1873 уволился я от Чертковской библиотеки.

В апреле 1874 князь вздумал было приостановить издание Архива.

7-я вышла в декабре 1874.

В 1874 году осенью я был, должно быть, первый раз в Гамбурге.

23 апреля 1875 был я в Петербурге»[2].

Обращает на себя внимание, что П.И. Бартенев в это время не прекращал своей работы в Чертковской библиотеке и продолжал издание «Русского архива». Его работоспособность просто поражает.

По-видимому, проспекта издания перед началом работы не существовало. Был принят лишь самый общий принцип организации материалов – хронологический, который в некоторых, довольно редких, случаях нарушался, если обнаруживались документы, относящиеся к более раннему времени, публикация которых признавалась всё же необходимой. Решение о содержании каждого тома и первичный отбор документов, по-видимому, П.И. Бартенев проводил совместно с Семёном Михайловичем Воронцовым. Нужно сказать, что Семён Михайлович постепенно углублялся в эту работу, приобретая определённый опыт и формулируя для себя самого, что же он хочет получить в результате.

Это была невероятная по интенсивности работа, которую блестяще организовал и мог выполнить только такой высочайший профессионал, как Пётр Иванович. Достаточно напомнить, что договор об издании «Архива князя Воронцова» был заключён 8 июля 1869 г., а в письме С.М. Воронцова к П.И. Бартеневу от 1 декабря того же года читаем: «Печатайте с Богом первый том, – я уверен, что бумаги и портрет (М.И. Воронцова. – *М.П.*) будут совершенно так, как следует»[3].

Семён Михайлович платил П.И. Бартеневу по 5000 рублей за каждый том этого издания. Несомненно, это были большие деньги, но С.М. Воронцов был последователен, и его траты были оправданны. Пётр Иванович сделал очень профессиональное издание, сопровождённое не только комментариями, но ещё и «Росписью сорока книгам… с азбучным указателем личных имён» (1897). Это был научный подвиг издателя, уделившего 30 лет жизни изучению истории рода Воронцовых.

Личное участие Семёна Михайловича Воронцова в подготовке материалов к изданию, отборе документов и их систематизации по томам неоднократно отмечал Пётр Иванович Бартенев. С сожалением нужно сказать, что исследователи, занимающиеся историей рода Воронцовых, очень мало внимания уделяли этой фигуре, несомненно, менее яркой, чем три предшествовавших ему поколения, но в целом, как мне кажется, недооценённой. Главное дело его жизни, дело завершителя, последнего прямого наследника, было выполнено им достойно.

Письма С.М. Воронцова сохранились в большом количестве в собрании П.И. Бартенева в Российском государственном архиве литературы и искусства. Пётр Иванович сам систематизировал свою переписку по годам в отдельные папки, внутри располагая строго по хронологии их поступления. Это позволяет выяснить некоторые детали организации работы над томами.

После принятия решения о содержании готовящегося тома служащие в одесском доме библиотекари и хранители архива выполняли большую работу по разысканию и первичной систематизации материалов. Руководил этой работой Григорий Иванович Тумаевский. По-видимому, именно он заведовал хранением материалов архива и библиотеки в одесском доме. Он готовил к пересылке требуемые для подготовки очередного тома рукописи, составлял их перечень, отправлял в Москву П.И. Бартеневу. Интересно отметить, что пересылка ценнейших документов (зачастую в подлинниках и единственных экземплярах), осуществлялась по почте.

В Москве под руководством Петра Ивановича работала группа из нескольких человек, занятых расшифровкой и перепиской документов, подготовкой текста к набору и вычиткой корректур. Для этого требовались достаточно опытные люди, их подбирал сам П.И. Бар-

тенев, и работа шла под постоянным его контролем. Известно, что почерк, например, Александра Романовича, особенно на русском языке, был крайне неразборчив, и для работы по расшифровке писем требовался достаточно опытный человек. По окончании работы с подлинниками документы отправлялись обратно в Одессу, где их принимал Г.И. Тумаевский и отсылал Петру Ивановичу расписку в получении. Так, в одном из писем Сёмен Михайлович писал: «Г.И. Тумаевский, питая уважение к манускриптам, не смел приступить к вскрытию пакетов. Этот акт совершён в моём присутствии, и Вы получите расписку»[4].

Организацию материалов внутри тома, подбор иллюстраций и комментарии к документам П.И. Бартенев осуществлял сам. Корректурные листы отправлялись в Одессу на просмотр Семёну Михайловичу, и он в своих письмах высказывал некоторые замечания, которые устранялись перед выходом тома.

Письма С.М. Воронцова очень хорошо раскрывают личные качества этого человека. Известно, что одесское окружение семейства Воронцовых относилось к нему несколько пренебрежительно. Он не сделал значительной чиновничьей карьеры, его постоянно сравнивали с отцом (и не в его пользу). Его брак с Марией Васильевной Столыпиной, урождённой Трубецкой, был неудачным. Она не понимала и не уважала мужа, её мало интересовали Воронцовы. Брак последнего представителя рода, в котором не было детей, не нравился родителям С.М. Воронцова – Михаилу Семёновичу и Елизавете Ксаверьевне. Тем не менее, письма позволяют увидеть, что Семён Михайлович был глубоко порядочным человеком, хранящим достоинство своего рода, делающим реальные шаги для его прославления – и не только опубликовав семейный архив в таком объёме, которого не смогли достичь представители других родов, столь же знаменитых в российской истории, но и передавая городу Одессе и Ришельевскому лицею семейные библиотечные собрания.

В начале работы над изданием Семён Михайлович полностью полагался на П.И. Бартенева, не слишком вникая в суть проводимой работы, и соглашался на все его предложения. Так, в одном из писем он писал: «Ежели Вы полагаете, что 40 листов для тома достаточно, то я спорить не буду»[5]. 26 октября 1870 г. в письме из Алупки

он просил П.И. Бартенева об «ускорении печатания Архива: чем скорее тем лучше, так как интерес не упадёт к самому изданию»[6]. То есть его более заботило общее мнение об издании и материальный интерес.

Спустя некоторое время он начал всё больше интересоваться собственно содержанием документов, внимательно читал корректуры, высказывал собственное мнение. У него постепенно вырабатывались чёткие принципы отбора материалов: он начал понимать, что нужно печатать обязательно, порой преодолевая цензурные запреты, а что можно и опустить. «Я получил корректурные листы писем моего батюшки к А.И. Казначееву – писал он П.И. Бартеневу. – По моему мнению, эта переписка, чисто частная, не предназначалась к публикованию. Многие упоминаемые лица ещё живы. Он вёл с ним дружескую чисто конфиденциальную переписку, стараясь направить его на правильное управление городом Одесса»[7].

Приведу здесь ещё одну цитату из письма Семёна Михайловича П.И. Бартеневу, очень хорошо раскрывающему его личные качества: благородство, ответственность за начатое дело, настойчивость в преодолении препятствий на пути осуществления поставленной грандиозной задачи. В августе 1875 г. он писал: «Я читаю с жадностью письма графа Ростопчина; хотя они чрезвычайно злы и, я думаю, иногда не без клеветы. Но письма эти чрезвычайно живо обрисовывают характер эпохи, эпохи во многом непростой, но всё-таки лучше нашего гнилого времени, столь же развращённого… В наше время нет честолюбия, а есть только деньголюбие, крестолюбие и чинолюбие самого материального свойства»[8].

С годами Семён Михайлович всё более внимательно относился к работе над изданием, обращая внимание даже на частности и технические ошибки. Так, 11 марта 1780 г. он писал: «Я получил листы Архива и нашёл ошибку в № (нумерации? – *М.П.*) томов. Письма Протасова вплетены в Т. XV»[9]. Он внимательно анализировал содержание публикуемых материалов: «Возвращаю вам рукопись дедушки. Мне кажется, что это не перевод и не выписка, а оригинальное сочинение, и поэтому думаю, что печатать можно, и это представит интерес как взгляд … военного человека прошлого столетия»[10].

При таких невероятных темпах подготовки издания П.И. Бартенев, кроме предоставленных Воронцовым документов, ещё и копи-

ровал для издания материалы из других источников, отсутствующих в Одесском архиве. Так, в письме от 4 марта 1871 г. Семён Михайлович писал: «Благодарю вас за копию писем моего деда (Семёна Романовича Воронцова. – *М.П.*). Эти письма показывают в нём душу честного человека»[11]. Благодаря работе над архивом С.М. Воронцов открыл для себя образ собственного деда, который стал для него непререкаемым образцом.

Семён Михайлович обсуждал с П.И. Бартеневым возможность и желательность печатания некоторых материалов не в русском переводе, а во французском оригинале. Так, письма Семена Романовича времён Александра I и его письма к императору он предлагает печатать именно по-французски, отдельно оговаривая, что не хотел бы, чтобы переводы появились затем в бартеневском журнале «Русский архив». «Мне в Петербурге сказали, что цензуре приказали пропускать – на основании, что издание историко-научное, и не распространяется в публике. Поэтому переводы могут помешать дальнейшему печатанию Архива моего. <…> По всему этому прошу Вас переводов из X и XI томов в “Русском архиве” не печатать»[12].

Работа над изданием велась в очень быстром темпе, и к 1877 г. вышло 12 томов. «Затем – писал П.И. Бартенев, – последовал перерыв, ибо во время войны князь командовал корпусом в Крыму». Следующие книги – 13-я и 14-я – вышли в июне 1879 г. Осенью 1879 г. и летом 1880 г. Пётр Иванович сам работал с материалами воронцовского архива в Одессе и в Крыму, а в марте 1880-го – в петербургском доме, отбирая материалы для следующих томов.

В 1880 г. в подготовке томов «Архива князя Воронцова» принимал участие некто Шегуров, историк, особенно интересующийся личностью Екатерины Романовны Дашковой. Как писал Семён Михайлович в письме от 28 апреля 1880 г., «Шегуров написал целую диссертацию о княгине Дашковой, и… что записки, изданные в Лондоне, во многом отличаются от оригинала. Шегуров воспламенился насчёт княгини Дашковой, бог знает почему, и ставит её выше её братьев, что кажется странным»[13]. С.М. Воронцов не склонен был доверять Шегурову решение о публикации некоторых документов, в частности, материалов Елизаветы Романовны. Он писал П.И. Бартеневу: «…Не думаю, что следовало бы предоставить Шегурову, по его усмотрению, делать выборку из любопытных мест в письмах

Елизаветы Романовны. <…> Эти выписки надо делать с большим тактом»[14]. К сожалению, мне пока не удалось выяснить какие-нибудь подробности о «диссертации» Шегурова.

П.И. Бартенев стремился предельно ускорить работу – возможно, здоровье Семёна Михайловича в это время резко ухудшилось, что заметно по его изменившемуся почерку. Как записал сам Пётр Иванович в своей уже цитированной записке («Условие моё с князем Воронцовым…»), в результате усиленной работы в 1880 г. вышли 16, 17 и 18 книги (апрель), в конце июля была напечатана, но не выпущена 24-я книга, а в декабре вышла 19-я. В 1881 г. в апреле и мае вышли 20 и 21-я, а к середине декабря – 22 и 23-я книги. Таким образом, документ прерывается на работе, сделанной в 1881 г.

6 мая 1882 г. Семён Михайлович Воронцов умер в Санкт-Петербурге, однако издание «Архива князя Воронцова» не прекратилось. Хроника работы над оставшимися 16-ю книгами может быть прослежена по выходным данным томов. К сожалению, продолжить начатое Семёном Михайловичем дело в семье было некому. Его жена Мария Васильевна, светская красавица, не хотела и не могла стать его преемницей. О том, насколько она была далека от главного дела последних лет жизни своего мужа, свидетельствуют несколько сохранившихся её писем в архиве П.И. Бартенева. Они написаны в 1894 г. из Швейцарии в ответ на письма Петра Ивановича, и абсолютно пусты по содержанию. П.И. Бартенев просил её о чём-то, и в ответ получил заверения, что всё «будет сделано, как вы желаете. Сегодня же напишу Шуванову, который этим занимался все эти годы и знает это лучше моего»[15]. Это по существу отписка. Письмо написано секретарём и только подписано ею. В то время издание «Архива князя Воронцова» уже близилось к своему окончанию.

П.И. Бартенев с полной самоотверженностью закончил дело, начатое последним прямым представителем рода Воронцовых. Он довёл до конца издание родового архива, чем показал пример другим представителям знатнейших российских фамилий. По полноте охвата материалов «Архив князя Воронцова» не знает аналогов. В целом Пётр Иванович занимался архивом Воронцовых более 28 лет: последний, сороковой том вышел в 1895 г., а через два года – «Роспись сорока книгам Архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имён».

Примечания

[1] РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1 об.
[2] Там же. Л. 1.
[3] Там же. Д. 561. Л. 634.
[4] Там же. Д. 566. Л. 159.
[5] Там же. Д. 562. Л. 170.
[6] Там же. Л. 539.
[7] Там же. Д. 567. Л. 39.
[8] Там же. Л. 253.
[9] Там же. Д. 572. Л. 76.
[10] Там же. Д. 574. Л. 24.
[11] Там же. Д. 563. Л. 71.
[12] Там же. Д. 568. Л. 400.
[13] Там же. Д. 572. Л. 120.
[14] Там же. Л. 236.
[15] Там же. Д. 586. Л. 340.

ПУШКИНЫ И Е.Р. ДАШКОВА

Е.Н. Фирсова
г. Москва

Оставшийся в России экземпляр «Записок» Дашковой два года находился в руках её душеприказчика – поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого. Лишь в феврале 1812 г. второй душеприказчик Екатерины Романовны, граф Пётр Санти, отослал рукопись наследнику княгини Михаилу Семёновичу Воронцову. Известная копия «Записок» Е.Р. Дашковой, сделанная поэтом П.А. Вяземским, выполнена на бумаге с водяным знаком «1814». Следовательно, это уже не первая переписанная с «Записок» копия. Возможно, прежде их скопировал сам Ю.А. Нелединский-Мелецкий, а уже с его копии сделал список П.А. Вяземский. Эти копии, вероятно, читали многие литераторы из окружения поэтов. Так, известно, что в конце 1820-х гг. экземпляр П.А. Вяземского изучал поэт И.И. Дмитриев, лучший друг Н.М. Карамзина. Возможно, что историк, относившийся с большим уважением к Е.Р. Дашковой и написавший некролог на её смерть, также знал о «Записках» и читал их.

А.С. Пушкин, по мнению историка М.И. Гиллельсона, читал «Записки» княгини в 1830-х гг., но он мог ознакомиться с ними и ранее, ещё до своей ссылки, начавшейся в 1820 г., так как вместе с П.А. Вяземским входил в состав общества «Арзамас». Это было содружество людей, бывших близкими по духу и интересам. В «Арзамасе» велись смелые разговоры, читались смелые произведения, даже запрещённые. Мемуары, отражающие царствование Екатерины II, тогда были под запретом, и тем привлекательнее они оказывались для молодого пылкого ума поэта.

В данной статье мы остановимся на том, что А.С. Пушкин, читая «Записки» Е.Р. Дашковой, сделал на полях одно недоброжелательное замечание в адрес автора, которое на первый взгляд удивляет своей малозначимостью.

Напомним содержание фрагмента мемуаров княгини, обратившего на себя внимание поэта.

Дело происходило в Лионе – городе, который Екатерина Романовна посетила со своей подругой П.Ф. Каменской и новыми знакомыми – англичанками. «В первый же спектакль мы отправились в театр: леди Райдер, m-me Гамильтон, госпожа Каменская и я; но каково было наше удивление, когда в отведённой нам ложе я нашла четырёх лионских дам, расположившихся в ней; на представление моего проводника, что ложа эта предназначена герцогом для знатных иностранных дам, они, будто глухонемые, не двигались с места и ничего не отвечали. Я попросила проводника более не беспокоиться, говоря, что спектакль не представляет для меня особенного интереса, и решила вернуться домой. Леди Райдер и госпожа Каменская остались стоять за этими дерзкими женщинами, а мы с m-me Гамильтон вернулись к себе»[1].

На полях рукой А.С. Пушкина написано: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился».

Историк М.И. Гиллельсон в своём исследовании «Пушкин и "Записки" Е.Р. Дашковой», пытаясь объяснить это замечание поэта, ведёт читателя по пути своего представления о том, как именно Александр Сергеевич читал «Записки» и что его привело к такому замечанию. Исследователь уверен, что А.С. Пушкин тщательнейшим образом следил за княгиней, которая, предпочитая Д. Дидро всем прочим французским философам, долгое время общалась с ним в Париже. «Пушкин продолжает читать "Записки", и вскоре ему удаётся обнаружить неприметный на первый взгляд, но весьма примечательный эпизод, показывающий, что у Дашковой вслед за "взлётами" её встреч с Дидро бывали и "падения"»[2]. Автор не расшифровывает свои закавыченные слова, оставив читателю гадать, чему бы это приписать?

Далее он пишет: «В беседах с Дидро сконцентрировалась идейная проблематика воспоминаний, и понятно, что именно они вызвали пристальное внимание Пушкина. Как только Дашкова незаметно для себя проговаривается, Пушкин хватает её за руку: Вы признаёте Дидро необыкновенным человеком, так извольте уж до конца следовать его наставлениям»[3]. Видимо, «падением» М.И. Гиллельсон посчитал то, что Екатерина Романовна назвала лионских женщин дерзкими (в переводе цитировавшегося исследователя – «наглыми»).

Но княгиня дала им точную оценку: они таковыми и были, невзирая на социальное равенство или неравенство. Сам Александр Сергеевич за такие подобные поступки на дуэль вызывал.

Каким же «наставлениям» Д. Дидро, по мнению М.И. Гиллельсона, должна «до конца» следовать Е.Р. Дашкова? Откуда известно об этих наставлениях? Екатерина Романовна вела с французским философом честную полемику, прямо высказывая своё мнение. Никаких наставлений он ей не давал. Она, как и Д. Дидро, признавала равенство и свободу всех людей, однако добавляя, что свобода без просвещения превратится в анархию. К слову «просвещение» в данном случае с лионскими дамами можно прибавить и слово «воспитание».

Доводы М.И. Гиллельсона уместнее привести в отношении Д. Дидро и Екатерины II.

«Находясь в Петербурге, Дидро понял, что те идеи, которые он раскрывал Екатерине II, никакого практического применения в России иметь не будут. В письме к Е.Р. Дашковой он писал, что развивал перед императрицей идеи народовластия с той же свободой, «с какой Вы позволяли мне говорить на улице Гренвиль». Мыслитель, очевидно, понял, что знаменитая «ученица французских философов» – российская императрица – совершенно не склонна на деле осуществлять их политические намерения. В письме Е.Р. Дашковой он так сформулировал свой вывод, к которому пришёл вскоре по приезде в Россию: «Идеи, перенесённые из Парижа в Петербург, принимают совершенно другой цвет»[4].

Нам же интересно понять, почему А.С. Пушкин не сделал более ни одного замечания в рукописи, если, как считает М.И. Гиллельсон, он её очень внимательно читал.

Известно, что в 1830-е гг. поэт тщательно изучал екатерининскую эпоху. Особенно его интересовали личности Е.И. Пугачёва и А.Н. Радищева как поборников свободы. Освобождение крестьян декабристами потерпело фиаско, но воздух свободы остался. Александр Сергеевич работал в архивах, читал различные воспоминания современников А.Н. Радищева и Е.И. Пугачёва, разговаривал с людьми, помнившими ту эпоху, путешествовал по местам, некогда охваченным «пугачёвщиной».

В «Записках» Е.Р. Дашковой, как известно, о Е.И. Пугачёве нет ни слова, зато довольно много написано о друге её брата, графа

А.Р. Воронцова, – Александре Николаевиче Радищеве. Эти места текста «Записок» А.С. Пушкин выписывал для своей дальнейшей работы.

И всё же почему поэт, который знал историю царствования Екатерины II из разных источников, более нигде не проявил своего интереса к тексту: не поспорил, не поставил знака вопроса, не отчеркнул части текста? Как определил М.И. Гиллельсон, все отметки в рукописи сделаны рукой П.А. Вяземского.

Создаётся впечатление, что это несерьёзное замечание А.С. Пушкина было направлено в адрес Е.Р. Дашковой как небольшая пощёчина за какую-то обиду. Как нам кажется, здесь сыграл роль простой человеческий фактор: поэт очень трепетно относился к своему обедневшему роду, страдал от вынужденной зависимости от богатых семейств. Александр Сергеевич гордился своим родом, а княгиня посмела увековечить позор одного из его представителей.

Читатель «Записок» помнит, что 28 июня 1762 г. юная Е.Р. Дашкова облачилась в мужской мундир, чтобы вместе с Екатериной II отправиться в Петергоф во главе войск. «Императрица должна была надеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же самое; её величество взяла мундир у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста»[5].

И далее: «Поручик Михаил Пушкин служил в одном полку с моим мужем. Он был очень умён и благодаря его тонкому уму и остроумной беседе пользовался большим успехом среди молодёжи. Между ним и моим мужем установились частые и фамильярные отношения, которые, пожалуй, можно было принять и за дружбу». Далее Екатерина Романовна писала о том, что Михаил Пушкин попадал в неприятные ситуации из-за неуплаты различных долгов, и они с мужем постоянно спасали его. «Наконец, у Пушкина (отец его потерял своё место и попал под суд за лихоимство в последние годы царствования Елизаветы) денежные дела были очень расстроены; отец не мог ему ничего давать; жалованье его было невелико, и мой муж великодушно выручал из денежных затруднений, как его, так и его брата»[6].

И муж, и жена относились к М. Пушкину с большим участием, желая помочь ему сделать карьеру при дворе. Они считали, что его большие таланты пригодятся в воспитании великого князя Павла,

но получилось так, что некое недоразумение перевернуло всё с ног на голову. Михаил Пушкин, поддавшись интригам ненавидимого Дашковыми Григория Орлова, согласился на его ходатайство в этом назначении. Такой поступок Дашковы расценили как предательство. Екатерина Романовна очень подробно описывала отношения с Михаилом Пушкиным, так как придворные интриги и клевета испортили её и без того не самые лучшие отношения с императрицей. Далее о судьбе М. Пушкина княгиня сообщила следующее: «Впоследствии, благодаря покровительству Орлова, ему было поручено заведование мануфактур-коллегией; пользуясь оказанным ему доверием и данной властью, он велел фабриковать за границей фальшивые ассигнации, за что был сослан в Сибирь, где и провёл остаток своих дней»[7].

История в точности подтверждает слова Е.Р. Дашковой. Михаил Алексеевич Пушкин (1743–1792), будучи в 1761 г. сержантом Преображенского полка, в 1762 г. произведён в офицеры, а в 1763 г. определён в Коммерц-коллегию прокурором.

В начале 1770 г. его брат Сергей Пушкин был задержан на польской границе с клише и другими приспособлениями для печатания фальшивых денег. Вместе с братом Михаил Пушкин был осуждён как фальшивомонетчик и отправлен в 1772 г. в пожизненную ссылку с лишением прав и состояния. Впредь обоих братьев было приказано именовать только «бывшими Пушкиными».

Михаил Алексеевич и его супруга Наталья Абрамовна, урождённая Волконская (1746–1819), были сосланы в Тобольск. Малолетнего сына Алексея они оставили в Петербурге в семье родственников. Брат М. Пушкина Сергей был сослан на Соловки.

В Тобольске Михаил Пушкин занимался литераторством. Он печатал свои стихи в издаваемом в Тобольске Панкратием Сумароковым журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789–1791). Ипокрена – название источника на горе Геликон, который образовался от удара копыта Пегаса, коня Зевса.

Наталья Абрамовна также печаталась в этом журнале, став, таким образом, первой сибирской журналисткой.

Воспитанник Е.Р. Дашковой, писатель Николай Петрович Николев, участвуя в судьбе изгнанника, напечатал в своём издании его стихи, присланные из Сибири: «Послание М.А., бывшего Пушкина, к Н.П. Николеву».

В Тобольске М.А. Пушкин близко познакомился с А.Н. Радищевым, направляющимся в Илимск.

Александр Николаевич также принял участие в издании журнала «Иртыш». Редактор этого журнала – внучатый племянник поэта А.П.Сумарокова – Панкратий Платонович, сосланный, как и М.А. Пушкин за финансовые нарушения, в дальнейшем стал редактором журнала «Вестник Европы». В библиотеке А.С. Пушкина была книга стихотворений и сказок П.П. Сумарокова.

Михаил Алексеевич Пушкин скончался в неполные пятьдесят лет в Тобольске. Супруга его вернулась к сыну Алексею Михайловичу, ставшему поэтом, переводчиком и театралом. Он был известен как острослов. Его меткие словечки и анекдоты приводил в записных книжках П.А. Вяземский. А.С. Пушкин был лично знаком с этим родственником. Родство их было дальним, но шло от одного предка – Григория Пушки. Ветвь Александра Сергеевича называлась – большой, а Алексея Михайловича – малой.

Вероятно, от Алексея Михайловича Пушкина Александр Сергеевич знал о судьбе его родителей, так как тот неоднократно посещал их в Тобольске. Возможно, что Алексей Пушкин привёз в Петербург журнал «Иртыш» для своей библиотеки, и Александр Сергеевич мог его видеть. Этот журнал считается первым периодическим изданием, выходившим в Сибири. А.С. Пушкин мог знать от родственника о том, что его отец подружился в Тобольске с А.Н. Радищевым, который там находился в 1790–1791 гг.

Когда в 1825 г. внезапно скончался А.М. Пушкин, Александр Сергеевич писал другу П.А. Вяземскому: «Пошёл мор на Пушкиных. Как жаль, что умер Алексей Михайлович!»[8].

Всё это заставляет думать, что, читая в «Записках» Е.Р. Дашковой неблаговидный отзыв о своей родне, Александр Сергеевич, по пылкости нрава, не имея возможности потребовать сатисфакции, всё же не мог отмолчаться и ответил княгине как мог: просто огрызнулся.

Кроме того, А.С. Пушкин знал, что Екатерина Романовна была родной тёткой ненавистного ему графа М.С. Воронцова. Историк-романтик В.А. Удовик считает, что позже, в зрелом возрасте, поэт пересмотрел своё неверное представление о М.С. Воронцове и раскаялся, но это лишь желаемое предположение. Поэт П.А. Вяземский

– друг и единомышленник А.С. Пушкина, будучи в 1838 г. в Лондоне и встречаясь там с сестрой М.С. Воронцова Екатериной Пэмброк, записал в своей книжке: «Леди Пэмброк, уговаривая меня погостить подолее и приехать к ней, прельщает всё братом. Особенно его одолжила бы она встречая мною. Не знаю почему, но я уверен, что он меня терпеть не может, или знаю, потому что в натуре его есть что-то низкое и подлое, которое чутьём должно пронюхать презрение и отвращение моё к подлецам его разбора…»[9]. Далее следуют оскорбления, превышающие все возможные меры.

П.А. Вяземский, как близкий друг Александра Сергеевича, знал об его отношении к М.С. Воронцову, сам имел подобное мнение и остался при нём даже после смерти поэта.

Нам кажется, что именно личностный фактор является наиболее верным ответом на то, почему А.С. Пушкин сделал Е.Р. Дашковой несущественное замечание на полях рукописи её «Записок».

Примечания

[1] *Дашкова Е.Р.* Записки. Калининград, 2001. С. 151.
[2] *Гиллельсон М.И.* Пушкин и «Записки» Дашковой. М., 1975. С. 143.
[3] Там же.
[4] *Моисеева Г.Н.* Дени Дидро и Е.Р. Дашкова // Русская литература XVIII века в её связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 203.
[5] *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 79.
[6] Там же. С. 102.
[7] Там же. С. 106.
[8] Собрание сочинений А.С. Пушкина: в 10 т. Т. 9. М., 1962. Письмо 138.
[9] *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 205.

ОТРАЖЁННАЯ В ВЕКАХ: Е.Р. ДАШКОВА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Г.В. Черноголовина
член Союза писателей РФ
г. Протвино

И.Б. Карпова
Центральная городская библиотека
им. Е.Р. Дашковой (г. Протвино)

Отражение образа княгини Е.Р. Дашковой в литературе в течение двух с половиной веков меняется в зависимости от различных периодов российской истории. Прежде всего, это период екатерининского правления – то есть вторая половина XVIII в., за ним следует период создания «Записок» Е.Р. Дашковой и оценка их пока ограниченными слоями общества. Третий период – вторая половина XIX в., после публикации «Записок» княгини и статьи А.И. Герцена о Екатерине Романовне, отмечается довольно бурными спорами и противоречивыми оценками личности Е.Р. Дашковой и её мемуаров. Во времена войн и революций, с начала XX в. по 1760-е гг., образ княгини затушёвывается или подвергается вульгарно-социологической оценке. Лишь в третьей четверти XX в. начинается пятый и довольно оживлённый период, когда читатель, по сути, заново знакомится с образом великой россиянки, и, наконец, период новейшей истории, свидетелями и участниками которого мы с вами являемся.

«…Её достижения то высоко оценивали, то страстно осуждали… Многие стремились возвести её на Парнас своими гиперболами и панегириками… Превозносили её ум, блестящее образование, необычную энергию… Другие несправедливо ставили её к позорному столбу и смешивали с грязью, указывая на её скаредность, тщеславие, гордыню, вспыльчивость, амбициозность и любовь

к интригам… Такие несопоставимые оценки её жизни ярко демонстрируют всю ограниченность и предубеждения этой эпохи»[1]. Так пишет А.И. Воронцов-Дашков о второй половине XVIII в. Но что можем сказать мы о веке нашем, когда все мнения зеркально повторяются и тысячекратно тиражируются в нынешних средствах массовой информации? Значит ли это, что в своих «предубеждениях» и «ограниченности» мы не шагнули дальше XVIII столетия, или дело в другом, а именно – в самой личности княгини настолько жизненной, что мы до сих пор представляем её среди нас.

Первыми дошедшими до нас характеристиками Е.Р. Дашковой можно считать выдержки из письма великой княгини Екатерины Алексеевны: «…По всей России вряд ли отыщется друг, более достойный Вас… Трудно найти… кого-нибудь, кто мог бы достойно заменить Вас… Нельзя не восхищаться Вашим характером… Я прошу, нет, я умоляю Вас не пренебрегать таким редким талантом…»[2]. Такова была, судя по этим строкам, семнадцатилетняя Е.Р. Дашкова: с редким умом и талантом, необыкновенной способностью к верной дружбе, характером, достойным восхищения. Вряд ли следует это расценивать лишь в качестве лести. Умная проницательная Екатерина Алексеевна сумела увидеть в своей юной поклоннице те «необыкновенные качества души и мужественную возвышенность ума», которыми восхищался А.С. Пушкин в героине неоконченного романа «Рославлев», явно связав их с Е.Р. Дашковой[3]. Не прошло и двух лет, как взгляд Екатерины II резко изменился: «…Княгиня Дашкова не внушала никакого доверия… С большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер… Наши главари её не любят…»[4]. Поневоле согласишься с характеристикой, которую дал императрице Д. Дидро: «…в ней душа Брута с сердцем Клеопатры»[5].

Казалось бы, государыня просто приревновала юную сподвижницу к своей славе: «И.И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменила правительство этой Империи…»[6].

Если разобраться, ответ следует искать в поведении Е.Р. Дашковой сразу после переворота, когда она, по сути, открыто выразила неодобрение связи Екатерины II с Григорием Орловым и возмутилась убийством Петра III, явно обвинив в нём Орловых. «…Я высказалась весьма неосторожно, выразив надежду, что Алексей Орлов теперь,

наконец, поймёт: отныне мы не можем иметь ничего общего, и он никогда не посмеет со мной заговорить. Все братья Орловы стали моими непримиримыми врагами…»[7].

Екатерина II была явно напугана бескомпромиссностью княгини. «Время было тяжёлое для неё. Перемена 28 июня не могла остаться без нравственных последствий… Екатерине было нужно много лет… чтоб заставить признать законность своей власти. В первое время царствования это признание не было ещё всеобщим, и в Европе не было ещё уверенности, что Екатерина удержится на престоле…»[8].

Императрица сознавала, что держится пока что благодаря гвардии и прежде всего, «главарям» – братьям Орловым. Е.Р. Дашкова, как ни пыталась Екатерина II доказать её неосведомлённость, слишком много знала.

Во все времена правители любым способом избавлялись от соперников и нежелательных свидетелей. Выход был один: уничтожить княгиню морально, выставив на весь мир и на все века тщеславной лгуньей, которой нельзя верить абсолютно ни в чём. С помощью тех же «главарей» так дискредитируется роль Екатерины Романовны в подготовке и совершении переворота, что даже в третьем тысячелетии это позволит иным историкам с плохо скрываемым злорадством утверждать с телеэкрана, что княгиня переворот просто-напросто «проспала»[9].

Тем не менее, С.М. Соловьёв, сопоставляя и воспоминания Е.Р. Дашковой, и версию «вождей предприятия», замечал: «Оставим в стороне догадки и обратим внимание на свидетельства неоспоримые: в списке наград за участие в событии 28 июня назначено: “Гетману, князю Волконскому, Панину по 5000 пенсиона” и непосредственно за ними: “Дашковой 12 000”. Кроме того, от 5 августа сохранилась записка Екатерины II: “Выдать княгине Катерине Дашковой за её ко мне и к отечеству *отменные заслуги* (курсив С.М. Соловьёва. – *Г.Ч., И.К.*) 24 000 рублей”»[10]. Отдавая дань общепринятым сомнениям в абсолютной достоверности мемуаров Е.Р. Дашковой, известнейший историк, по всей видимости, не мог не учитывать нравственных качеств княгини и Орловых, для коих, по сути, ничего святого не существовало, так что ложь и клевета для них были вполне естественны.

Императрица создавала вокруг Екатерины Романовны атмосферу насмешек и подозрительности, как с помощью своего ближайшего окружения, так и через послов иностранных государств. Французский посол Бретейль сообщал, что императрица обратилась к нему с просьбой поговорить с Вольтером: дабы тот не приписывал «успех революции» Е.Р. Дашковой[11].

Не странно ли, что желая принизить роль княгини в перевороте, Екатерина II сама раздувала её значение? Вот уже и Людовик XV в ответ на письмо своего посла рассуждал: «…Княгиня Е.Р. Дашкова с романтической головой и ободрённая успехом, может подумать, что она недостаточно награждена, что к ней не имеют достаточной доверенности, наконец, по какому бы то ни было побуждению снова заведёт волнение»[12].

Апеллировала государыня и к Фридриху II, называя Е.Р. Дашкову непостоянной и ненадёжной молодой женщиной. Король, в тон ей, именовал княгиню «тщеславной мухой», всего скорее, использовав басню Лафонтена, «Карета и муха», написанную в 1671 г.

Конечно же, содержание письма Фридриха II было распространено в придворных кругах, а «муха» была взята «на вооружение». Инспирировав пьесу своего фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова «За мухой с обухом», императрица сама написала к ней окончание, а затем, на этой же основе, создала комедию. Правда, сами пьесы не сохранились, и о них есть лишь упоминание у А.В. Храповицкого: «…получил, для переписки, на Российском языке пословицу “За мухой с обухом”. Тут очень ясно между Постреловой и Дурындиным описана тяжба Кн. Дашковой с А.А. Нарышкиным»[13].

Всё, что могло опорочить Е.Р. Дашкову, искусственно раздувалось. Сплетни и анекдоты о жадности, мелочности, невыносимом характере Екатерины Романовны моментально подхватывались и растиражировались.

Даже когда императрице больше не нужно было опасаться за своё место на престоле и она сочла возможным, учитывая международное признание ума и просвещённости Е.Р. Дашковой, поручить ей руководство двумя академиями, она продолжала молчаливо поощрять глумление придворной челяди над княгиней.

«Самое злое и унизительное описание Е.Р. Дашковой принадлежит… Державину, который был многим обязан её покровитель-

ству», – пишет А.И. Воронцов-Дашков[14], в дальнейшем рассказав о травле, которая велась обер-шталмейстером Львом Нарышкиным, коего Екатерина Романовна считала «глупым шутом»[15].

Княгиня была органично чужда высшему свету, взиравшему на неё, как птичий двор на «гадкого утёнка». Как ни странно, ярче всего выразил этот взгляд тот, кто её вырастил и воспитал – родной дядя М.И. Воронцов: «она… имеет нрав развращённый и тщеславный, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время своё проводит»[16]. Её не понимали и боялись, словно кометы Галлея, якобы предвещавшей в то время всякие бедствия.

Совсем иначе воспринимал Е.Р. Дашкову интеллектуальный слой общества, по возможности, пытаясь её отстоять и защитить. Явно поддерживая княгиню, Д.И. Фонвизин задал в «Собеседнике» вопрос, взбесивший Екатерину II: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?»[17].

Д.И. Фонвизин, наряду с Я.Б. Княжниным, М.М. Херасковым, И.Ф. Богдановичем, принадлежал к «учёному синклиту» Академии Российской, по сути, представлявшей собой «первое национальное министерство культуры, которое под председательством Е.Р. Дашковой вырабатывало и осуществляло централизованную и продуманную программу «просветительской экспансии», формирующей позитивное и творческое мировоззрение отечественной интеллектуальной элиты»[18].

Понятно, что представители этого круга в отражении облика и духовного мира княгини противостояли окружению Екатерины II, с годами становившейся всё более подозрительной.

В «Письме к Стародуму» Д.И. Фонвизин восхвалял установление академии Российской «под покровительством председательствующей в ней толь знаменитой, просвещённой своим разумом особы»[19].

«Сотрудницей писателей почтенных» называл княгиню один из авторов «Собеседника», Я.Б. Княжнин: «В тебе, о, Дашкова, учёный видит свет…»[20]. Ему вторил М.М. Херасков:

Сладко мне повиноваться
Председательнице муз…[21]

В своеобразном «учёном хоре», прославляющем княгиню, И.Ф. Богданович избрал форму диалога богов: Аполлон скорбит, что в России музы примолкли, а Минерва, под которой нетрудно признать Екатерину II, его утешает:

Желание я знаю муз…
…Возвысить область в них мою
Начальство Дашковой даю[22].

Не явился ли такой приём отголоском поэмы «Душенька», законченной И.Ф. Богдановичем как раз тогда, в 1783 г., и сразу имевшей необыкновенный успех? Чем он объяснялся? «…В “Душеньке” можно отметить лёгкость стиха и желание, насколько позволяет официальная и правительственная цензура, побеседовать о “клубничке”…»[23]. Такое объяснение в известном энциклопедическом словаре заставляет задуматься. Почему Е.Р. Дашкова с её твёрдыми моральными установками вдруг распорядилась приобрести для академической книжной лавки тысячу копий «Душеньки»[24]? Конечно, покупались книги и других авторов, но в пределах ста, двухсот экземпляров. Может быть, дело в давнем сотрудничестве Екатерины Романовны и И.Ф. Богдановича: в 1763 г. они совместно выпустили шесть номеров журнала «Невинное упражнение», где, несмотря на анонимность авторов, явственно выражалась их приверженность идеям Просвещения и ограничению самодержавия? Или в сердце княгини всё же оставалась память о тайно и безнадёжно влюблённом молодом поэте, посвятившем ей эклоги – переводы с французского, печатавшиеся анонимно в этом же журнале.

На что в полях ни взглянешь,
Со мною ты в разлуке…[25] –

горестно восклицал поэт, когда, прервав выпуск журнала, Е.Р. Дашкова выехала из Москвы. Недавно пережившая смерть сына-младенца, вся в заботах о новорождённом Павле Михайловиче, о маленькой дочери и о муже, вряд ли могла она как-то ответить на это пылкое чувство, а может, и вообще не замечала его. Зато братья Орловы сразу причислили И.Ф. Богдановича к козням против императрицы, в коих постоянно винили Екатерину Романовну.

Когда в 1768 г. И.Ф. Богданович был на дипломатической службе в Дрездене, Екатерина II писала Н.И. Панину: «Граф Алек-

сей Григорьевич Орлов пишет, чтобы скорее сменить Богдановича, сказывают, что до измены доходит»[26]. Наветы не подтвердились, но И.Ф. Богданович был отозван из Дрездена, и карьера его всё время оставалась шаткой. В своей «Автобиографии» он писал: «Был склеветан в обществе скопом и заговором недоброжелателей разными образами, и оправдан после даже самы-своими гонителями, кои были коварствами обмануты. В 1784-м, марта 15, пожалован Сенатом в надворные советники»[27].

История довольно загадочная. Кто эти клеветники и «самы-свои» гонители, «обманутые коварствами», но настолько властные, чтобы после оправдания И.Ф. Богдановича тут же повысить его в звании? И случайно ли всё это совпадает с выходом в свет «Душеньки»? Только ли за «клубничку», кстати, по меркам нашего времени ангельски-невинную, и «лёгкость» стиля после выхода «Душеньки» «…современники произвели Богдановича в “гении”»[28]?

Так может быть, стоит внимательней вникнуть в содержание поэмы? Обратившись к её первоисточникам – мифу об Амуре и Психее, изложенному в романах Апулея «Золотой осёл» и Лафонтена «Любовь Психеи и Амура» – мы видим, что И.Ф. Богданович, по сути, создаёт оригинальное произведение с русским национальным колоритом и кардинально изменённой мотивацией действий главной героини Венеры, разгневанной чрезмерной славой Психеи – Душеньки.

Если для Венеры Апулея главное – унизить Психею, дав ей в мужья самое «жалкое убожество», а после неудачи этого замысла – и совсем физически уничтожить её[29], то цель разгневанной богини в «Душеньке» иная:

Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров заложить
И наскоро летит Амура навестить.
… Амур, Амур, вступись за честь мою и славу,
…Соделай Душеньку постылою навек,
И столь худою, и столь дурною,
Чтоб каждый от неё чуждался человек[30]!

Там, где нельзя выражать мнение открыто, начинает действовать «эзопов язык», и смеем предположить, что современникам

И.Ф. Богдановича не требовалось обладать сверхъестественной интуицией, чтобы разглядеть в выше приведённых строках гротескную параллель с письмом Екатерины II С. Понятовскому, а в содержании всей поэмы под мифологическим флёром – едкую сатиру на льстивое и склочное окружение императрицы:

И что кому угодно
В то время мог солгать
на Душеньку свободно.

Впечатляющ апофеоз травли той, что ненавистна государыне и её приспешникам:

Сажают Душеньку в особу колесницу,
Запрягши в путь сорóк станицу.
А для беседы с ней, как будто ей чета,
Садятся тут же рядом
Четыре фурии, изверженные адом:
Коварство, ненависть, хула и клевета[31].

Облитая грязью, обезображенная Душенька вынуждена скрываться в изгнании. Правда, итог поэмы, по символическому совпадению, законченной в 1783 г., когда княгиня приняла на себя руководство Академией наук, вполне оптимистичен: смилостивившись, Венера «небесною росой её умыла, и стала Душенька полна, цветна, бела, как преж сего была».

Узнаваемость Е.Р. Дашковой в «Душеньке» подкрепляется выразительными деталями: «Она же, Душенька, румяна унижает, мрачит перед собой достоинства белил», «…Познания о каждом человеке легко могла найти в своей библиотеке… Во Греции – Менандр, во Франции Мольер, Кино́, Детуш, Реньяр и сам Вольтер, в России, наконец, подобный враг пороков писатель наших дней почтенный Сумароков…».

Для екатерининской челяди улик было достаточно, чтобы настроить императрицу соответствующим образом и «склеветать» И.Ф. Богдановича. Он действительно играл с огнём, как и Е.Р. Дашкова, отважившаяся на покупку для академической лавки тысячи экземпляров поэмы. Но она хорошо знала характер своей царственной «подруги». Смешной Екатерина II быть не любила. Одно дело – раз-

гневаться на княгиню впоследствии за публикацию поэмы Я.Б. Княжнина, явно направленной против самодержавия, и другое – признать себя в богине, пусть и прекрасной, наделённой автором самыми хвалебными эпитетами, но в то же время мелочно-мстительной, преследующей беззащитную Душеньку. И императрица делает вид, что поэма ей понравилась настолько, что она ждёт продолжения. По её сказкам для великого князя Александра Павловича И.Ф. Богданович написал комедию «Радость Душеньки», которая вышла вялой, бесцветной и осталась незамеченной.

С выходом в свет «Душеньки» явственней обозначаются два направления в отражении образа Е.Р. Дашковой: ангажированное на потребу дня, в угоду власть предержащим и их окружению, рассчитанное на примитивное мышление и скандальные пересуды:

Нередко сильные, прияв на небе власть,
Бессильных поборали,
Чернили и марали[32].

Возвышенное, одухотворённое, может быть, даже чрезмерно идеализированное, но воздающее княгине должное как первой русской женщине, олицетворяющей собой стремление к вершинам Свободы, Разума, Справедливости.

Закон времён творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах проходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет[33].

Не это ли имел в виду великий собеседник Екатерины Романовны Д. Дидро: «Печальная жизнь отразилась на её внешности… Сердце её глубоко потрясено несчастьями…», «…Но в её образе мысли проявляется твёрдость, **возвышенность,** смелость и гордость»[34].

Постулату двух направлений в изображении княгини мы находим неоднократное подтверждение в сборнике докладов российских и зарубежных участников конференции, состоявшейся в 1993 г. в Санкт-Петербурге и приуроченной к 250-летию со дня рождения Е.Р. Дашковой[35].

«По количеству отзывов о россиянках XVIII – начала XIX в. Е.Р. Дашкова уступает только Екатерине II», – пишет А.Е. Чекунова,

давая развёрнутую панораму отзывов как современников княгини, так и представителей последующих российских поколений[36].

Приведя много интересных фактов и мнений, автор заключает, что более глубокое изучение известных источников и новых документов поможет «развеять не только легенды, но и сознательное искажение фактов, и мы ещё больше будем гордиться этой женщиной, так много сделавшей для славы России и отразившей в своём характере и поступках всю сложность и противоречивость “безумного” и “мудрого” XVIII столетия»[37].

«Княгиня Екатерина Романовна Дашкова была одной из тех приемлющих в равной мере хвалу и клевету личностей эпохи, которые трудно было игнорировать и обходить молчанием, – пишет профессор Кембриджа, член Британской Академии А.Г. Кросс, рассматривая отзывы англичан о Е.Р. Дашковой при её жизни[38].

Примечательно, что в Англии, как и в России, положительные отзывы о княгине исходили именно из интеллектуальной части британского общества. «Представьте себе разумную, искреннюю добродушную женщину, сердечную в своей дружбе, откровенную в своей неприязни, без подозрения или страха, короче, ту, что покажется вам давным-давно знакомой, и вы добавите к этим качествам ясное и хорошо развитое понимание», – писал в августе 1776 г. ректору Эдинбургского университета Уильяму Робертсону Александр Уэддербери, впоследствии заместитель министра юстиции[39]. Джон Робисон, профессор натуральной философии Эдинбургского университета подтверждает, что «м-р Уэддербери очень точно описал княгиню Дашкову, которая на самом деле очень необычная личность и по своим большим природным способностям, развитому разумению и по благородным принципам»[40]. «…Женщина великого таланта и обладает большими познаниями», – писал в 1793 г. о Е.Р. Дашковой друзьям преподаватель Оксфорда Джон Паркинсон из России, путешествуя в качестве воспитателя молодого английского аристократа. В дневниковых записях он отмечал блеск беседы Е.Р. Дашковой, её ум, эрудицию, любовь к музыке[41].

Зато аристократическое лондонское общество изощрялось в сплетнях о Екатерине Романовне не хуже российского двора. Знаменитый своими дневниками Гораций Уолпол вначале, осенью 1770 г., давал более-менее лояльный, хотя и с пренебрежительным

привкусом, отзыв о княгине: «…её очень даже стоит посмотреть – не из-за её лица, хотя будучи чистой татаркой, она не уродлива, её улыбка приятна, но в глазах – свирепость Катилины. Она ведёт себя необыкновенно искренно и свободно… ставит себя выше всякого внимания к платью и всему женскому, однако поёт нежно и приятно…»[42]. В следующий приезд княгини в Англию Уолпол подхватил сплетню о том, что она вместе со своим побочным братом Александром Романовичем Ранцовым была причастна к антикатолическому бунту, приведшему к кровопролитию, подчёркивая, что «скифская героиня», как он называл Е.Р. Дашкову, «кажется, чуяла революцию в воздухе»[43].

Рано лишившись матери, обделённая вниманием и любовью семьи, Екатерина Романовна высоко ценила духовное родство. А.Г. Кросс упоминает о британском после́ннике Роберте Кейте, выехавшем из России после июля 1762 г. Юную княгиню он любил «как дочь», а спустя сорок лет у самой Е.Р. Дашковой появилась ирландская дочь – Марта Вильмот, в письмах домой называвшая княгиню своей «русской матушкой»[44], и это было не просто данью сентиментализму. Их духовное родство зримо проявилось в работе над созданием «Записок», замечательного исторического и литературного памятника XVIII в., на столетия вперёд определившего содержание разнообразных течений в исторической мысли, связанной с Екатериной Романовной и её временем.

«De mortuis aut bene, aut nihil», – «О мёртвых или хорошо, или ничего!» – так можно охарактеризовать атмосферу кристаллизации образа княгини в сознании российского общества первых десятилетий XIX в. «Записки» её пока были известны лишь небольшому кругу. Первое упоминание о них встречается в дневнике В.А. Мусина-Пушкина: «Март 1812 г. Весь день провёл дома и по большей части читал “Жизнь Дашковой”»[45]. Очевидно, это был оригинал «Записок», найденный душеприказчиком княгини Ю.А. Нелединским-Мелецким, потому что копия с них была снята П.А. Вяземским только в середине 1810-х гг.: бумага, на которой переписаны «Записки», кстати, с многочисленными орфографическими искажениями, имеет чёткий водяной знак «1814»[46].

Внимание на этом следует остановить в связи с тем, что есть мнение, будто А.С. Пушкин ознакомился с «Записками» Е.Р. Дашко-

вой лишь в 1830-е гг., когда работал над статьями о А.Н. Радищеве, однако в этом можно усомниться. Известно, что начало долголетней дружбы П.А. Вяземского и А.С. Пушкина имеет точную дату: 23 марта 1816 г., когда Н.М. Карамзин и П.А. Вяземский вместе с Василием Львовичем Пушкиным навестили в Царском Селе его племянника, шестнадцатилетнего Александра[47].

Как раз к этому времени (начало 1816 г.), видимо, уже была готова копия «Записок» Е.Р. Дашковой, и П.А. Вяземский с Н.М. Карамзиным привезли её в Петербург. До отъезда П.А. Вяземского в 1818 г. в Варшаву юный А.С. Пушкин постоянно встречался с ним в доме Карамзиных и мог стать свидетелем подготовки речи Н.М. Карамзина, произнесённой 5 декабря 1818 г. на собрании Российской Академии и частично процитированной в ранней редакции «Евгения Онегина» – с комментарием А.С. Пушкина: «Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарём Российской Академии. Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещённого труда наследников Ломоносова»[48].

Кого подразумевал поэт под определением «наследники Ломоносова»? Нетрудно предположить, что именно Е.Р. Дашкову и всех сподвигнутых ею на этот судьбоносный труд. По причинам, о которых можно только догадываться, он не упоминает фамилию княгини, в дальнейших публикациях и вовсе удаляет это прозаическое отступление, именно в связи с ним трудно сомневаться, что А.С. Пушкин ознакомился с «Записками» Екатерины Романовны ещё в доме Карамзиных, где к ним проявляли огромный интерес. «Известна ли вам биография кн. Дашковой? – писал Н.М. Карамзин А.Ф. Малиновскому. – Я достал экземпляр, но так худо переписанный, что тяжело читать»[49].

Несомненно, это была копия, снятая для П.А. Вяземского, но ряд исследователей полагает, что А.С. Пушкин нашёл возможность ознакомиться с «Записками» и в первозданном их виде, находясь в Одессе, на службе у М.С. Воронцова. «В свой одесский период Пушкин имел доступ в библиотеку графа и вполне мог просматривать рукопись “Записок”», – пишет В.Н. Алексеев[50]. Того же мнения придерживается и Ю.М. Лотман[51]. «Известно, что там он изучал ряд неопубликованных и запрещённых рукописей», – писал о А.С. Пушкине М.П. Алексеев[52].

Невольно назревает версия, что чтение «Записок» Е.Р. Дашковой одновременно с созданием первых глав «Евгения Онегина» не могло не отразиться в этом произведении[53], а затем и в незаконченном романе «Рославлев».

За год до гибели поэта была опубликована его статья «Российская Академия»: «Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 г. и повелела княгине Дашковой быть председателем оной». Говоря о быстром исполнении «высочайшей воли» по созданию «Словаря Академии Российской», А.С. Пушкин подчёркивает: «Карамзин справедливо удивляется таковому подвигу»[54].

«Наследники Ломоносова», «подвиг»… Эти слова – не пустой звук, и насколько вульгарно-прямолинейны попытки сконцентрироваться на нескольких случайных записях анекдотов и сплетен, чтобы сделать категорический вывод: «…Отношение Пушкина к княгине Е.Р. Дашковой было скорее неприязненным… Ничего позитивного Пушкин о княгине Дашковой нигде не сказал»[55]. Или, ещё хлеще: «…А.С. Пушкин, например, считал, что Дашкова стала президентом Академии наук через постель государыни»[56].

Цензурные рамки не позволили А.С. Пушкину в вышеуказанной статье дать анализ вопросов Д.И. Фонвизина и ответов императрицы в «Собеседнике любителей российского слова», он лишь привёл их, а в середине 1850-х гг. молодой критик Н.А. Добролюбов написал основательное исследование о журнале, подчеркнув роль Е.Р. Дашковой в его создании, которое было «…её задушевной мыслью: она надеялась посредством его действовать на распространение знаний, развитие истинных понятий, на образование самого языка… Более серьёзно, нежели все окружавшие её, проникнутая просвещёнными идеями… она стояла гораздо выше современного ей русского общества»[57].

В первой статье о Екатерине Романовне, написанной после её кончины, опубликованной в 1820 г. в журнале «Русский вестник» и принадлежавшей С.Н. Глинке, княгине давалась такая характеристика: «Сия знаменитая Россиянка, столько прославленная подвигами своими на поприще наук и политики, известная не только в России, но и в Европе… С умом россиянки у неё весь ум был европейский»[58].

«Записки» Е.Р. Дашковой в этот период, да и в дальнейшем, до 1905 г. были в России под цензурным запретом, но в списках имелись в разных домах, в том числе хранились они и в очень близком к Екатерине Романовне семействе Малиновских. С.Р. Долгова приводит слова историка М.П. Погодина: «Алексей Фёдорович Малиновский, которого супруга родня кн. Дашковой, давал мне читать её собственноручную тетрадь записок»[59]. А.Ф. Малиновский составил жизнеописание княгини, законченное 9 мая 1836 г., но так и не опубликованное. В книге С.Р. Долговой оно помещено под авторским названием «Сведения для жизнеописания княгини Екатерины Романовны Дашковой» и является ценным свидетельством почтительного отношения к памяти княгини, преобладавшего в российском обществе в первые десятилетия после её ухода из жизни: «Ум и нравственные качества княгини Екатерины Романовны не многими разгаданы. Суждения свои размеряла она собственным масштабом… Она внушала соотечественникам желание своё и близкую возможность дожить до того, чтобы ни одно европейское государство не превзошло Россию славою, могуществом и просвещением»[60].

В 1859 г., когда революционная ситуация в России достигла кульминации, в Лондоне А.И. Герцен впервые опубликовал на русском языке «Записки» Е.Р. Дашковой, которые вкупе с его яркой и страстной статьёй в «Полярной звезде» (1857) возбудили в российском обществе огромный интерес к Екатерине Романовне[61].

В многочисленных статьях определился самый разный подход к личности княгини, зависевший от мировоззрения авторов, их причастности к тем или иным общественным течениям, а порой – просто из желания блеснуть «красным словцом», ради которого, как известно «не жалеют и родного отца». Как убийственные бациллы при вскрытии клада, ожили сплетни и слухи, вскормленные при екатерининском дворе.

«Счёты потомства с Екатериной II сведены. Для нас она не может быть ни знаменем, ни мишенью, – писал В.О. Ключевский, – для нас она только предмет изучения». Как ни странно, мишенью стала другая Екатерина. Позволила Е.Р. Дашкова себе некогда отозваться неодобрительно о Петре I – и вот историк начинает браниться с ней, как с живой: «…Петру много досталось от опрятных и изящных людей вроде княгини Дашковой… интеллигентная барыня-белоручка

и не могла взглянуть на чёрную работу Петра с менее возвышенной точки зрения»[62]. Е.Р. Дашкова, по В.О. Ключевскому, «очерствевшая вольтерьянка», которая, «кончив свою блестящую карьеру», уехала в Москву и здесь «вскрылась какой была: она никого не принимала, равнодушно относилась к судьбе детей, бесцеремонно дралась с прислугой. …Все её материнские чувства и грандиозные порывы сосредоточились на крысах, которых она успела приручить. Смерть сына не опечалила её, несчастье, постигшее крысу, растрогало её до глубины души. Начать с Вольтера и кончить ручной крысой могли только люди екатерининского времени»[63]. Кстати, «Записки» Е.Р. Дашковой, из которых В.О. Ключевский постоянно черпал факты для своих лекций о екатерининской эпохе, создавались именно в тот период, когда княгиня была якобы сосредоточена «исключительно на крысах». Ничего не поделаешь: В.О. Ключевский считал дворянство, аристократию паразитирующим, деградирующим классом, вот и досталось княгине как типичной его представительнице.

С иных позиций расценивал Екатерину Романовну представитель противоположного, монархического крыла академик Я.К. Грот, известный историк и наставник старших сыновей Александра II. В своём докладе о Е.Р. Дашковой в Аничковом дворце 12 марта 1890 г., превознося Екатерину Великую и отмечая, что княгиня была всем ей обязана, но из-за своего характера не могла ладить с императрицей, Я.К. Грот повторяет придворные измышления, будто Екатерина Романовна хотела командовать полком, вслед за Рюльером сообщает, что «сметливая девушка» Воронцова женила на себе князя М.И. Дашкова, а «желая возвысить своего сына приближением к императрице, встретила в Потёмкине сильного противника своим видам»[64]. В целом доклад всё же был благожелательным, с признанием высоких заслуг Е.Р. Дашковой в области науки и культуры.

«Говорят», «уверяют», «рассказывают», такими словами пестрят многие казалось бы солидные изыскания. Обвинение княгини в скупости, посеянное ещё Екатериной II, развивает редактор журнала «Русский архив» П.И. Бартенев, объявляя, что «все внуки Воронцовы были скупыми в своего деда Сурмина[65]. П.И. Бартеневу же обязаны мы «крысами», использованными затем В.О. Ключевским, а в наше время – М.М. Сафоновым, автором телеспектакля о Е.Р. Дашковой, показанного в 1990-е гг.: «Актёр, одетый в рваные

тряпки, изображавший княгиню, дрался с кем-то на шпагах, в то время, как по столу гуляли грязные крысы»[66].

После столетнего анабиоза встрепенулась и фридриховская «муха», дав в романе «Мирович» (1879) Г.П. Данилевского название главе: «Муха на рогах вола»: «…Муха на рогах вола, – отвечая на поклон княгини Дашковой, подумала Екатерина. – Бегает, суетится всё, чтобы только сказать: «и мы пахали пашенку»[67]. Определив таким образом отношение к княгине, писатель довольно прозрачно намекал на её причастность к убийству императора Иоанна Антоновича и так описывал картину казни Мировича: «Подъехала к войску придворная карета. Из её окна направилась на эшафот чья-то подзорная трубка. После говорили, что это была из любопытства везде поспевавшая Дашкова»[68]. Казнь Мировича свершилась 15 сентября 1764 г., как раз в то время, когда Екатерина Романовна лежала в беспамятстве, парализованная известием о смерти мужа. Художественный вымысел? Но не видим ли мы Бориса Годунова или М.И. Кутузова именно такими, какими их представили нам А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой? А ведь произведения Г.П. Данилевского, особенно в советское время, издавались стотысячными тиражами, и можно судить, какое представление складывалось о Е.Р. Дашковой у миллионов читателей.

Примером взвешенного ответственного отношения к историческому слову служат труды писателя Д.Л. Мордовцева, жившего и творившего одновременно с Г.П. Данилевским. Не избегая пересказа разных мнений о Е.Р. Дашковой, он в то же время выражал своё отношение к ним, а порой и комментировал, подводя итог: «Раз обратив на себя внимание, она не исчезает, как метеор, но до последней минуты своей жизни остаётся личностью замечательной»[69].

В обстоятельной работе «Правда и вымысел о княгине Е.Р. Дашковой» Е.Н. Фирсова пишет: «…Надо отдать справедливость вдумчивым и добросовестным исследователям, таким, как М.Ф. Шугуров, Д.А. Суворин, А.Б. Лобанов-Ростовский и многие другие. Они, глубоко изучив жизнь Дашковой, поняли и оценили в ней главное, ни разу не унизив её достоинства мелкотравчатыми выпадами. Вот что писал о ней М.Ф. Шугуров: “Немногие из современников понимали и умели ценить её. Она поражала их столь редкою у нас независимостью характера, твёрдостью убеждений и теми особенностями своей чисто-Русской природы, которые делали её в то время

существом совершенно sui generis, не обращавшим никакого внимания на то, "что станет говорить княгиня Марья Алексеевна". Она не шла обычной колеёй пустой, бессодержательной жизни женщины тогдашнего высшего общества, скованной условными приличиями, прикрывавшими нередко её полнейшую распущенность, и ей не могли простить этого"»[70].

В своё время именно **этого** не мог простить Екатерине Романовне Г.Р. Державин, ставя ей в пример графиню Румянцеву, не отличавшуюся целомудрием ещё со времён Петра I, а по словам Екатерины II в её «Записках», изрядную сплетницу и картёжницу. Спустя почти век писатель-публицист Казимир Валишевский сопоставлял с Е.Р. Дашковой дочь вышеупомянутой графини, госпожу П.А. Брюс, наперсницу Екатерины II по «щекотливым обязанностям» с оговоркой: «Надо сказать правду, что по всем вероятиям княгиня Дашкова не согласилась бы заниматься ими». Тем не менее, писатель оправдывал П.А. Брюс, ведь она «имела мужа, не жившего с ней», а на княгиню обрушивал весь арсенал придворного злоречия, лишь скороговоркой сообщив, что она ознаменовала своё управление Академией наук «некоторыми полезными распоряжениями и реформами». Назвав Екатерину Романовну «политической неудачницей» и полемизируя с А.И. Герценом, К. Валишевский сделал вывод: «Было бы ужасно для России обладать только таким типом жены, матери или хотя бы учёной женщины»[71].

Можно было бы не останавливаться так подробно на этом зарубежном авторе, труды которого пронизаны высокомерием и довольно пренебрежительным отношением к русским устоям, но нельзя не отметить влияние собранного им фактического материала из истории России на отдельных наших современных историков.

В первые десятилетия после Октябрьской революции имя Е.Р. Дашковой вообще замалчивалось, лишь в произведениях отдельных писателей-историков появляясь в крайне карикатурном виде. В частности, в романе О.Д. Форш «Радищев», наряду с «приплюснутым носом», «плохими зубами», «громадным самомнением» и «несносным характером» княгини[72], взята на вооружение и злополучная «муха», – залетевшая прямо в голову родного брата Екатерины Романовны – канцлера А.Р. Воронцова: «"О, la vaniteuse mouche"[73],– пронеслось в уме Воронцова», взволнованного, по вер-

сии О.Д. Форш, тем, что его сестра якобы способствовала дурному мнению императрицы о А.Н. Радищеве. Нужно попутно заметить, что отношение Екатерины Романовны к А.Н. Радищеву, изложенное ею самой в «Записках», противоречиво освещено во многих источниках и нуждается в объективном истолковании.

По той же схеме, что и О.Д. Форш, подавал образ Е.Р. Дашковой и В.С. Пикуль, не забыв дать описание её внешности: «Маленькая толстая женщина с мужскими повадками… с раздутыми щеками ребёнка, который умудрился заснуть с кашей во рту». Он также обвинял княгиню в предвзятости по отношению к Радищеву[74], а заодно сообщал: «дурнушка философ» так докучала Д. Дидро, что тот приказывал слуге подать ужин лишь после того, как его «покинет эта очаровательная гостья». В другом месте писатель заметил, что отца Е.Р. Дашковой «за его безбожное воровство и хапужество прозвали хлёстко “Роман – большой карман”»[75]. Что тут можно добавить? Разве то, что общий тираж этих романов О.Д. Форш и В.С. Пикуля составлял в советское время десятки миллионов экземпляров.

М.Д. Симашко в романе «Семирамида» на основе «Записок» Е.Р. Дашковой создал более полнокровный образ княгини[76], хотя и здесь в тени императрицы, по сути, игнорируется её самостоятельная роль в духовном развитии России.

В 1996 г. в серии «Сподвижники и фавориты» вышел роман Н.М. Молевой «Княгиня Екатерина Дашкова»[77], впервые в художественной литературе целиком посвящённый именно жизни самой Е.Р. Дашковой на фоне правления Екатерины II и судеб её родственников Воронцовых. Доктор исторических наук, писатель-архивист Н.М. Молева привлекла огромное количество документального материала, но к сожалению, избранная ею «полудраматическая» форма затрудняет восприятие. Рядовой читатель теряется среди обилия диалогов, дневников, писем, не всегда сразу угадывая, кто с кем говорит, кто кому пишет.

На грани документальной литературы с художественной написана книга Г.А. Весёлой и Е.Н. Фирсовой «Москва в судьбе княгини Дашковой»[78]. Образ княгини переплетается с судьбой древней столицы России, с описаниями дивной подмосковной природы, скрашивавшей годы её опалы. В книге собраны интересные факты,

впечатляющие документы, некоторые эпизоды из жизни Екатерины Романовны приводятся впервые.

«Сонеты к Дашковой» лауреата Пушкинской премии РФ Н.Н. Матвеевой[79] звучат своеобразно, непривычно, однако, при внимательном их прочтении облик княгини встаёт во всей его притягательности и многогранности, наводит на размышления.

Служением светясь почти победоносным.
Из сумерек она к нам смотрит золотых[80] –

это строки из сонета «К портрету княгини Дашковой». К какому портрету? Всего скорее именно к тому, что стал в 1990-е гг. бесценной находкой Е.И. Столбовой – портрета, где юная Е.Р. Дашкова в офицерском мундире, с лентой через плечо похожа на четырнадцатилетнего мальчика: «Лицо нельзя назвать красивым, однако оно полно очарования юности – сияющие воодушевлённые глаза, пухлый рот, округлые щёки»[81].

Если принять версию, что в «Душеньке» И.Ф. Богдановича «эзоповым языком» воспета Екатерина Романовна, то «Сонеты» Н.Н. Матвеевой во многом перекликаются с этой поэмой, и в воспевании высоких свойств души героини, и в обличении её клеветников.

И нет историка на свете (что за притча?)
Чтоб не был Дашковой казистей и умней,
Чтоб не словил её на лжи (судейских прытче),
Чтоб не испробовал иронию на ней! –

пишет Н.Н. Матвеева в сонете «Остановись, мгновенье»[82]. И ещё жёстче:

На то у негодяев и надёжа,
Что честные подхватят их поклёп
И голосом святым упрочат то же,
Что шло под клеветнический захлёб[83].

В прозаическом предисловии к «Сонетам» Н.Н. Матвеева пишет: «…Я столкнулась со столь чудовищными, по моему убеждению, и так далеко зашедшими… кривотолками о ней, …что я не могла не вмешаться – в произошедшее (и, кажется, ещё продолжающее

происходить). Надо было попытаться распутать хотя бы отдельные ветви той великой, дремучей, тысячекратно переплетённой, дико запущенной и в чёрной страшноте своей почти уже непроницаемой водоросли, имя которой, по-моему – Клевета!»[84].

Воссоздать истинный облик княгини Е.Р. Дашковой, очистив его от вековых наслоений предвзятости и домыслов, в конце века прошлого и начала нынешнего стремится всё больше учёных-историков, писателей, художников – всех, кому дорога история России и память о её великой дочери. За последнее сорокалетие появились десятки ценных исследований. Публикуются интересные и глубокие труды Лозинской и Моисеевой, тиражом в 130 тысяч экземпляров выходят изданные МГУ «Записки Дашковой и письма сестёр Вильмот» под редакцией и с комментариями Г.А. Весёлой. Книга мгновенно раскупается и становится библиографической редкостью.

Новым этапом в изучении жизни и деятельности Е.Р. Дашковой стало создание Воронцовского и Дашковского обществ, в их ежегодных сборниках немало оригинальных научно-исследовательских статей, раскрывающих жизнь и деятельность Е.Р. Дашковой с определённой точки зрения. Многое дают для понимания её роли в истории культуры и науки России книги Л.В. Тычининой «Великая россиянка. Жизнь и деятельность княгини Е.Р. Дашковой» (М., 2002), С.Р. Долговой «Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских» (М., 2002), Г.И. Смагиной «Сподвижница Великой Екатерины» (СПб, 2006). С историей нескольких поколений родов Воронцовых и Воронцовых-Дашковых знакомит читателей В.Н. Алексеев в книге «Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России» (М., 2002). Событием стало издание в ЖЗЛ монографии Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова «Екатерина Дашкова» (М., 2010), где уважительно и объективно раскрывается образ первой русской женщины, взявшей на себя ответственность за государственные дела. Избегая как розовых, так и чёрных красок, автор создаёт живой, полноценный образ княгини во всех его сложностях и противоречивости. Ценным пособием для сопоставления биографии Е.Р. Дашковой с историческими событиями в России и в мире, с жизнью императорского двора стала летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой «…Она была рождена для больших дел» (М., 2009), составленная Л.В. Тычининой и Н.В. Бессарабовой.

Но, как мы уже упоминали, на отражение образа Е.Р. Дашковой влияли и влияют тенденции в развитии общественного сознания.

В 2009 г. в Санкт-Петербурге был опубликован сборник статей членов Воронцовского общества «В защиту чести и достоинства графов Романа Илларионовича и Александра Романовича Воронцовых, княгини Екатерины Романовны Дашковой и светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова»[85] Против очернительства Е.Р. Дашковой было опубликовано коллективное письмо и в «Литературной газете»[86].

«Биография Дашковой вмещает интриги, перевороты, скандалы, попытки политических убийств и огромную любовь. Любовь одной женщины к другой» – такова аннотация к книге, претендующей на солидное исследование жизни княгини, но ставшей, на наш взгляд, растянутым памфлетом[87]. Историк и писатель Ольга Елисеева гораздо меньше, нежели личным качествам, уделяет внимания высоким заслугам княгини перед Отечеством: «…характер, ум, душевные качества, вклад в историю и культуру России – вызывает споры»[88], критически оценивает «Записки» княгини как исторический источник[89].

Но ведь никто никого не заставляет видеть историю только по «Запискам» Е.Р. Дашковой. «Каждый человек есть Вселенная, которая с ним рождается и умирает, – писал Генрих Гейне. – Под каждым надгробным камнем погребена всемирная история». Так остановимся в благоговении перед этим камнем, каким являются для нас «Записки» княгини, взглянем на мир её глазами, обогатимся её мыслями и чувствами. Естественно, «Записки» субъективны, как и всякие мемуары, но, несомненно, они написаны человеком честным, готовым с чистой совестью предстать перед Всевышним.

В свои православные христианские принципы, как пишет Л.В. Тычинина, «Екатерина Романовна смогла привнести яркую индивидуальность и страстность своей натуры»[90]. «Такие христианские добродетели, как любовь к ближнему, верность своему долгу, честность и милосердие воплотились в лучших чертах личности княгини. Вместе с тем она ясно осознавала и греховные изъяны своей души: гордыню, страстность, иногда несдержанность и уныние. Как истинная христианка, Екатерина Романовна боролась со своими слабостями и всеми силами старалась превозмочь посланные свыше испытания»[91].

В заключение нам хотелось бы процитировать ещё две строки из «Сонета» Н.Н. Матвеевой:

Она – душа осьмнадцатого века,
Он ветром ей наполнил рукава[92]!

Удивительно ёмким может быть поэтическое слово: «душа века» – порождённая веком или одухотворившая его? Пожалуй, и то, и другое.

Примечания

[1] *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова. Жизнь во власти и в опале. М., 2010. С. 7.
[2] Письма Екатерины II // Дашкова Е.Р. Записки (цит. по: *Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 14, 22).
[3] *Пушкин А.С.* Рославлев // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1964. С. 207.
[4] Письмо Екатерины к Понятовскому. 2 августа 1762 г. // Переворот 1762 г. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1911.
[5] *Дидро Д.* Письма Дашковой из Петербурга в Москву (Троицкое). Лондон, 1859. С. 365.
[6] Письмо Екатерины к Понятовскому.
[7] *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 78.
[8] *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. XIII. М., 1994. С. 116.
[9] *Анисимов Е.В.* Пленницы судьбы. Телеканал «Культура». Сентябрь 2006.
[10] *Соловьёв* С.*М.* Указ. соч. С. 88.
[11] *Воронцов-Дашков А.И.* Указ. соч. С. 87.
[12] *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С. 176.
[13] *Храповицкий А.И.* Памятные записки. Запись 23 октября 1788 г. / Издание Г.Н. Геннади. М., 1862. С. 124.
[14] *Воронцов-Дашков А.И.* Указ. соч. С. 8.
[15] Там же. С. 222–223.
[16] *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* «…Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни Е.Р. Дашковой. М., 2009. С. 31–32.
[17] *Фонвизин Д.И.* Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 227.
[18] *Зобнин Ю.В.* Княгиня Дашкова и её Академия Российская // Москва. 2012. № 8. С. 161–173.
[19] *Фонвизин Д.И.* Указ. соч. С. 267.
[20] *Лозинская Л.Я.* Указ. соч. С. 80.
[21] Там же. С. 80.
[22] *Богданович И.Ф.* Разговор между Минервой и Аполлоном // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 36–37.
[23] Богданович И.Ф. // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб, 1890–1907.

[24] *Воронцов-Дашков А.И.* Указ. соч. С. 179.
[25] *Богданович И.Ф.* Идиллия // Русская литература XVIII в. Т. I. М., 2001. С. 375–376.
[26] Письма Ипполита Богдановича / Публикация М.А. Арзумановой // Письма русских писателей XVIII в. М., 1980. С. 242–258.
[27] *Богданович И.Ф.* Автобиография // Отечественные записки. 1853. Т. 87. Кн. 4. С. 181–186.
[28] Богданович И.Ф. //Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь.
[29] *Апулей*. Метаморфозы. М., 1959. С. 169.
[30] *Богданович И.Ф.* Душенька // Русская литература XVIII в. М., 2001. С. 305.
[31] Там же. С. 362.
[32] Там же. С. 363.
[33] Там же. С. 371.
[34] *Моисеева Г.И. О* «Записках» Е.Р. Дашковой // Дашкова Е.Р. Записки. Калининград, 2001. С. 458.
[35] Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб, 1996.
[36] *Чекунова А.Е.* Е.Р. Дашкова в оценке современников и потомков // Там же. С. 56–63.
[37] Там же. С. 62.
[38] *Кросс А.Г.* Британские отзывы о личности и карьере Е.Р. Дашковой (1761–1810 гг.) // Там же. С. 23–40.
[39] Там же. С. 29.
[40] Там же. С. 30.
[41] Там же. С. 35.
[42] Там же. С. 27.
[43] Там же. С. 31.
[44] Там же. С. 37.
[45] *Моисеева Г.И.* Указ соч. С. 473.
[46] *Гиллельсон М.И.* Пушкин и «Записки» Е.Р. Дашковой // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 140.
[47] *Кунина В.В.* Друзья Пушкина. Пётр Андреевич Вяземский. М., 1984. С. 384.
[48] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Из ранних редакций // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М., 1964. С. 512–513.
[49] *Моисеева Г.И.* Указ соч. С. 473.
[50] *Алексеев В.Н.* Дашкова в произведениях А.С. Пушкина // Е.Р. Дашкова и XVIII век. М., 2010. С. 107.
[51] *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб, 1995. С. 785.
[52] *Алексеев М.П.* Пушкин и библиотека Воронцова // Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1. Одесса, 1925. С. 92–96.
[53] *Черноголовина Г.В.* «Ужель та самая Татьяна»: воронцовские и дашковские мотивы романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая. М., 2014. С. 259–271.
[54] *Пушкин А.С.* Российская Академия // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 365–366.

[55] *Гришунин А.Я.* Пушкин и княгиня Е.Р. Дашкова // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 95–100.
[56] *Елисеева О.И.* Дашкова академик Екатерины Великой. М., 2013. С. 3.
[57] *Добролюбов Н.А.* Собеседник любителей российского слова // Современник. 1856. № 8 (цит. по: *Чекунова А.Е.* Указ. соч. С. 59).
[58] Русский вестник. 1820. Кн. 5. С. 5–33 (цит. по: *Накагами М.* Об истории и тенденциях исследований, посвящённых Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова и золотой век Екатерины. М., 2006. С. 59).
[59] *Долгова С. Р.* Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002. С. 98.
[60] Там же. С. 172–173.
[61] *Моисеева Г.И.* Указ. соч. С. 449.
[62] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. Т. 4. М., 1958. С. 203.
[63] Там же. Т. 5. С. 177.
[64] *Смагина Г.И.* Академик Я.К. Грот и княгиня Е.Р. Дашкова // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 60–72.
[65] Русский архив. 1873. № 10. Ст. 1909 (цит. по: *Фирсова Е.Н.* Правда и вымысел о княгине Е.Р. Дашковой // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 15. Петушки, 2012. С. 145).
[66] *Фирсова Е.Н.* Указ. соч. С. 145.
[67] *Данилевский Г.П.* Мирович. Тула, 1988. С. 350–356.
[68] Там же. С. 479.
[69] *Мордовцев Д.Л.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Собрание сочинений. Т. 11. М., 1996. С. 90.
[70] Русский архив. 1880. Кн. 3. Ст.127 (цит. по: *Фирсова Е.Н.* Указ. соч.).
[71] *Валишевский К.* Наперсники и наперсницы. Княгиня Дашкова // Вокруг трона. М., 1910. С. 413–423.
[72] *Форш О.Д.* Радищев. Л., 1986. С. 346–349.
[73] О, хвастливая муха (фр.) // Там же.
[74] *Пикуль В.С.* Фаворит // Роман-газета. 1987. № 10. С. 46.
[75] Там же. № 9. С. 27
[76] *Симашко М.Д.* Семирамида. М., 1990. С. 231–245.
[77] *Молева Н.М.* Княгиня Екатерина Дашкова. М., 1996.
[78] *Весёлая Г.А., Фирсова Е.Н.* Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002. С. 436.
[79] *Матвеева Н.Н.* Сонеты к Дашковой. Предстательница муз // Сонеты. СПб, 1998. С. 29–79.
[80] Там же. С. 52.
[81] *Столбова Г.И.* Два портрета // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. С. 179.
[82] *Матвеева Н.Н.* Указ. соч. С. 60.
[83] Там же. С. 66.
[84] Там же. С. 10.
[85] *Ладыгина Т. Н., Фирсова Е.Н., Черноголовина Г.В., Удовик В.А.* В защиту чести и достоинства графа Р.И. Воронцова, графа А.Р. Воронцова, княгини Е.Р. Дашковой и светлейшего князя М.С. Воронцова. СПб, 2009

[86] Слухи, сплетни и ложь //Литературная газета. 2006. № 46. С. 15.
[87] *Елисеева О.И.* Дашкова: Академик Екатерины Великой. М., 2013.
[88] Там же. С. 3.
[89] Там же. С. 312.
[90] *Тычинина Л.В.* О христианских основах мировоззрения Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова. Великое наследие и современность. М., 2009. С. 41.
[91] Там же. С. 34.
[92] *Матвеева Н.Н.* Указ. соч. С. 33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
БРАН ОР	Библиотека Российской Академии наук. Отдел рукописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Е.Р. ДАШКОВА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Редактор РИО – *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная верстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано в печать 16.09.14. Формат 60x90$^{1/16}$.
Гарнитура Times New Roman Cyr.
Усл.-печ. л. 13,5. Тираж 200 экз.

К статье Л.В. Тычининой
«Княгиня Е.Р. Дашкова и российская культура»

Эмблема королевской Стокгольмской Академии

Эмблема Берлинского общества испытателей природы

Вид на здание Академии наук на Васильевском острове
Гравюра Т. Малтона Старшего. 1787 г.

К статье И.Е. Лопатухиной
«К.Г. Разумовский – президент Санкт-Петербургской Академии наук»

К.Г. Разумовский
Л. Токке. 1758 г.

Вид на здание Кунсткамеры на Васильевском острове
Фрагмент гравюры Г.А. Качалова и Е.А. Виноградова. 1753 г.

К статье А.А. Жирковой
«Адмирал С.К. Грейг – друг Е.Р. Дашковой и Воронцовых»

Зеркало из усадебного дома С.К. Грейга в экспозиции музея «Нарвская застава (г. Санкт-Петербург)

Дача С.К. Грейга Санс-Эннуи
Современная фотография

К статье Л.А. Старковой «На склоне лет
(переписка Е.Р. Дашковой и Н.П. Шереметева в начале XIX века)»

Н.П. Шереметев
Дж. Аткинсон. 1800 г.

Фонтанный дом Шереметевых в Санкт-Петербурге
Современная фотография

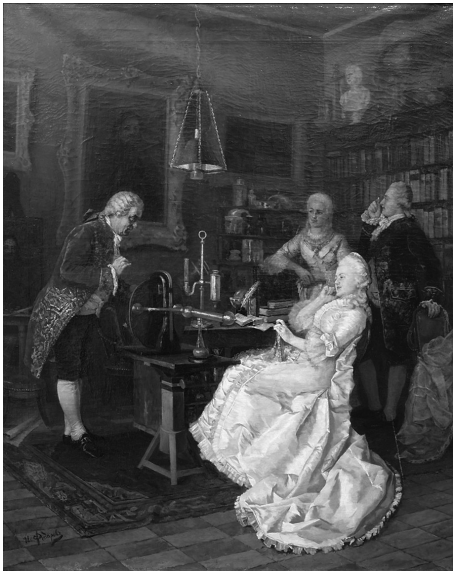
К статье Т.М. Фадеевой «Отношения России и Венеции в конце XVIII века и маркиз П. Маруцци, венецианский “грек” на службе России»

Е.С. Сумарокова
А. Горавский. 1842 г.

С.П. Сумароков
Ф. Крюгер. 1850 г.

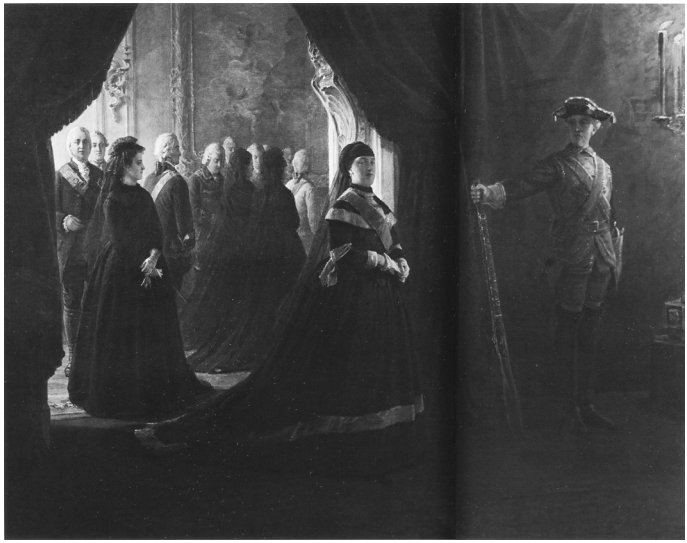
Палаццо Маруцци и греческая церковь св. Георгия в Венеции
Современная фотография

К статье Е.В. Пчелова «Образ княгини Е.Р. Дашковой в русской исторической живописи второй половины XIX века»



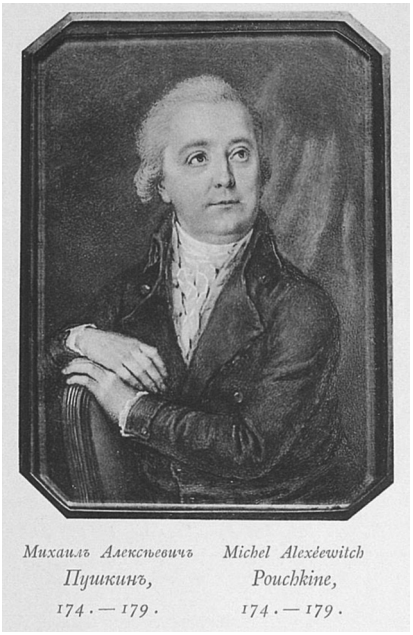
Императрица Екатерина II у М.В. Ломоносова
И.К. Фёдоров. 1884 г.

Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы
Н.Н. Ге. 1873 г.



К статье Е.Н. Фирсовой
«Пушкины и Е.Р. Дашкова»

М.А. Пушкин
Неизв. худ.
Конец XVIII – начало XIX в.



Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ, 174. — 179.
Michel Alexéewitch Pouchkine, 174. — 179.

Наталья Абрамовна Пушкина, 1746 — 1819
Natalie Abramowna Pouchkine, 1746 — 1819

Н.А. Пушкина
Неизв. худ.
Конец XVIII – начало XIX в.

К статье Л.В. Тычининой
«Дашковское общество в 2014 году: хроника событий»

XX Международные Дашковские чтения. Награждение медалью «За служение Свободе и Просвещению» депутата Государственной Думы РФ, первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию О.Н. Смолина

XX Международные Дашковские чтения. Выступление Н.А. Дементьевой на заседании секции «Е.Р. Дашкова и российская культура»